

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И
ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ И
СОВРЕМЕННОСТИ

Издательство Томского университета
2023

УДК 94+316.74+572.9

ББК 63:63.4+63.5

И73

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.И. Дятлов*,
доктор исторических наук *Ю.Г. Чернышов*

Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентично-И73 сти в истории и современности / под ред. О.А. Харусь. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-7511-2655-1

В монографии представлены результаты исследований, выполненных авторами на основе разнообразных по характеру и происхождению источников и посвященных осмыслению особенностей и динамики процессов конструирования региональной, общенациональной и транснациональной идентичности. Общий концептуальный замысел работы определяется ориентацией на осмысление взаимосвязи и сложных переплетений обозначенных выше векторов идентичности в различных географических и временных рамках, а также обусловленности этого соотношения конкретно-историческими обстоятельствами места и времени.

Для широкого круга читателей – историков, социальных антропологов, политологов, социологов и всех, интересующихся проблемами региональной, общенациональной и транснациональной идентичности в России и в мире.

УДК 94+316.74+572.9

ББК 63:63.4+63.5

Дизайн обложки Е.В. Бычковой

*В оформлении обложки использована картина
П. Филонова «Народ»*

ISBN 978-5-7511-2655-1

© Коллектив авторов, 2023

© «Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2023

INTEGRATIONAL AND
DISINTEGRATIONAL POTENTIAL OF
IDENTITY IN HISTORY AND
CONTEMPORARY WORLD

UDK 94+316.74+572.9

BBK 63:63.4+63.5

Reviewers :

Professor *Viktor Dyatlov*,
Professor *Yuriy Chernyshov*

Integrational and disintegrational potential of identity in history and contemporary world/ Edited by Professor Olga Kharus – Tomsk: Tomsk University Publisher, 2023. – 272 p.

The monograph presents the results of studies that focused on understanding particularities and dynamics of construction of regional, national and transnational identity. Authors used different sources for the studies that vary by origin and forms. The overall conceptual idea of the monograph to reveal interconnection and complex interweaving of different aspects of identity in various geographical and temporal frames, that are conditioned by concrete historical circumstances of a place and a time.

The monograph might be interesting for historians, social anthropologists, political scientists, sociologists and all interested in issues of regional, national and transnational identity in Russia and in the world.

Elena Bychkova, the book cover design

*The image from the painting «People»
by Pavel Filonov was used in cover design*

ISBN 978-5-7511-2655-1

© Authors, 2023

© «National Research Tomsk State University», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОПТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА Л.В. Дериглазова, О.А. Харусь	7
---	---

Глава 1

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В.Н. Кудряшев	22
--	----

Глава 2

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ) И.В. Нам, О.А. Харусь, В.В. Шевцов	112
---	-----

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, 1992–2016 гг. Л.В. Дериглазова, Г.В. Грошева, Д.С. Коньков	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	266
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	267

CONTENTS

Introduction

IDENTITY THROUGH OPTICS OF HISTORICAL CONSTRUCTIVISM.

L.V. Deriglazova, O.A. Kharus 7

Chapter 1

PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN CONTEXT OF RUSSIAN PUBLIC-POLITICAL THOUGHTS' DEVELOPMENT IN MIDDLE AND THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

V.N. Kudryashev 22

Chapter 2

PRACTICES OF CONSTRUCTION OF SIBERIAN IDENTITY (REGIONAL AND NATIONAL INTERESTS)

I.V. Nam, O.A. Kharus, V.V. Shevtsov 112

Chapter 3

EUROPEAN IDENTITY IN CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION (PARTICULARITIES OF FORMATION AND EVOLUTION)

L.V. Deriglazova, G.V. Grosheva, D.S. Konkov 177

CONCLUSIONS 264

LIST OF ABBREVIATIONS 266

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 269

Предисловие

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОПТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Л.В. Дериглазова, О.А. Харусь

Междисциплинарный по самой своей сути концепт «идентичность» прочно закрепился в социогуманитарном научном дискурсе. Неослабевающий интерес к проблемам идентичности стал основой для сопряжения исследовательских практик социологов, философов, политологов, культурологов, социальных антропологов, историков. Примером такого рода сотрудничества может служить реализованный в Национальном исследовательском Томском государственном университете интердисциплинарный проект, целью которого являлось исследование идентификационных стратегий, адаптационных практик и способов конструирования идентичностей в пространстве публичной политики и повседневности в России и в мире.

Для авторов этой монографии, работавших над «историческим блоком» проекта, обращение к проблемам идентичности стало импульсом к расширению исследовательского пространства за счет включения в него ментальных установок, ценностных ориентаций, форм духовности, культурно-исторических представлений социальных субъектов. Научные результаты, полученные в процессе работы над проектом, заложили основу для продолжения исследований, позволивших путем использования эвристического потенциала концепта «идентичность» выйти на новый уровень в осмыслении и понимании исторических процессов, сделать представление о них более объемным, многомерным благодаря специфической оптике такого исследовательского подхода. Замысел коллективной монографии обусловлен стремлением авторов подвести некоторые промежуточные итоги, что представляется весьма важным для определения дальнейших перспектив научного поиска.

Концепт идентичности требует определения и обоснования методологических подходов, которые были выбраны авторами монографии. В советской науке термины «идентичный», «идентичность»,

«идентификация» и «идентифицировать» носили сугубо прикладной характер и означали установление полного тождества предметов, чаще всего неодушевленных, (см., например, СЭС, 1985: 475; Ожегов, Шведова 1999: 236). В зарубежной науке концепт идентичности разрабатывался в психологии и социологии с начала XX в. для анализа представлений индивида о себе и его отношений с другими людьми и группами, включая эмоциональную окраску такого отношения в терминах «принадлежности» или «отторжения» (Kockel: 22; *The concise Oxford Dictionary of Sociology*, 1994: 232–233).

Рост популярности термина и использования концепта идентичности происходит в 1990-е гг. в связи с активизацией исследований национализма. Изучение этнической и национальной идентичности становится одной из главных тем в исследованиях национализма, в которых участвуют представители разных социогуманитарных наук. В зарубежной исследовательской литературе существует огромное количество работ, посвященных самой концепции идентичности, различным видам идентичности и роли идентичности в конфликтах. В 1990-е гг. начинается интеграция отечественной науки в мировую, и это совпадает с усилением актуальности данной темы после распада СССР и начала нового периода национального строительства в постсоветской России. В 2000-е гг. в России значительное количество исследовательских работ по теме идентичности было опубликовано под эгидой Института этнологии и антропологии РАН и Института социологии РАН, включая работы В.А. Тишкова и Л.М. Дробижевой (см., например, Тишков 2003; Тишков 2021; Дробижева 2008; Губогло, Дубова 2011; Дробижева, Арутюнова, Евсеева 2021; Кузнецов, Рыжова 2022), посвященные особенностям идентичности современной России. Отдельно стоит отметить работы социологов, работающих в ВЦИОМ и Левада-Центре, посвященные проблеме идентичности современного российского общества, с использованием данных, полученных количественными и качественными методами (см., например, Гудков 2004).

Одной из недавних наиболее значимых работ отечественных ученых, посвященных проблеме идентичности, является энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика» под редакцией И.С. Семененко (Институт мировой экономики и международных отношений РАН). В этом издании предпринята по-

пытка представить все существующие подходы к понятию идентичности, методы изучения идентичности и предложено видение «поля идентитарных исследований». При определении концепта идентичности важно учитывать двойственность его понимания и использования, что И.С. Семененко определила как «камень преткновения» по поводу того, «можно ли рассматривать идентичность как *сущностную категорию*, адекватно описывающую представление человека о себе и других и их проявлениях в социальных практиках, или это сугубо *абстрактный аналитический концепт*, способ репрезентации субъективной реальности в научном дискурсе» (Идентичность: Личность, общество, политика: 18). Данная проблема отражает суть споров по поводу концепта идентичности, его эвристической ценности и приемлемости его как аналитического инструмента.

С точки зрения исторического знания идентичность представляет собой феномен, который постепенно приобретал все большую субъектность и сущностность. На протяжении долгого времени идентичность как принадлежность человека к какой-то группе определялась внешними по отношению к нему параметрами, которые были аскриптивными, то есть данными и определенными рождением и обществом. В XX в. все большее внимание стало уделяться тому, как индивид соотносит себя с сообществом, к которому он принадлежит. Это изменение отражает не только иное видение идентичности, но и важные изменения самого общества, его усложнение, возможности вертикальной и горизонтальной мобильности, что влияет на чувства принадлежности индивида к группе и возможности изменения индивидом принадлежности к группе. Можно говорить о повышении субъектности в определении идентичности индивида, которое все в большей степени отражает индивидуальные чувства. В этом отношении исторический подход к изучению идентичности опирается на анализ того, как групповая и индивидуальная идентичности формировались и изменялись и кто был активным участником этих изменений. В.А. Тишков, обсуждая соотношение антропологического и исторического подхода в изучении идентичности, подчеркивает, что «XX век был самым историчным по части появления огромного числа новых субъектов групповой самоидентификации с претензией иметь академические версии своего прошлого и по числу профессионалов, которые добывают необходимый материал, со-

здают и распространяют эти версии». Кроме того, В.А. Тишков отмечает, что «история представляет собой поле состязательности между субъектами идентификации, когда полный консенсус трудно достижим» (Тишков 2003: 498, 500).

Для авторов данной монографии идентичность выступает как объект исследования, понимаемый как феномен коллективного и индивидуального самоопределения, подверженного постоянным изменениям под влиянием событий и целенаправленной деятельности политических институтов, групп и отражаемого в индивидуальном сознании. Мы признаем, что групповая и индивидуальная идентичности существуют как реальность, воплощенная в конкретных формах институционализированной принадлежности (например, гражданство) со всеми сопутствующими правами и ограничениями, и идентичности более неопределенного характера, которые в меньшей степени формализованы или даже признаны. Противоречия и фрагментация поля изучения идентичности в большей степени порождены сложностями определения и отношений того, что С.В. Соколовский назвал «метафизикой идентичности», проистекающей из «существующих сегодня подходов к концепциям общего, особенно и единичного, части и целого, вещи и признака, артефактов и натуральных разрядов» (Соколовский 2015: 19–20).

Композиционная целостность данной монографии задается общей для авторов исследовательской позицией историка, предполагающей акцент на изучение конкретно-исторического материала при опоре на данные разнообразных по своему характеру и происхождению источников. При этом интердисциплинарный характер проблемного поля в исследовании формирования и трансформации идентичностей признается безусловным, как и необходимость использования результатов исследований представителей различных сфер социогуманитарного знания. Обращение к исследовательским дискурсам социологов, философов, политологов, этнологов, культурологов, предлагающих разнообразные теоретические интерпретационные матрицы, имеет важное значение для трансфера нарративной истории в направлении поиска моделей, способных объяснить сущность исследуемых явлений и процессов. Но верифицируемость формулируемых теоретических положений на основе анализа ис-

точников и конкретно-исторического материала остается ключевым императивом исследовательских практик в исторической науке.

Адекватной дисциплинарному характеру данного исследования является и его методологическая основа, представленная, в первую очередь, парадигмой «исторического конструктивизма». Конструктивистский подход в целом ориентирован на рассмотрение идентичности как конструируемого стихийно на уровне массового сознания («снизу») и/или целенаправленно различными общественными и политическими акторами («сверху») феномена. Абсолютизация этого подхода чревата смещением акцента на воображаемость идентичностей при игнорировании объективных оснований существующих различий. Исторический конструктивизм же исключает риски подобных aberrаций, поскольку сам процесс конструирования идентичности рассматривается в контексте конкретных исторических обстоятельств, а его исследование основывается на учете совокупного действия множества факторов объективного и субъективного характера, как обусловленных определенными устойчивыми социокультурными, экономическими, политическими закономерностями, так и имевших ситуативную природу.

В соответствии с базовыми принципами исторического конструктивизма идентичность представлена в монографии как сложносоставной феномен, имеющий множественные и многоуровневые формы. Структурообразующим началом, определяющим содержание монографии, являются ориентация на комплексное исследование различных типов идентичности в историческом контексте, установление их соотношения, взаимосвязи, переплетения. Концептуальное единство трех глав основано на стремлении авторов к осмыслению идентичности сквозь призму двух имманентно присущих ей разнонаправленных тенденций: центробежной и центростремительной. Центробежная проявляется в стремлении к автономизации по отношению к идентичности более высокого уровня, в артикулированном дистанцировании от других общностей, в отрицании необходимости интеграции с ними посредством конструирования идентичности иного масштаба. Являясь центробежной по отношению к усилиям различных социальных акторов, направленным на интеграцию различных идентичностей поверх их границ, эта тенденция одновременно может быть обозначена как центростреми-

тельная с позиций оформления и закрепления собственной идентичности. Это обстоятельство четко зафиксировано в известном утверждении П. Бурдьё: «идентичность утверждается в различии». Однако парадокс заключается в том, что через утверждение в этих различиях идентичность обнаруживает черты сходства с другими формами идентичности. В результате логическим продолжением центробежной тенденции в конструировании идентичности становится тенденция к консолидации в рамках общности более высокого уровня/большого масштаба на консенсусной основе.

Авторы монографии исходят из гипотезы, в соответствии с которой имплицитно (разумеется, в разных соотношениях) центро-стремительная и центробежная тенденции представлены во всех формах и видах идентичности. Конкретные же их воплощения, как и доминирование одной из них, определяются объективными социальными, экономическими, политическими обстоятельствами исторической ситуации, с другой стороны, но, вместе с тем, являются следствием целенаправленной сознательной деятельности различных общественных и политических акторов.

Для реализации исследовательского замысла в качестве объекта исследования были выбраны три вектора идентичности: территориальная/региональная – общенациональная/государственная – межгосударственная/европейская. Центральной проблемой, определяющей композиционное единство трех глав монографии, является выявление соотношения и взаимосвязи обозначенных выше векторов идентичности в различных географических и временных рамках, а также обусловленности этого соотношения конкретно-историческими обстоятельствами места и времени. Обращение к детальному анализу специфических процессов конструирования сибирской, общероссийской, европейской идентичности является, по мнению авторов, важной исходной предпосылкой решения этой проблемы. Вместе с тем, фокусирование внимания в каждой главе на одном из обозначенных векторов идентичности не предполагает абстрагирования от двух других. Так, в первой главе генезис представлений о национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе России второй половины XIX в. раскрывается через анализ влияния роста национального самосознания народов, населявших Западный край Российской империи, на формиро-

вание проектов, имевших своей целью конструирование общероссийской идентичности. Материалы первой главы демонстрируют имплицитную логику формирования групповой идентичности государством, когда индивид выступает в большей степени как объект. Лейтмотивом второй главы является выявление интеграционного и дезинтеграционного потенциала сибирской идентичности в различных исторических обстоятельствах (модернизация, рецессия, системный кризис и др.), что естественным образом предполагает акцент на исследовании динамики соотношения региональной и общероссийской идентичности и роста субъектности и самоопределения групп. В третьей главе представлен комплексный подход в освещении сложных переплетений транснациональной идентичности (рассматриваемой в контексте европейской интеграции), национальной идентичности (на примере Германии и Великобритании), а также региональной идентичности (в частности, через характеристику влияния регионализма на процессы формирования национальной идентичности немцев). Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в монографии проблемы региональной идентичности рассматриваются в общегосударственном контексте, а общенациональная идентичность, в свою очередь, не предстает в качестве единственно заслуживающей внимания и рассматривается параллельно с проблемами европейской интеграции. В основе такого подхода убежденность авторов в силе интеграционного потенциала идентичностей в современном мире, в его доминировании по отношению к процессам и тенденциям дезинтеграции в исторической перспективе.

Логическая последовательность представленных в монографии сюжетов определяется, с одной стороны, ориентацией на весьма значимый для историков хронологический принцип, а с другой – продиктована намерением центрировать композицию на проблемах общероссийской идентичности, которая формируется совокупностью локальных региональных идентичностей и при этом может рассматриваться как важная подсистема в интеграционных процессах современности.

В первой главе рассматривается генезис представлений о русской национальной идентичности, о русской нации и русском государстве и раскрывается влияние этих представлений на содержание концепций и проектов решения национальных проблем Российской империи, предлагавшихся сторонниками различных направлений русской общественной мысли во второй половине XIX в. Оригинальность исследовательского замысла состояла в ориентации на комплексную историческую реконструкцию развития национальных концепций всем спектром общественно-политической мысли России второй половины XIX в., что позволяет выявить как корреляцию, так и альтернативность предложенных вариантов национально-государственного развития России, а также определить место национальной идентичности в этих проектах.

Автор исходит из тезиса, что этническое и конфессиональное разнообразие России, дополненное различиями в экономическом и социальном развитии национальных регионов, вовлекало их в поле внимания русской интеллектуальной элиты, которая должна была учитывать данный аспект в выработке своих национальных концепций. Рост национального самосознания на национальных окраинах и формирование национализмов с альтернативными этим концепциям целями вносили существенные коррективы в представления русской интеллигенции XIX в. о настоящем и будущем России.

В качестве объекта исследования был выбран Западный край, поскольку данный ареал отличался этническим и конфессиональным многообразием. Весьма сложной и неоднозначной являлась история присоединения этих земель к России. Политические, национальные и социальные процессы протекали здесь гораздо острее, чем в других частях империи. Русско-польско-украинские отношения составляли главное содержание национального вопроса в России вплоть до начала XX века. Именно западные окраины стали регионом, где противостояние русских национальных проектов с наиболее яркими конкурентными национализмами проявилось наиболее отчетливо.

В главе акцентируется внимание на польской проблеме, которая в 1850–1860-е гг. была, безусловно, доминировавшей и воспринималась как противостояние двух национальных проектов, взаимоис-

ключавших друг друга. Отношение к борьбе поляков за восстановление государственности было различным, но не предполагавшим возможность создания независимого польского государства в обозримом будущем. Исключение составляли только революционные социалисты, выражавшие готовность оказывать поддержку польскому освободительному движению при условии придания ему социального характера.

В главе показано, как в конце 1860-х гг. из польского вопроса постепенно выделился в качестве самостоятельного малорусский вопрос. До этого белорусы, малорусы и литовцы рассматривались только как объекты борьбы с полонизмом. Но если в отношении литовцев у представителей всех направлений было стремление поддержать формирование этнической самостоятельности, то белорусы и малорусы стали заложниками идеи единства русского народа. Первоначально даже славянофилы приветствовали деятельность малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка, видя в них союзников в противостоянии с поляками. Но как только появились претензии на признание самостоятельности малорусской этничности как не производной от великорусской, а равнозначной ей, отношение славянофилов и имперцев к малорусской интеллигенции стало враждебным. Они не готовы были к восприятию украинцев как сформировавшейся отдельной от русских нации, воспринимая эту идею как происки поляков и немцев, стремившихся к расколу единой русской народности. Либералы и народники-реформаторы готовы были признать украинцев состоявшейся нацией, но без претязаний на политическую самостоятельность. Белорусская и литовская тема в таком аспекте не рассматривалась в силу отсутствия на тот период вызова с их стороны.

Автор приходит к выводу о нереализованности интеграционного потенциала национальной идентичности в российской общественной мысли второй половины XIX в. Славянофильский подход, основанный на идее народной русификации, в условиях жесткой конкуренции с польским национализмом и формирующимся украинским национализмом не мог выполнять интегрирующие функции в рассмотренном историческом ареале. Имперский проект в консервативной трактовке предполагал в перспективе реализацию принципа правового равенства представителей всех национальностей, при до-

минировании принципа подданства. Но достижение равенства напрямую привязывалось к лояльности имперским властям. Либеральное направление выступало за реализацию идеи «политической нации», но при условии отказа национальных движений от идеи национального суверенитета. В условиях рассматриваемого периода это требование было невыполнимо. Представители социалистической мысли считали национальную идентичность угасающей в достаточно близкой перспективе, делая акцент на значимости социально-классовой идентичности.

Вторая глава посвящена проблемам формирования идентичности на уровне территориального сообщества. Обращение авторов к конкретно-историческому исследованию феномена «сибирства», понимаемого как ощущение и осознание «особости» региона, было предпринято с целью выявления форм и способов рефлексии различных групп сибирского общества по поводу специфики региональных проблем, а также оценки предлагавшихся вариантов их решения в различных исторических обстоятельствах. Особую актуальность этой проблематике придает сохраняющийся в России дисбаланс в отношениях федерального центра и региона, для преодоления которого необходим комплексный анализ региональных проблем с учетом их генезиса.

Новизна предлагаемого авторами главы подхода заключается в исследовании процесса конструирования сибирской региональной идентичности в широком хронологическом формате (вторая половина XIX – начало XXI в.) с привлечением разнообразного источникового материала, что позволяет наполнить разработанные к настоящему времени социологические модели изучаемого феномена конкретно-историческим материалом, высвечивающим важные для его понимания детали и нюансы. Особое значение при этом придавалось выявлению обстоятельств, актуализировавших региональную идентичность на разных этапах исторического развития и придававших дополнительные импульсы процессу ее конструирования.

Исследование процесса конструирования сибирской региональной идентичности в различных временных диапазонах, отличавшихся спецификой экономических, социальных и политических условий (вторая половина XIX в., революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Гражданская война, системный кризис конца 1980–1990-х гг.,

всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг. и др.), позволило определить общие и специфические черты в формах и способах репрезентации сибирской идентичности на рубеже 19 и 20–21-го столетий. В частности, если во второй половине XIX в. тезис о русско-сибирской общности подкреплялся обращением к объективным условиям жизнедеятельности и духовного уклада сибиряков и одновременно обретал форму интеллектуального конструкта, социокультурной мифологемы, то в начале XX в. наметилась тенденция к политизации форм и способов репрезентации региональной идентичности. Актуализация процесса формирования сибирской идентичности, связанная с системным кризисом 1980–1990-х гг., имела преимущественно политическое значение и была ориентирована «вовне» – Федеральному центру и другим регионам. Вместе с тем, общность различных этапов процесса формирования сибирской идентичности проявлялась в направленности на привлечение внимания центра к проблемам региона, решение которых рассматривалось как неперемнное условие устойчивого развития всей страны.

В зависимости от конкретных обстоятельств доминирующую роль в процессе конструирования региональной идентичности играли различные политические и общественные акторы: органы местного самоуправления, региональная политическая и интеллектуальная элита, периодическая печать, национальная интеллигенция, инициативные группы общественности, политические партии. Результатом их интеллектуальных и организационных усилий становились разнообразные институциональные формы воплощения региональной идентичности: сибирская парламентская группа, Западно-Сибирский (апрель 1915 г.) и Восточно-Сибирский (апрель 1916 г.) областные союзы городов, СИБИРТЕТ (Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны), Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение», сетевое сообщество «Настоящие сибиряки», «Совет сибирского народа» (2010 г.), национально-культурная автономия «Сибирская воля», учрежденная в марте 2012 г. группой регионалистов в Новосибирске, запущенный в 2013 г. проект I'm*Siberian, направленный на всеобщее объединение информационного пространства Сибири и поддержку образа сибиряка.

Особенности различных этапов конструирования сибирства проявились и в изменении соотношения региональной идентичности с другими векторами идентификации в обществе (гражданской, политической, социальной, национальной, этнической), которое оказалось в значительной степени зависимым от ситуативных факторов. При этом неизменным в различных исторических обстоятельствах оставалось отсутствие сепаратистских устремлений и конфликта с общероссийской (гражданской) идентичностью.

Значение полученных научных результатов авторы главы видят в возможности их использования для углубления понимания особенностей политических, экономических, социальных, культурных процессов в Сибирском регионе, а также для эффективной реализации значительного интеграционного потенциала сибирской идентичности при выстраивании долгосрочной стратегии развития стран.

В третьей главе рассматривается динамика европейской идентичности в контексте европейской интеграции в 1992–2016 гг. После окончания холодной войны на европейском континенте происходили одновременно процессы дезинтеграции и интеграции, что влияло на идентичность жителей разных стран Европы, включая Россию. Важное значение имело объединение Германии в 1990–1991 гг., которое символически и фактически завершило холодную войну в Европе. Европейский союз воплощал в 1990-е гг. надежды многих европейских стран на мирное и процветающее будущее, и все страны бывшего Восточного блока, включая многие страны бывшего СССР, заявляли о своем желании присоединиться к ЕС. Россия в 1990-е гг. начала выстраивать отношения с ЕС с ориентацией на глубокое сотрудничество и стратегическое партнерство.

В главе отмечается, что начиная с 1990-х гг. институты ЕС проводили активную политику по формированию европейской идентичности среди жителей стран ЕС в рамках концепции «гражданства ЕС», которое было формально введено Маастрихтским договором о создании ЕС в 1992 г. Стремление институтов ЕС сформировать гражданскую нацию в рамках ЕС отражало важное направление политического развития Союза для преодоления так называемого демократического дефицита и усиления легитимности наднациональных институтов ЕС. Авторы главы, посвященной этой проблеме,

анализировали цели, которые преследовали институты ЕС по формированию европейской идентичности, и результаты, которые были получены.

Рассмотрение европейской идентичности на примере ФРГ было интересно потому, что идеологи европейской интеграции заявляли, что ее целью является преодоление опасного национализма в Европе, который проявил себя в период Второй мировой войны. Кейс Великобритании представляет другой пример государства, которое как островное на протяжении столетий противопоставляло себя континентальной Европе и при этом было неотъемлемой частью европейской цивилизации, европейских политических и экономических процессов. Вхождение Великобритании в ЕС в 1973 г. не было простым, и уровень европейской идентичности был стабильно низким на протяжении всего пребывания страны в Союзе. При этом для многих британцев выход из ЕС в результате референдума в июне 2016 г. показал разделенность общества по этому вопросу и усугубил многие политические, социальные и экономические проблемы. Брекзит затянулся на 4 года, стоил нескольких смен правительств, а его негативные последствия по-прежнему являются существенными для экономики и политики Великобритании.

Изучение динамики европейской идентичности в России позволило выявить влияние политических кризисов в отношениях между ЕС и РФ на то, как россияне воспринимали себя и Россию по отношению к Европе. Политические кризисы были вызваны разным пониманием принципов и механизмов обеспечения европейской безопасности и ролью НАТО в этом процессе у стран ЕС и в России. Одновременное восточное расширение НАТО и ЕС подорвало доверие РФ по отношению к ЕС, что вылилось в прямое противостояние в конфликте вокруг возможного вступления Грузии и Украины в НАТО в 2008 г., а затем по поводу подписания договора об Ассоциации между ЕС и Украиной осенью 2013 г.

Акцент на фактор европейской интеграции при изучении содержания и смысла европейской идентичности позволил сделать вывод о том, что расширение и углубление европейской интеграции в 2000-е и 2010-е гг. привели к целому ряду кризисов в самом ЕС и за его пределами, о появлении которых многие европейские политики не подозревали. Финансовый и экономический кризис 2008–2012 гг.

оказал серьезное негативное влияние на ряд стран ЕС, которые до сих пор испытывают трудности восстановления (Греция, Испания, Кипр). Этот кризис почти не коснулся других стран ЕС (ФРГ и Нидерланды), остающихся наиболее успешными экономиками еврозоны и наибольшими «еврооптимистами». Все эти проблемы развития ЕС отразились на том, как жители стран ЕС воспринимают себя как граждан своих стран и как граждан ЕС. Для стран бывшего СССР, включая Россию, выбор в пользу интеграции с ЕС создал основу для обострения отношений и необходимости однозначного политического и экономического выбора.

Усилия институтов ЕС по формированию политической европейской идентичности для создания «гражданской нации ЕС» все еще являются процессом, который происходит с разной степенью успешности в странах, входящих в Союз. Для стран, не входящих в ЕС, европейская идентичность нередко противопоставляется ЕС в условиях кризисов в отношениях с Союзом, как на примере с Россией.

Затронутые в монографии проблемы, безусловно, требуют дальнейшего исследования. Различные аспекты общенациональной, региональной, транснациональной идентичности остаются в поле зрения специалистов различных сфер социогуманитарного знания. Авторский коллектив надеется, что представленные в монографии исторические факты, теоретические обобщения станут предметом обсуждения, возможно дискуссий, и дадут импульс для продолжения исследований в подобном формате.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 816 с.

Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 214–228.

Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Евсеева М. А. [и др.]; Поиски определения и динамика распространения российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты: [монография] / Отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 21–36.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. [и др.] Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: [монография] / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 24–50.

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. 1600 с.

Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. №1. С. 8–22.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021. 416 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова]; ИЭА РАН. М.: Наука, 2011. 670 с.

The concise Oxford Dictionary of Sociology / ed.by Cordon Marshall. Oxford. Oxford University Press, 1994. 574 p.

Kockel U. Re-visioning Europe: Frontiers, Place Identities and Journeys in Debatable Lands. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 225 p.

Глава 1

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В.Н. Кудряшев

Постановка проблемы. Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства. В нем отчетливо определились два направления в теоретико-методологических подходах к важнейшим понятиям, в том числе понятию «нация», ставшему основой данного дискурса. Оно рассматривалось как:

1) отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

2) отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании (Вердери 2002: 298; Хобсбаум 1998: 33–43).

В целом сосуществование данных идентичностей отражает наличие двух наиболее значимых форм социальной группировки людей – этнической и государственной, между ними существуют сложные взаимосвязи, взаимопересечения, а иногда и взаимоисключения, и каждая из этих идентичностей – многомерное явление. Рассмотренные подходы требуют исследования взаимодействия и, возможно, конфликтов этносов и государства, особенно усложняющегося в условиях полиэтничных государств. Это весьма актуально при исследовании национальных проблем России XIX в. в силу популярности в русской общественной мысли идеи: одна русская нация – много народностей. Таким образом, русский национальный дискурс приобретает многомерный характер. В его рамках следует

различать определение в русской мысли маркеров этнической идентичности русских и национальной (политической) идентичности русских как комплекса отношений с государством и другими народностями в рамках единого государства.

В исследованиях 1950–1980-х гг. (советских и зарубежных) русский национализм характеризовался как государственный или бюрократический, поскольку именно государство выступало его источником, определяло цели и задачи, которые объявлялись национальными. Во внутренней политике русский национализм ратовал за превращение русских в господствующую нацию, а Российской империи – в русское национальное государство, для чего проводилась русификаторская политика как насильственная ассимиляция всех нерусских народов (Kohn 1955: 73; Thaden 1964: 198–203; Твардовская 1978: 30–31).

Исследовательская парадигма русского национализма меняется на рубеже 1980–1990-х гг. Русский национализм приобретает ценностно-нейтральное значение, поскольку утрачивает имманентную связь с понятиями «реакционность», «ксенофобия», «шовинизм». Справедливо отмечается, что традиционное «привязывание» русского национализма к консервативному течению неверно (Попов, Кисиль 2002), указывается на несовпадение русского национализма и государственной национальной политики (Реннер 2005: 446–451). Рассматривая историю межнациональных взаимоотношений в России, исследователи исходят из наличия нескольких конкурировавших национальных проектов. Русский был только одним из них и имел ограниченное воздействие на государственную политику (Миллер 2003: 68). Данный подход дает возможность рассматривать историю национализма в России через призму развития различных направлений общественной мысли. Ученые настаивают на гетерогенном характере самого русского национализма, включенности в выработку и реализацию «русского национального проекта» различных общественно-политических сил (Миллер 2008: 65).

Действительно, национализм нельзя представить как универсальное явление. Очевидно, следовало ожидать различий в целях, идеологическом наполнении, мифологии национализма нации, борющейся за независимость, и соответствующих характеристик национализма нации, хотя бы номинально считавшейся этнической

основой государства. Русский национализм в рамках многонациональной Российской империи XIX в. был обречен на многовекторность. Он не мог быть единственной консолидирующей идеей, за исключением ситуации усиления внешней угрозы. В остальное время он отступал на второй план перед социальными задачами и становился инструментом воздействия на русский народ различных политических сил.

В данной главе ставится цель определить влияние представлений о русской нации и русском государстве на содержание концепций и проектов решения национальных проблем Российской империи, предлагавшихся сторонниками различных направлений русской общественной мысли, установить возможность определения целостности общерусского национального дискурса либо его фрагментации на автономные дискурсы в рамках течений русского национализма.

Этническое и конфессиональное разнообразие России, дополненное различиями в экономическом и социальном развитии национальных регионов, вовлекало их в поле внимания русской интеллектуальной элиты, которая должна была учитывать данный аспект в выработке своих национальных концепций. Рост национального самосознания на национальных окраинах и формирование национализмов с альтернативными этим концепциям целями вносили существенные коррективы в представления русской интеллигенции XIX в. о настоящем и будущем России.

Западный край отличался этническим и конфессиональным многообразием. Весьма сложной и неоднозначной являлась история присоединения этих земель к России. Политические, национальные и социальные процессы протекали здесь гораздо острее, чем в других частях империи. Русско-польско-украинские отношения составляли главное содержание национального вопроса в России вплоть до начала XX в. Именно западные окраины стали регионом, где противостояние русских национальных проектов с наиболее яркими конкурентными национализмами проявилось наиболее отчетливо.

Русско-польские отношения – один из наиболее острых и постоянно обсуждаемых вопросов второй половины XIX в. Тому причи-

ной, прежде всего, была «неуспокоенность» Польши, не смирившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся русификаторской политике царского правительства. Вопрос о польско-русских отношениях был одним из самых болезненных для славянофилов. Выдвигая Россию и русских на роль интегрирующей силы в славянском мире, они должны были оправдать и объяснить разделы Польши и подавление стремления поляков к независимости. Для этого была выдвинута идея предательства поляками славянской солидарности и наказания за него.

А.С. Хомяков рассматривал славянский мир как некогда целое единство отдельных «славянских семей», противостоявших внешнему враждебному миру. Главным противником были многочисленные и воинственные германцы. Западные славяне – поляки, чехи, моравы – долго и успешно противостояли им, пока в славянские земли не пришла чужая и враждебная (католическая) религия. Она разобщила и ослабила чешско-моравское государство, которое попало под многовековое господство германской империи. Особую роль здесь сыграла Польша. Правящая элита этого сильного государства, прельстившись мнимым величием Римской церкви, приняла католицизм и пошла на поводу интересов немцев, предав славянское единство. Они помогли разгромить чешско-моравскую державу и способствовали захвату прибалтийских славянских земель. Недальновидная политика поляков обернулась в конечном итоге против них самих и привела к утрате государственности (Хомяков 1900: 138–139).

Проблема польско-русского противостояния виделась А.Ф. Гильфердингу в несовпадении алгоритмов развития двух славянских народов. Поляки позиционировали себя как образец синтеза славянства с европейской цивилизацией, видя в этом обоснование своего первенства в славянском мире и воспринимая русских как противников европейского прогресса. Русские тоже претендовали на лидерство, но, наоборот, как хранители первозданной славянской сущности, которую они защитили от влияния извне. Тогда поляки превращались в исторических предателей славянского дела, чья победа «убила бы всю будущность славянского дела» (Гильфердинг 2009: 177).

Для того чтобы противостоять растущему влиянию России в славянском движении, поляки (А. Мицкевич) ввели в оборот миф о двух силах в славянском мире: Польше – олицетворении добра и России – сосредоточии зла. Но, обращаясь к истории XIX в., А.Ф. Гильфердинг приводил примеры, когда поляки, предавая славянское единство, боролись на стороне противных сил. Объявляя себя борцами против панславизма как идеи русской гегемонии в Европе, на деле поляки противодействуют славянскому движению в интересах немцев (Гильфердинг 2009: 188–189).

Ю.Ф. Самарина раздражали претензии поляков на доминирование в славянском мире. Он пытался скрыть негативные эмоции за иронией, показывая абсолютную несостоятельность «польских потуг» на свою особую историческую роль лидера славянского мира, единственно способного повести славян в светлое будущее. Эта роль давала полякам право вторгаться в судьбы других народов и вершить их по своему усмотрению ради общеславянского блага. Пересказ Ю.Ф. Самариным позиции поляков абсолютно совпадал с идеями самих славянофилов, только у славянофилов русские, как единственный славянский народ, сохранивший историческую самостоятельность, должны были взять на себя ответственность за будущее всех славянских народов, удел которых двигаться в фарватере России (Самарин 1877: 332–333).

В данном случае очевидна прямая конкуренция польской и русской национальных идей, объясняющая желание Ю.Ф. Самарина показать полную ничтожность польского варианта. Поэтому он стремится не только лишить поляков статуса лидера славянского мира, но и показать их враждебность остальным славянам (Самарин 1877: 333–334). И здесь логика поляков была противоположной славянофильской. Поляки видели целью своей миссии привести славян в семью европейских народов, что было невозможно без перехода в католичество. Однако именно «латинство» было главным врагом славянской идентичности и исконной славянской духовности.

Это давало повод Ю.Ф. Самарину воспринимать поляков как предателей славянства, открыто вставших на сторону врага и регулярно боровшихся со славянскими народами по указке папства. В условиях XIX в., когда власть католического клира над Европой практически исчезла, поляки остались верным слугой «латинства»,

под которым Ю.Ф. Самарин понимал систему нравственных понятий и общественных отношений, сложившихся под воздействием католицизма и остававшихся духовной основой Европы (Самарин 1877: 335). Но став чужими для славян, поляки остались пасынками Европы. Славянофил, жалея поляков, некогда совершивших роковую ошибку перехода в католичество и в течение всей своей истории расплачивавшихся за это, возлагал часть вины и на русских, видевших в поляках только католиков, когда надо было вспомнить об их славянской сути и попытаться реанимировать ее (335–336).

Подобная трактовка истории Польши позволяла славянофилам настаивать на особых правах России как защитницы общеславянских интересов. Обращаясь к разделу Польши, А.С. Хомяков не считал Россию агрессором и завоевателем. Он отвергал обвинения европейцев в адрес России и считал неприемлемым применять к Российскому государству европейские правовые и политические стандарты. В его трактовке раздел Польши был превентивной мерой соседних с Польшей государств, обеспокоенных наставшим в ней хаосом, грозившим всему региону. В результате ответственность возлагалась на польскую элиту, доведшую страну до такого состояния. Сам раздел А.С. Хомяков преподносил как временную меру, легитимированную «интердиктом», т.е. международным договором. При этом подчеркивалось, что «России были возвращены ее старые области, удел Рюрикава рода, населенный народом одноязычным с Россией, а не с Польшей» (Хомяков 1881: 305–306).

И.С. Аксаков также настойчиво противопоставлял принципы российской внешней политики европейской. Не отрицая наличия «темных пятен» в российской политике, славянофил настаивал на доминировании в ней морального критерия. Он интерпретировал разделы Польши как результат безрассудства шляхетской вольности, которая, пользуясь слабостью королевской власти, создавала ситуацию хаоса в стране. Ситуация усугубилась предательством поляками славянской солидарности. Под влиянием католического клира поляки выступили как угнетатели православного русского населения, породив национально-освободительное антикатолическое движение. Их соседи стремились обезопасить себя. Россия при этом получила земли, населенные русским народом, отторгнутые монгольским нашествием (Аксаков 1886: 9). Только после Наполео-

новских войн в состав России были включены этнические польские земли, но им были созданы максимально комфортные условия, позволявшие надеяться на лояльность польской элиты (19). Славянофил был убежден, что Россия, создав особые условия нахождения Польши в составе России, спасла ее как нацию, хотя и признавал, что, в значительной мере, сохранение польской идентичности стало результатом русского неумения в проведении ассимиляции (9–10).

Для Ю.Ф. Самарина Польша всегда находилась на острие борьбы католического мира против России. Даже утратив государственность и находясь в составе России, она представляла опасность для национальной идентичности россиян, основу которого составляло православие (Самарин 1877: 304–305). Восстание 1863 г. славянофилу виделось не как национальный протест, а как начало нового объединенного похода католической Европы против России, авангардом которого традиционно выступила Польша (302, 307). Осознавая и оговаривая сложность польской проблемы, разнонаправленность ее освещения в российской и европейской литературе, и восприятия в российском и европейском общественном мнении, Ю.Ф. Самарин попытался систематизировать ее аспекты. Он предложил рассматривать как достаточно самостоятельные, хотя и взаимосвязанные национальный аспект, т.е. положение и будущее собственно поляков как народа, политический – перспективы восстановления польского государства и религиозный (полонизм) – воздействие Польши как регионального центра католицизма на соседние народы (Самарин 1877: 325). Принципиальный подход к польской проблеме, по Ю.Ф. Самарину, заключался в необходимости раздельного рассмотрения данных аспектов, тогда как поляки сознательно смешивали их, оговаривая безусловность признания их нацией и, в силу этого, право на создание государства. Далее следовало требование восстановления польской государственности не в этнических границах проживания поляков, а исторически обоснованных границах 1772 года (Самарин 1877: 326). Публицист указывал на противоречие в требованиях поляков: ради восстановления своей нации они готовы были жертвовать интересами других народов (белорусов, украинцев и литовцев), а для восстановления разделенной Польши хотели разделить Россию (331–332).

Решение польской проблемы, удовлетворившее бы и Польшу, и Россию, по его мнению, было невозможно в силу абсолютной противоположности их интересов. Предложенный М.Н. Катковым в «Московских ведомостях» проект, предполагавший полное включение Польши в политическое и правовое пространство России на основе создания представительного органа, Ю.Ф. Самарин отвергал как загоняющий противостояние вглубь, искусственно совмещающее несовместимое. Польско-русское противостояние не было противостоянием двух государств, но противостоянием двух народов, выразившимся в противоположности религиозных, духовных ценностей. Славянофил не видел возможности в обозримом будущем прийти к минимальному компромиссу. Поэтому он, считая бессмысленным и вредным идти на уступки полякам, предлагал: «...мы должны знать наперед, что мы не удовлетворим поляков; цель наша должна состоять только в том, чтоб сделать их для России безвредными, и потому изыскание средств обуславливается уже исключительно интересами России в пределах политически и нравственно возможного...» (Самарин 1877: 346). Реализовывать все задачи можно было только после полного подавления мятежа. Ю.Ф. Самарин настаивал на самых жестких и решительных мерах против восставших, исходя из приоритета целей над средствами (346).

Имперский подход, считал славянофил, не учитывал господствовавший в польском дворянстве дух реваншизма, любое послабление со стороны правительства приводило к всплеску надежд поляков на восстановление былого господства и служило благодатной почвой для роста антироссийских настроений и действий. Чтобы избежать провоцирования подобных последствий, следовало проводить жесткую административную политику подавления сепаратизма, каждодневно изживать польское влияние. Это гораздо эффективнее и гуманнее, чем сменять либерализацию вынужденными репрессиями, в случае очередного польского бунта (Самарин 1877: 320–321). Успех дальнейших действий определяла необходимость изоляции Польши от Западного края, с целью локализации собственно проблемы поляков в пределах их этнических земель. Для этого следовало искоренить полонизм в западных губерниях, «обеспечив преобладание русской и православной стихии над латино-польскою» (Самарин 1877: 341). Только решив эти задачи и оконча-

тельно устранив польское влияние на будущее России, можно было перейти к рассмотрению судьбы собственно Польши. Ю.Ф. Самарин видел возможными два варианта – полное политическое слияние России и Польши или предоставление Польше независимости. Первый вариант был возможен в случае признания поляками господства России. Второй должен был стать исключительно добровольным актом со стороны России, признанным таковым Европой (Самарин 1877: 348–349).

Вопрос о предоставлении независимости Польше неоднократно поднимался в славянофильской литературе. По мнению А.С. Хомякова, международная обстановка к концу 1840-х гг. серьезно изменилась, и международные соглашения, закреплявшие раздел Польши, утратили свою актуальность для европейских стран и более не совпадали с интересами России. В данных обстоятельствах славянофил считал правильным рассматривать судьбу Польши не как государственный, административный вопрос, а как «народный, исторический». Он предположил, по собственному признанию, фантастическую ситуацию проведения плебисцита в землях, некогда бывших польскими владениями. При условии предоставления всем народам выбора: вхождения в состав новой Польши, независимости либо протектората другого государства, он выражал уверенность в невозможности реставрации Речи Посполитой. По мнению А.С. Хомякова, большинство народов предпочтут остаться в составе России либо получить автономию, но в союзе с ней. Таким образом, территорию Польши составят только польские этнические земли (Хомяков 1881: 307–308).

Славянофильские проекты отделения Польши стали реакцией на восстание 1863 г. И.С. Аксаков считал присоединение собственно польских территорий вредным для России, поскольку Польша осталась инородным элементом, «язвой на нашем теле», грозившей здоровьем всей России. Видимо, события 1863 г. если не напугали славянофила, то произвели на него сильное впечатление. Сомнения в возможности сломить сопротивление поляков и подчинить их русскому господству, породили идею выселения их из государства. И.С. Аксаков откровенно объяснял подобный шаг не столько заботой о поляках, сколько стремлением избавиться от конкурентов в борьбе за национальное государство. Поляки, даже лишенные госу-

дарственности, оставались слишком серьезным препятствием к созданию национального русского государства (Аксаков 1886: 11).

Другой подход демонстрировал А.Ф. Гильфердинг. Обращаясь к польско-русскому противостоянию во время восстания 1863 г., он обнаруживал разительные отличия в восприятии событий русским и польским обществами. Поляки горели патриотическими чувствами, видя в восстании борьбу за свободу. Не оправдывая поляков, славянофил не мог не восхищаться их мужеством и стойкостью, равно как и сплочением всего общества (Гильфердинг 2009: 168–169). Он считал, что поляки искренне заблуждались, считая себя борцами за свободу и демократию (191). И насколько контрастной выглядела позиция русского общества. Оно отличалось абсолютной деидеологизацией, события в Польше воспринимались как бунт. Представители либеральной общественности либо скрывались за общими фразами, либо старались показать объективность явно под влиянием европейской точки зрения (170–171). Анализируя возможность отделения Польши от России, А.Ф. Гильфердинг не видел реальных вариантов, обоюдно устроивших бы и Россию и Польшу. Предоставление независимости в рамках этнических польских земель привело бы к скорой агрессии со стороны Польши, чья элита не скрывала целей восстановления Речи Посполитой (Гильфердинг 2009: 196). А.Ф. Гильфердинг проводил аналогию между ситуацией в России и США. В обоих случаях отмена рабства вызвала сепаратистское выступление региональной элиты, недовольной утратой своего господства (205–207). То есть причины польского восстания были не столько национальные, сколько социальные – страх польской шляхты утратить господство в западных русских землях и цель не освободить Польшу, а отвоевать Киев и Вильно (209). А.Ф. Гильфердинг задавался вопросом, почему бунтует «русская Польша» и более спокойна немецкая. Причиной тому он видел этническую ревность, нежелание поляков подчиняться народу, менее, в их представлении, развитому, но более успешному. Немцы тоже воспринимались захватчиками, но одновременно и как носители европейской цивилизованности (Гильфердинг 2009: 221). Славянофил полагал, что «избавиться от Польши» было бы для России благом во всех отношениях, но на практике это неразрешимо. Польша все равно не успокоится. Единственный вариант – нейтрализация

шляхты и духовенства и ориентация на обывателя, крестьянство, т.е. социально-экономические реформы и привязывание Польши к России через включение в общее пространство – экономическое, образовательное (Гильфердинг 2009: 231–249).

В работах 1870–1880-х гг. славянофилы уже не возвращались к идее предоставления Польше независимости, но убеждение во враждебности большинства поляков русскому господству осталось незыблемым. Польша уже не угрожала самому существованию Российского государства, и теперь, повторяя мысль о неспособности польской элиты к сотрудничеству с Россией, И.С. Аксаков делал акцент на возможности только силового давления на польское общество. Он настаивал на безнадежности поиска сотрудничества с поляками и заигрывания с ними посредством послаблений и уступок (Аксаков 1886: 611, 619). Восстановление польской государственности для публициста утратило политическую актуальность. Он утверждал теперь об окончательном завершении спора о политической гегемонии между Польшей и Россией. Но этого было недостаточно, следовало окончательно уничтожить потенциал польской нации как «государственной»: «На этом основании мы должны – и в этом наше право и нравственная обязанность – старый политический и исторический термин “Польша” низвести на степень термина чисто этнографического, или этнографической особи» (Аксаков 1886: 632). Последней осталось смириться с историческими реалиями. И.С. Аксаков, подтверждая невозможность их обрусения, ставит задачу добиться от поляков «полной покорности и признания русского государственного начала, как и русского государственного языка» (632).

То есть И.С. Аксаков приходит к пониманию полной противоположности национальных интересов поляков и русских. Поскольку ассимиляцию поляков он считал нереализуемой, то пребывание поляков в рамках русского государства срывало процесс формирования его национального характера. Сосуществование двух сильных национализмов было невозможно (Аксаков 1886: 400). По отношению к польской элите И.С. Аксаков не питал никаких иллюзий, считая, что она не желала извлекать уроки из своего прошлого и никогда не пойдет на компромисс с Россией (Аксаков 1886: 11). Все польские проекты исключали даже признание России славянским

государством, не говоря о возможности сотрудничества. Польская интеллигенция надеялась на поддержку Европы, поэтому охотно сотрудничала с любыми противниками русского государства. Особенно негативно И.С. Аксаков комментировал надежды польских деятелей на Австрию как центр объединения польских земель (166). Он весьма иронично отзывался о способности Австрии удерживать под контролем славянские народы, уже бывшие в ее составе, поэтому перспективу расширения этого распадающегося государства за счет включения в него новых славянских земель считал фантастичной (598). Но одновременно болезненность его реакции на обсуждение такой перспективы позволяет считать, что он нарочито преуменьшал опасность подобных планов для России.

Ослабление польского сопротивления в 1870–1880-е гг. породило у многих славянофилов надежду на не скорое, но успешное решение польской проблемы. В.И. Ламанский предложил рассмотреть перспективу польско-русского противостояния через призму межнациональных отношений в Привисленском крае. Он обратил внимание на поднятую самими поляками проблему взаимоотношений поляков с национальными меньшинствами края – немцами и евреями. Опираясь на польскую литературу по данной проблеме, В.И. Ламанский пришел к выводу о неспособности поляков к их ассимиляции. Более того, евреи и немцы не только сохраняли свою самобытность, но и усиливали влияние прежде всего в сфере экономики, финансов и торговли. В.И. Ламанский делал вывод об ослаблении польской нации и реальной угрозе польской идентичности не с русской стороны, а от народов Привисленского края. Также славянофил указывал на несопоставимость в современных ему условиях национально-го потенциала поляков и русских. Это не означало призыва к усилению насильственного обрусения. Речь шла о необходимости прозрения поляков для осознания своих истинных национальных интересов, реализация которых возможна была на основе сотрудничества с Россией (Ламанский 2010: 607–609). Ламанский выражал надежду на пробуждение в поляках осознания своей принадлежности к славянскому сообществу и присоединение к общему процессу интеграции как части Российской империи. В свою очередь, единство славянских народов в самой Российской империи повысило бы ее авторитет как объединительной силы (611–613).

Как уже отмечалось выше, славянофилы выделяли в польском вопросе две, как они подчеркивали, самостоятельные проблемы: собственно судьба поляков как нации и борьба с полонизмом в Западном крае. Обращаясь к польской проблеме, И.С. Аксаков всегда акцентировал внимание на русских землях, собственно польские земли его интересовали мало. Основной проблемой польско-русского противостояния славянофилу виделись притязания польской шляхты на, как он считал, исконно русские земли. Публицист убеждал читателей в необходимости воспринимать требования поляков не только как территориальные притязания, но как покушение на единство русского народа, его коренные национальные интересы. Проблема не должна была рассматриваться как местная – белорусская или украинская, а исключительно как общерусская (Аксаков 1886: 21). Он не видел различий между ситуацией в любом малорусском городе или селе и ситуацией в великорусских губерниях. Не было малорусского вопроса – был только общерусский. То есть И.С. Аксаков рассматривал украинцев и белорусов не как этносы, а только как неотъемлемую часть общерусского. «Край этот Русский, Русский и Русский! В нем нет разных национальностей и вер; в нем есть только один хозяин – Русский народ; одна господствующая национальность – Русская, которой вера – православие; прочие национальности и веры – Польская, жидовская, Латинство и Моисеев закон могут быть в ней допущены и терпимы на правах чужестранных гостей, но не могут иметь притязаний на хозяйское место» (Аксаков 1886: 177).

Претензии поляков строились на историческом праве и апелляции к государственным и международно-правовым актам прошлого. И.С. Аксаков считал их давно утратившими какую-либо силу (Аксаков 1886: 40). Но дело было не в юридической значимости норм и договоров, а в ошибочности и бесперспективности самого подхода поляков к проблеме. Славянофил предлагал перевести рассмотрение польского вопроса из сферы государственного противостояния в сферу межнациональных отношений. Поляки, как любой народ, имели безусловное право на национальный суверенитет, не только культурно-языковой, но и политический, но в границах польских этнических земель. Тогда и русский народ имел право на единство в рамках своего естественного расселения (88). С этой точки зрения

стремление русских к единству трех его ветвей – великорусской, белорусской и украинской – справедливо и морально оправданно, а претензии поляков на исконно русские земли безнравственны. Славянофил призывал польскую элиту обратиться к истинным национальным интересам – воссоединению польского народа и обещал моральную поддержку русского народа. Как национальную проблему он готов был рассматривать выделение исконно польской территории из состава России (34–35). При этом публицист всегда напоминал об опасности для независимой Польши стать объектом германской агрессии (143).

Беспомощность и равнодушие правительства к судьбе западных русских земель привели к тому, что по прошествии длительного времени они остались под влиянием поляков. Русификация, проводимая исключительно административными мерами, не дала результатов. Аксаков предлагал говорить скорее о полонизации Западного края (Аксаков 1886: 17–18). Русификацию он трактовал исключительно как устранение польского влияния в русских землях, но не обрусение самой Польши. Собственно противостояние Польши и России виделось ему как столкновение двух национальных сил. Поэтому административные меры неспособны были изменить ситуацию, на вызовы польского национализма адекватно мог ответить только русский национализм. Славянофил вынужден был признать, что пока (в 1863 г.) польский национализм действовал в западнорусских землях успешнее (Аксаков 1886: 152). Следовательно, необходимо было использовать потенциал русского общества, обратившись к национализму. Надежду на обрусение Украины и Белоруссии публицист связывал с простым народом, в отличие от ополячившейся местной элиты сохранившим связь с русскими корнями и православием (Аксаков 1886: 14).

Политику обрусения Западного края И.С. Аксаков трактовал как возвращение его к традиционному, нормальному развитию в лоне русской православной цивилизации. Эти земли были русскими не только по происхождению, но и по сохранению значительной частью населения русских корней. В результате монгольского нашествия русские земли были разобщены, и западные попали под воздействие полонизации как насильственного подавления русской духовности и внедрения чужеродной – польской. Славянофил выделил

три фактора полонизации: католическая церковь, польская цивилизация и монополия польской шляхты на землевладение. Именно воздействие этих факторов, по мнению И.С. Аксакова, необходимо было нейтрализовать, чтобы создать условия для реанимации русской цивилизации (Аксаков 1886: 499). Но только административными методами этого было достигнуть нельзя, необходимо было постоянное воздействие великорусского национализма. В то же время решение задачи невозможно было и без внятной национальной политики правительства. Другое дело, что она носила имперский, а не национальный характер. Это И.С. Аксаков считал главным ее недостатком. Он категорически возражал против проповедования в русской прессе необходимости отказа чиновников от национальной принадлежности в пользу имперской нейтральности. Русская национальная идентичность у чиновников должна присутствовать столь же ярко и определенно, как и в среде интеллигенции и простонародья. Только тогда они смогут быть проводниками национальной политики, в интересах русского народа, в том числе русских людей в Западном крае (512).

Рассуждения И.С. Аксакова достаточно противоречивы. Он был убежден в сохранении у большей части простого народа в Западном крае связи с русскими корнями, но при этом вынужден был признавать недейственность мер обрусения, проводимых русским правительством, подчеркивая неспособность нейтрализовать полонизирующие факторы. Но одновременно возникал вопрос – может быть, польская цивилизация проникла глубже, чем он предполагал, или русские корни были утрачены? Кроме того, И.С. Аксаков оговаривал, что речь не идет о простой замене местной (украинской и белорусской) культуры и традиций великорусскими, но готов был рассматривать их только как локальный фольклорный феномен (Аксаков 1886: 502). К украинскому и белорусскому народам И.С. Аксаков питал братские чувства и призывал к поддержке «местной русской интеллигенции». Но тональность резко менялась, когда речь заходила о проектах автономии Украины под эгидой Польши или Австрии. Такие варианты славянофил считал предательством интересов русского народа. Он всегда трактовал их авторство польским, как результат полной полонизации местной элиты – интеллигенции, помещиков – и отрицал их право говорить от имени украинского

или белорусского народа, видя в подобных выступлениях исключительно проявление польской национальной экспансии и попыток сохранить польское культурное и религиозное доминирование (Аксаков 1886: 484, 490).

Отношение И.С. Аксакова к украинофильству со временем заметно ужесточается. В работах 1860-х гг. он воспринимал данное направление как движение украинской интеллигенции за сохранение малорусского языка и культуры и относился к нему в целом благосклонно, видя союзника в борьбе с полонизмом. В формировании украинского национального движения, позиционировавшего украинский народ как родственный, но отличный от великорусского, И.С. Аксаков увидел угрозу проектам русификации Западного края как реализации плана по формированию «большой русской нации» (Аксаков 1886: 601). В его работах 1870–1880-х гг. деятели украинского движения становятся «агентами польско-украинофильской партии», чаще всего состоящими на содержании Австрии и имевшими целью внести раскол в становление единства русского народа, ослабить влияние России на славянство. Особенно негативным было отношение к носителям идей федерализма или автономии — М.П. Драгоманову, П.А. Кулишу (Аксаков 1886: 563–564).

Попытки создания украинского литературного языка рассматривались И.С. Аксаковым как абсолютно бесплодные, и он не видел «никакой надобности препятствовать бесплодной и смешной забаве сочинять и издавать сочинения и переводы на малороссийском крестьянском говоре» (Аксаков 1886: 606). С ним был солидарен в данном вопросе и В.И. Ламанский, подчеркивавший, что русский литературный язык — плод всего русского народа (включая малорусов и белорусов). Поэтому отдельный малорусский литературный язык невозможен. Но невозможность малорусского литературного языка не исключала литературной обработки малорусского наречия. Рядом с общерусской литературой может существовать малорусская словесность (Ламанский 2010: 631). При всей своей тяжести борьба малороссов с поляками опиралась на общие для Великой и Малой Руси и выработанные совместными усилиями литературный язык, литературу и образованность, которые, несмотря на недостатки, превосходят польский потенциал в данных областях (Ламанский 2010: 617). Противоборство малороссов и поляков В.И. Ламанский трак-

товал как часть борьбы польской и русской наций. Ассимиляционный потенциал нации и ее способность противостоять внешнему давлению определялись сравнением потенциала культурного и литературного – у кого он выше, тот и победит.

Таким образом, идея большой русской нации, господствовавшая среди славянофилов, отказывала украинцам и белорусам в существовании как самостоятельным этносам и ставила в худшие условия, нежели другие народы Западного края. Это заметно в освещении проблем литовцев А.Ф. Гильфердингом. Ситуацию в Литве он характеризовал как типичную для Западного и Юго-Западного краев России. В духовной жизни по-прежнему господствовало польское католическое духовенство и ополячившееся дворянство. Между тем литовцы имели свой литературный язык, народную культуру, развивая которые зарождавшаяся литовская интеллигенция стремилась освободиться от польского диктата (Гильфердинг 2009: 265).

Русское общество долгие годы проявляло равнодушие к этим землям, воспринимая их как польские. Равно и для русской администрации края литовское население «заслонялось» польским панством и католическим клиром. Интерес к литовцам побудило восстание 1863 г., потребовавшее поиска союзных сил в борьбе с поляками. Но и тогда активность в налаживании отношений с литовцами оставалась низкой. Сказывался религиозный барьер, поскольку в отличие от белорусов и малорусов, разделенных верой с польской шляхтой, большинство литовцев оставались католиками, что давало полякам дополнительный рычаг воздействия на литовское крестьянство (Гильфердинг 2009: 267–269).

Литовцы, исторически зажатые с трех сторон немцами, поляками и русскими, не имели шансов к самостоятельному национальному развитию. Последние три столетия здесь доминировало польское влияние. А.Ф. Гильфердинг не предлагал заменить полонизм обрушением. Более верным и эффективным он считал развитие литовской культуры и образования. Необходимо было создать прослойку образованных литовцев, но не на основе польской культуры, а собственной – литовской, для чего следовало ввести преподавание в местных университетах: «Надо, чтобы литвин мог быть человеком образованным, не делаясь поляком». А.Ф. Гильфердинг считал, что местный сепаратизм опирался на идеологию польского сопротивле-

ния и «бездействие туземного народного элемента». Пробудив этот элемент к самостоятельной духовной жизни, ученый предполагал создать мощный фактор противодействия антирусским силам, поскольку освобожденные от польского доминирования литовцы станут естественными союзниками России, столь много давшей им (Гильфердинг 2009: 270).

А.Ф. Гильфердинг настаивал на необходимости дифференциации политики в национальных окраинах в зависимости от этнического состава населения. Если в белорусских областях, где проживало русское население, развитие местного образования на русском языке было естественно и могло рассчитывать на поддержку местного населения, то в литовских землях проживало инородческое население, для которого русский язык был чужим. Поэтому он считал более правильным вести преподавание в школах на литовском языке, но при условии отдельного и серьезного изучения русского языка. Таким образом, готовилось бы новое поколение грамотных литовцев, на основе родного языка и одновременно хорошо знавших государственный язык. В данной системе образования не оставалось места польскому языку, и он безболезненно вытеснялся бы (Гильфердинг 2009: 272–273).

Итак, для славянофилов Запад и Юго-Запад Российской империи были регионом столкновения двух национализмов – русского и польского, претендовавших не только на владение территориями, но и на включение проживавших здесь народов в свои ассимиляционные проекты. Решение этого конфликта влияло и на перспективы строительства Всеславянского государства, поскольку и поляки, и русские претендовали на доминирование в нем.

Как уже отмечалось, сторонники имперского подхода имели существенно отличную точку зрения на межславянские отношения, но по «польскому вопросу» их взгляды были достаточно близки. Рефлексивность русской общественной мысли в отношении к Польскому вопросу хорошо прослеживается по работам М.П. Погодина. В его работах 1850-х – начала 1860-х гг. доминировало стремление к примирению двух братских славянских народов. Он отмечал, что полякам в XVII в. представился шанс стать гегемоном Восточной Европы, но они не смогли им воспользоваться. Доминирование перешло к Швеции, а затем России. Полякам не следовало винить Рос-

сию в захватничестве, поскольку их амбиции в свое время также распространялись далеко за пределы собственно польских земель (Погодин 2011: 631). Теперь же полякам следовало смириться с реалиями и понять незыблемость своего пребывания в составе России. Тем более, считал М.П. Погодин, положение их в составе России вполне благоприятно, особенно по контрасту с судьбой поляков Галиции и Познани, испытывавших мощное ассимиляционное давление со стороны немцев.

В обращениях М.П. Погодина к полякам постоянно и настойчиво звучал призыв забыть свое имперское прошлое и, отказавшись от претензий на реставрацию Речи Посполитой, стать и частью Российской империи, и младшим партнером русских в славянском сообществе. Эта двойственность польского статуса в рассуждениях Погодина очень любопытна. Он понимал важность польского вопроса для славянских проектов России и откровенно заигрывал с поляками на тему славянского братства. Но одновременно ученый видел в поляках угрозу имперскому единству и проекту «большой русской нации». Он был одним из наиболее последовательных защитников «общерусского» единства и всегда доказывал, что малорусы и белорусы генетически и этнически едины с великорусами и представляют ветви единого народа, разобщенного в результате внешней экспансии. Наоборот, поляки – завоеватели, представлен в Западных русских землях только небольшой группой дворян.

М.П. Погодин, тесно общавшийся со славянской интеллигенцией, идеологами славянского движения, подчеркивал их внимание к положению Польши. Без правильного решения Польского вопроса невозможно было заслужить доверие других славянских народов. В связи с этим ученый вносил предложения по развитию русской политики в Польше. Он считал бессмысленными и вредными попытки ограничений в языковой сфере, поскольку невозможно было уничтожить национальный язык. Любые действия в этом направлении неизбежно порождали растущее противодействие. Следовало обеспечить возможность польским детям свободного изучения польского языка в школах, но также и создавать условия для изучения русского языка (Погодин 2011: 631). М.П. Погодин считал систему образования важнейшим инструментом воздействия на поляков, молодежь, прежде всего, воспитания их в духе славянского

единства и понимания вреда, нанесенного полякам европеизацией. Важно было выработать у них «правильное понимание» прошлого Польши. Он считал необходимым открытие университета в Польше (453–454). Но также транслировал якобы мнение славян, что, если мирные методы не дадут позитивного эффекта, следовало депортировать польскую шляхту, расселив ее по всей России (483).

Итак, в работах М.П. Погодина до 1863 г. звучала глубокая убежденность в безальтернативности перспективы существования польских земель в составе Российской империи. Любопытна его апелляция к общеевропейским процессам. Он указывал полякам на бессмысленность сопротивления историческим тенденциям к объединению наций и созданию национальных государств. Это стремились реализовать итальянцы, немцы, и нахождение поляков в составе России вполне в духе времени.

Но события 1863 г. потрясли М.П. Погодина. Если вначале он воспринимал польские выступления как проявление недовольства некоторых слоев городского населения и молодежи, то затем угроза утраты Польши стала для него очевидной. Результатом стали размышления по поводу возможности отделения Польши от России. Погодин подчеркивал их гипотетический характер, но неоднократно обращал к теме и подробное рассмотрение вариантов говорили о том, что ученый не исключал данного развития событий. Он убеждал себя, польскую и русскую общественность в невозможности обретения Польшей суверенитета. Его размышления были противоречивы. М.П. Погодин указывал на сохранение у польской элиты реваншистских настроений и после обретения суверенитета. Предоставив Польше независимость, Россия обретала на своих границах враждебное государство (Погодин 2011: 631). Но также он был убежден, что Польша будет неизбежно поглощена немецкими государствами.

После поражения восстания и несостоявшейся интервенции европейских стран Погодин утвердился в мысли о безальтернативности существования Польши в составе России (Погодин 2011: 677).

Само польское восстание М.П. Погодин не считал национально-освободительной борьбой, поскольку оно было инспирировано группой эмигрантов-революционеров, нашедших поддержку католического клира (Погодин 2011: 679). Он настаивал на том, что в

Польше имел место экспорт революции, влияние Запада, а не развитие внутренней ситуации, что отличало его точку зрения от славянофильской. Польские революционеры – агенты Запада, боявшегося, что начавшиеся в Польше реформы ликвидируют вражду поляков и русских, и, объединившись, они станут ядром славянского общества. В самой Польше недовольными были аристократы, видевшие в реформе перспективу утраты власти над крестьянством: «Ненависть к настоящей свободе породило само польское восстание» (642–643). Польскую шляхту М.П. Погодин называл пришельцами-кельтами с запада, подобно варягам-норманнам в Руси. Поэтому они всегда были чужды не только интересам русского крестьянства, но и собственно польского и не могли защищать национальные интересы (643).

Подобный подход к рассмотрению польского вопроса предлагал и М.Н. Катков. Поляков М.Н. Катков делил на две самостоятельные группы – собственно поляков, проживавших в этнических польских землях, где они были автохтонным населением, и поляков Западного и Юго-Западного края. Здесь они были пришельцами-завоевателями. И для них перспективу публицист определял крайне жестко. Поскольку поляки жили в русских землях, они либо должны были «обруситься», либо вернуться на историческую родину. Для начала они должны были прекратить считать эти земли польскими, важно было также прервать их связи с Польшей как источником полонизма (Катков 1897: 81–83).

М.Н. Катков указывал на парадоксальность отношений между поляками и русскими. Польские земли были разделены и находились в составе трех государств, но восстания происходили только в российских владениях. Публицист видел причиной тому не чрезмерную жесткость русских властей, а, наоборот, сохранение в «русских» поляках народного духа, который поднимал их на борьбу. В немецких владениях поляки подвергались постоянной и методичной ассимиляции, практически утратив национальную идентичность. Различия в немецко-польских и русско-польских взаимоотношениях М.Н. Катков видел в том, что в «германских государствах польская народность должна была выдерживать с живыми силами другой народности и она изнемогла в этой борьбе, между тем как у нас она была предметом только правительственных мер, и эти меры,

каково бы ни было их свойство, только глубже загоняли внутрь народное чувство, только сосредоточивали его и придавали ему крепость» (Катков 1897: 112).

Но публицист выражал надежду на пробуждение русского народа, которое должно было привести к своеобразному соревнованию в различных областях жизни, то есть российское общество должно было продемонстрировать превосходство в образовании, культуре, экономике, чтобы подтвердить свое господство. Вместе с тем, М.Н. Катков сразу обозначал границы компромисса – Польша должна была получить возможность пользоваться всеми благами как «внутренней автономии», так и общероссийской модернизации, развития свобод, но не могло быть и речи об обретении Польшей независимости (Катков 1897: 113).

Отрицая возможность предоставления независимости Польше, М.Н. Катков подробно проанализировал возможные последствия подобного шага. Прежде всего, он утверждал, что пребывание Польши в составе России уже следствие не разделов XVIII в., а Венского конгресса. Присоединение к России польских земель было единственной наградой России за жертвы в борьбе с наполеоновской Францией, и отказ от них стал бы предательством памяти погибших в войне 1812 года и освободительного похода в Европу. Само обретение Польшей независимости принесло бы России значительное ухудшение геополитического положения и поставило бы под сомнение ее статус как великой европейской державы. Угрозу будет представлять даже не само Польское государство (хотя Катков не сомневался в его враждебности, учитывая реваншистские настроения польской элиты), а неизбежное его использование европейскими странами, Австрией и Пруссией, прежде всего, для борьбы с Россией. В результате Россия потеряла бы все приобретения и вернулась бы к границам начала XVIII в. (Катков 1897: 162–163).

Но главный парадокс подобного варианта, по мнению публициста, заключался в неизбежном поглощении Польши немецкими государствами и исчезновении поляков как народности (Катков 1897: 164).

Неразрешимость польско-русских отношений на данном этапе, по мнению М.Н. Каткова, заключалась в том, что обе нации не желали быть просто таковыми, а претендовали на статус великих евро-

пейских. Поляки требовали не только восстановления независимости польской государственности, но исключительно в границах Речи Посполитой, то есть воссоздания многонациональной империи. Их планы исключали возможность существования Российской империи как влиятельного европейского государства, отбрасывая ее западные границы к Москве, а в наиболее радикальных вариантах и вовсе за Урал. По существу и Польша, и Россия связывали свое будущее с владением Литвой и Малороссией, доказывая исторические права на это. То есть М.Н. Катков, как и многие российские деятели, видел в борьбе поляков не национально-освободительное движение, а конкурировавший с российским имперский проект гегемонии в Восточной Европе (Катков 2009: 184–185, 189). Кроме того, государственное противостояние дополнялось противоборством двух национализмов: «это борьба двух народностей, и уступить польскому патриотизму в его притязаниях – значит подписать смертный приговор русскому народу» (190).

Вообще, в логике М.Н. Каткова заметна противоречивость. С одной стороны, он убежден в неизбежности поглощения Польши немцами в случае предоставления ей независимости. Но одновременно уверен в том, что независимая Польша будет источником угрозы для России, поскольку ее реваншистские настроения будут подогревать ненавидящие Россию европейцы. И Австрия, и Пруссия рады будут направить агрессию поляков против русских земель, оговорив неприкосновенность польских земель в своих владениях (Катков 1897: 243).

В 1870-е гг. внимание М.Н. Каткова к собственно Польше ослабло. Но жесткая риторика его статей осталась неизменной, как и наиболее значимые для него аспекты русско-польских отношений. Он по-прежнему считал, что польское дворянство оставалось чужеродной и враждебной России силой (Катков 1898: 293–294). Поэтому в отношении польской шляхты публицист не старался скрывать своего традиционного негатива. Его надежды были связаны с изменениями в социальной структуре польского общества и усилением роли крестьянства и горожан. М.Н. Катков искренне был убежден и горячо доказывал читателям, что Польша в составе России развивалась в максимально благоприятных условиях, и большинство населения постепенно не только смирялось с русским владычеством, но

и начинало понимать свою выгоду. Поэтому М.Н. Катков уделял много внимания включению поляков в общеэкономические процессы (133–134).

М.Н. Катков приветствовал распространение на территорию польских этнических земель общеимперского законодательства, образовательной системы, русского языка. Он считал это совершенно естественным процессом установления нормальной государственной власти, единой для всей империи, и не видел какого-либо ущемления польской этничности. В связи с этим в его статьях сохранилось утверждение о политическом характере понятий «польская нация», «поляк» как напоминания о Польском государстве. Сторонники польской независимости по-прежнему включали в них все население в границах Речи Посполитой и в русской политике видели угрозу не польскому народу, до которого им не было дела, а своим мечтаниям о восстановлении былого величия. Таким образом, собственно польской народности ничего не угрожало, но шло постепенное обращение поляков в подданных империи, с чем большинство народа, по утверждению М.Н. Каткова, уже давно смирилось (Катков 1898: 372–373). Сопrotивление оказывали только шляхта, католическое духовенство, опиравшиеся на внешние, враждебные России силы (Катков 1897: 779–780).

Публицист остро дискутировал с либеральными изданиями (чаще всего газетой «Голос»), считавшими необходимым искать в польском обществе признаки примирения с Россией. По мнению М.Н. Каткова, этот самообман и нападки на царскую администрацию за русификаторскую политику наносили огромный вред русскому национальному единству и были одной из причин неуспеха обрусения. В то же время отношение самого публициста к русской политике в Польше и Западном крае было достаточно критичным, но из-за нерешительности и неэффективности русификаторской деятельности (Катков 1898: 293–295).

Тональность статей В.П. Мещерского, посвященных польскому вопросу, заметно отличалась от катковских. Здесь отсутствовало описание противостояния народов или национализмов. Следовало учитывать, что активная публицистическая и издательская деятельность консерватора началась уже в 1880-х гг., когда острота противостояния заметно уменьшилась. Базовым принципом при рассмот-

рении национального вопроса, по мнению В.П. Мещерского, должна была быть незыблемость единства империи. В результате национальные проблемы становились «местными», и любая местная проблема всегда должна была видеться через призму общеимперских интересов. Соответственно, проблемы Польши можно было решить, только перестав трактовать их как национальный польский вопрос, приняв как константу нахождение Польши в составе России и видя ее проблемы как часть общеимперских. Если подобный подход обладает и среди русских, и среди поляков, на первый план выйдут задачи сохранения общественного порядка, укрепления стабильности, роста благосостояния населения. В.П. Мещерский был убежден в том, что поляки, как и русские, ждут от государства, прежде всего, стабильности, порядка и защиты своих интересов. Следовательно, они заинтересованы в прочной и сильной государственной власти, вне зависимости от ее национальной атрибутики.

При этом В.П. Мещерский, по сложившейся в русской общественной мысли традиции, четко разделял собственно польские земли (бывшее Царство Польское) и русский Западный край. Публицист предлагал для Польши алгоритм развития, схожий с прибалтийским, то есть при безусловности универсализации общеимперского правового и экономического сохранения местных особенностей, в том числе языка, в системе управления, образования, религии должно было определяться их соответствием задачам поддержания единства и стабильности империи (Мещерский 1882: 3–4). Западный край должен был в кратчайшие сроки получить все институты великорусских губерний.

Комментируя развернувшуюся в польской прессе кампанию о необходимости примирения русских и поляков, В.П. Мещерский соглашался с полезностью самой идеи, но указывал на совершенно неадекватную трактовку принципов взаимоотношений. Поляки видели себя равноправной стороной переговоров с русским государством, в ходе которых они могли высказывать свои условия (в данном случае лояльность в обмен на ослабление русификации). Между тем, писал В.П. Мещерский, поляки – подданные российского государства, и политическая лояльность была их обязанностью, которую они должны выполнять, а не предаваться пустым мечтаниям (Мещерский 1889: 1).

В оценке ситуации в Западном и Юго-Западном крае М.Н. Катков был близок к славянофилам (И.С. Аксакову, Ю.Ф. Самарину). Он считал, что благодаря неудачной политике русских властей и слабому национальному самосознанию проживавшее там русское большинство подавлялось польским меньшинством. Но неприятие и активное сопротивление русского крестьянства восстанию 1863 г. порождало надежду на подъем русского национализма (Катков 1897: 473–474).

В то же время М.Н. Катков негодовал по поводу отсутствия существенных перемен в политике царской администрации. Когда восстание затихло, все вернулось на свои места, русские крестьяне, боровшиеся с польскими агитаторами и показавшие лояльность правительству, вновь оказались под властью сочувствовавшей восстанию шляхты. Поэтому публицист настаивал на необходимости извлечь уроки из происшедших событий и путем конфискации земель у замешанных в восстании польских помещиков изменить ситуацию (Катков 1897: 476).

М.Н. Катков упрекал русскую прессу в непоследовательности. До начала событий в Польше многие (газеты «День», «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости») выступали с критикой русской политики в Западном крае, теперь же нападают на М.Н. Каткова, который критикует ее. Газета «День» выступала за предоставление Польше политической автономии, для того чтобы ослабить колонизацию Западного края и ускорить обрусение. Но, по мнению М.Н. Каткова, при существовавшей тогда политике правительства это не будет иметь смысла (Катков 1897: 488).

Самым заметным различием в подходах М.Н. Каткова и И.С. Аксакова к обрусению Западного края была очевидная ориентация М.Н. Каткова на дворянство. Он считал важнейшим условием выведения края из-под контроля поляков обрусение дворянства, предполагавшее через систему правительственных мер обеспечение увеличения русского помещичьего землевладения. Оценивая позицию крестьянства во время восстания, он радовался его антипольским настроениям, но, видимо, не представлял его как активную силу. Более того, М.Н. Катков резко критиковал идеи славянофилов о развитии крестьянского самоуправления в Западном крае, считая,

что оно не работало в великорусских губерниях и тем более бесполезно в Западном крае (Катков 1897: 488–489).

Анализируя реформу 19 февраля 1864 г., публицист отмечал оптимальный вариант местного самоуправления, введенный в Польше и предполагавший принцип сословности. По его мнению, данный принцип был предпочтительнее сословных крестьянских органов, установленных в великорусских губерниях (Катков 1897: 328–329). В то время как славянофилы считали, что оставление крестьянских органов под контролем дворянства ослабляло положительный эффект реформ.

М.Н. Катков полагал, что в результате поражения в восстании польский элемент в Западном крае значительно ослаб. Польское дворянство, бывшее опорой сопротивления России, не жалело средств на борьбу и, надеясь на победу, закладывало имения, что вместе с проводимыми правительством принудительными продажами имений участников восстания могло подорвать монополизм польской шляхты в землевладении. Но если И.С. Аксаков настаивал на оказании помощи крестьянам, то М.Н. Катков видел необходимость в увеличении числа русских помещиков. То есть социальной опорой обрусения у И.С. Аксакова был народ, у М.Н. Каткова – дворянство.

Для победы над польской интеллигенцией в крае необходимо было создать русскую интеллигенцию. Только если образованное население края станет русским, возможна будет замена польского языка в системе образования русским. Под воздействием русского дворянства возможна реанимация православия. Пока же складывалась парадоксальная ситуация, когда в части русского государства господствующее положение занимали поляки, а русские – «обслуживающее» (Катков 1897: 539–541).

В дальнейшем М.Н. Катков регулярно отслеживал ход переселения русских помещиков в Западный край, с каждым годом все более разочаровываясь в данном проекте (Катков 1897: 429–431). В публикациях 1860-х гг. он с тревогой сообщал читателям об отсутствии значительных перемен в ситуации в Западном крае. Попытки администрации с помощью принудительных продаж имений участников восстания и привлечения в край русских помещиков ослабить польское господство не увенчались успехом. Польское общество оста-

лось чрезвычайно консолидированным в борьбе с русским влиянием. Ни о каком примирении со стороны поляков не могло быть и речи. Противостояли же польскому обществу разрозненные чиновники. Русское общество как активная сила по-прежнему отсутствовало. Поэтому призывы к великодушию, звучавшие в русской прессе, он считал не только бессмысленными, но и вредными, так как они в данной ситуации означали бы капитуляцию русской нации перед польской. Необходима была система правительственных мер, в том числе экономических, направленных на поддержку русского помещичьего землевладения в крае. Следовало решительно заменять местное чиновничество русским (Катков 1897: 506–509).

Примирительная политика по отношению к полякам, утверждал публицист, будет возможна, только когда у них проявится очевидное желание к сотрудничеству с русским правительством и к мирному сожительству с русским народом. Пока же не следовало полагать, что все трудности закончились, и готовиться к длительной и упорной борьбе. Успех же будет возможен только при условии консолидации всего русского общества. Только когда поляки поймут невозможность возврата Речи Посполитой, они будут готовы к диалогу с русскими. В свою очередь, это будет возможно, когда Западный край действительно станет русским (Катков 1897: 512). Интонации М.Н. Каткова весьма схожи с самаринскими или аксаковскими. Речь у него идет о необходимости достижения единства русской нации через обрусение Западного края, то есть восстановление здесь русского литературного языка, образования на русском языке, православной веры.

Реализацию аграрной реформы и развитие крестьянского землевладения М.Н. Катков считал важнейшей задачей, решение которой укрепит русские силы в крае, но, в отличие от И.С. Аксакова, публицист не видел в крестьянстве самостоятельную силу, способную противостоять польскому дворянству (Катков 1897: 114–115).

М.Н. Катков категорически отвергал попытки польского дворянства представить выступления крестьян в Западном крае против польского дворянства как холопский бунт, то есть социальное движение. Он видел в этом попытку потерпевшей поражение шляхты запугать русское дворянство и добиться от него сословной солидарности. Публицист считал, что в этих выступлениях проявилось про-

буждение национального самосознания русских людей края, почувствовавших себя частью русской нации и поднявшихся на борьбу с польским национальным, а не социальным угнетением (Катков 1897: 581–583).

Приветствуя меры правительства по выведению русского крестьянства Западного края из-под влияния католического духовенства, М.Н. Катков не считал правильным оставлять его без контроля церкви. Видя в крестьянстве аморфную массу, легко поддающуюся влиянию, он предлагал передать полномочия православному духовенству, которое до формирования русской интеллигенции из русских землевладельцев будет выполнять задачи по ослаблению польского диктата (Катков 1897: 595–596).

Сообщая о плачевном положении православия в Западном крае, М.Н. Катков настаивал на неспособности церкви самостоятельно выйти из кризиса. Православная церковь всегда дистанцировалась от политической деятельности, поэтому в условиях доминирования католичества среди дворянства края она не могла эффективно защищать права православного крестьянства, в свою очередь, неспособного к самоорганизации. Русская православная церковь также была слабым союзником в силу полного подчинения государству. Поэтому упреки церкви несправедливы и необходима целенаправленная государственная поддержка по восстановлению православия в крае (Катков 1897: 23–24).

Важнейшую роль в процессе обрусения должно было сыграть распространение русского языка в государственной сфере, образовании. Особую важность, по мнению М.Н. Каткова, в борьбе с полонизмом имело лишение поляков монополии в католической церкви. Для этого следовало развести понятия поляк и католик. Перевод католического богослужения на русский язык стал бы первым шагом в этом направлении (Катков 1897: 78–79).

Но при этом М.Н. Катков не считал первостепенной задачей возвращение белорусских крестьян в православие. Учитывая, что католицизм давно утвердился в Западном крае, такие меры неизбежно приобретали принудительный характер. Гораздо важнее для становления здесь общерусской идентичности было бы распространение русского языка, в том числе и в католическом богослужении (Катков 1897: 297–298).

Внимание М.Н. Каткова к западным русским землям не ослабевало, хотя тематика несколько изменилась. Если в работах 1863–1865 гг. регулярно повторялось доказательство русского характера Западного края и делались пространные экскурсы в историю для его подтверждения, то в статьях 1870-х гг. обращение к данной проблеме становится рефлексивным, как ответ на выпад польской эмигрантской или иностранной прессы по поводу истории западных русских владений (Катков 1897: 779–780).

Зато остались неизменными проблемы обрусения как возвращения малорусов и белорусов к историческим корням и искоренение полонизма. Здесь заметно существенное противоречие в утверждениях М.Н. Каткова. Он постоянно настаивал на неспособности поляков противостоять обрусению, связывая все неудачи с русской стороной, а именно непоследовательностью русской администрации и отсутствием четкого понимания национальных задач в русском обществе (Катков 1897: 81–83). Но отслеживая важнейшие аспекты, он с нескрываемой ненавистью вынужден был отмечать консолидированность немногочисленного польского дворянства, четкое понимание ими своих целей и страстный (хотя и ложный) патриотизм. Это заметно в сюжете о попытках сформировать русское помещичье сословие за счет переселения из великорусских губерний. М.Н. Катков упорно возвращался к этой теме, подчеркивая ее важность, но с горечью вынужден был констатировать провал программы, в результате скрытного саботажа поляков. Такова же была судьба распространения католического богослужения на русском языке, встретившего яростное сопротивление ксендзов (151).

Принципиальный подход М.Н. Каткова к проблемам Западного края заключался в представлении о противоборстве двух национализмов – польского и русского. Население края – белорусские и малорусские крестьяне – воспринималось как аморфная и пассивная сила, не осознавшая своей национальной идентичности. Наличие белорусского и украинского национализма им категорически отрицалось. В украинофильстве он видел большую ошибку малорусской интеллигенции и украинофильского лобби в русской интеллигенции, поддавшихся на польскую провокацию.

Попытки Н.И. Костомарова и ведомых им украинофилов создать искусственно украинский литературный язык и внедрить его в си-

стему образования публицист трактует как неумные действия людей, не представлявших последствия своих поступков. Деятельность украинофилов нарушала единство русского народа и объективно была на руку полякам, стремившимся ослабить Россию (Катков 1897: 504–505).

М.Н. Катков видел внезапно пробудившееся украинофильское движение прямым следствием «польской интриги». Поляки, стремясь доказать свои исторические права на Малороссию, подчеркивали ее коренное отличие от Великороссии, в том числе в языке, что доказывало различные этнические корни двух самостоятельных народов. Публицист был глубоко убежден в единстве русского народа, проявлявшемся в общем языке. Он доказывал читателям, что однородность языка у русских гораздо сильнее, чем во Франции или Англии. Наличие местных диалектов было результатом различий в исторической судьбе разных ветвей русской народности. Но стремление создать литературный малороссийский язык и вести на нем образование было результатом искреннего заблуждения части украинской интеллигенции, не понимавшей, что своими действиями они раскалывали единство русского народа и помогали столь ненавистным на Украине полякам. Великорусский язык, настаивал М.Н. Катков, и есть общерусский, все же отличия от него – искажения в результате иностранного (польского) влияния (Катков 1897: 327–328).

Он искренне возмущался, когда его оппоненты пытались уравнивать значение малорусского и великорусского языков, провозгласив их «наречиями» общего русского языка. Публицист горячо убеждал читателей, что великорусский – это русский язык, а малорусский – это наречие (Катков 1897: 262).

М.Н. Катков, уверенный в незыблемости русского государственного единства, даже мысленно не допускал политической независимости Украины, а тогда, недоумевал он, если едины нация и государство, зачем нужны два языка. Деятельность Н.И. Костомарова по сбору средств на издание украинских книг он считал одинаково вредной, как если бы это был сбор средств в пользу восставших поляков (Катков 1897: 329–330).

Публицист, отвергая обвинения в излишних нападках на украинофилов, убеждал читателей в недооценке общественностью России

опасности, исходившей от этого течения. Саму украинофильскую деятельность, направленную на создание украинского литературного языка и попытки открыть украинские школы, можно было снисходительно считать чудачеством небольшой группы интеллигенции. Но М.Н. Катков не сомневался в причастности к идее выделения украинского народа как самостоятельного «польской интриги». Он обращал внимание на то, что даже в самых умеренных вариантах идет речь о противопоставлении Украины России и необходимости выстраивания отношений между ними не только как межнациональных, но и как международных (Катков 1897: 87–88). Поляки, бывшие всегда угнетателями малорусского народа, стали позиционировать себя и малорусов жертвой агрессии русского самодержавия, выстраивая общую цель освобождения от него. Таким образом, вносился раскол между русскими, и украинофильство становилось союзником польского сепаратизма (265).

Между тем, подчеркивал публицист, национальности являлись результатом самостоятельной исторической жизни, формировавшей такие атрибуты национальности, как литература и язык. Если за поляками данный статус признавался (хотя и утраченный в рассматриваемый период), то Украина, высказавшая в лице казачьих лидеров стремление к независимости, не смогла его реализовать. Это доказывало историческую несостоятельность подобных проектов. Украинский народ, став частью единой великой русской нации, сплоченной в «могучее политическое тело», обрел историческую перспективу, сохраняя культурную самобытность, нарушать которую М.Н. Катков считал вредным для развития России в целом (Катков 1897: 88–89).

Итак, в националистической литературе XIX в. сложились устойчивые и универсальные как для славянофилов, так и для сторонников имперского направления взгляды на «польский вопрос». Общим было представление о выделении двух аспектов. По отношению к собственно Польше, т.е. этническим польским землям, славянофилы готовы были проявлять известную веротерпимость и гарантировать сохранение национальной самобытности при условии отказа польской элиты от претензий на восстановление Польского государства в границах 1772 г. Они готовы были даже рассматривать вопрос о предоставлении Польше независимости на тех же

условиях. Но в 1880-е гг. ослабление польского сопротивления было воспринято как угасание национального потенциала, что породило надежду на успешность ассимиляции поляков. «Имперцы» выступали за включение Польши в общеимперское государственно-правовое пространство.

Судьба коренного населения западных окраин Российской империи рассматривалась в контексте русско-польского противостояния. В этом аспекте и славянофилы, и имперцы мыслили одинаково. Эти земли рассматривались не только как часть русского государства, но и как часть исторического ареала проживания русской народности. Малорусы и белорусы воспринимались частью единого русского народа, и в отношении них обрусение означало возврат к историческим корням, т.е. отказ от национальных языков в пользу русского, возврат к православию (для католиков и униатов).

В русской либеральной публицистике заметен широкий диапазон мнений в оценке отношений Польши и России. А.Д. Градовский большую часть вины за национальную катастрофу поляков возлагал на ее правящие слои, неверно оценившие место Польши в европейской цивилизации и избравшие ошибочную внешне- и внутривнутриполитическую стратегию.

Со времен разделов Польши, т.е. с конца XVIII в., польская элита сделала свою страну заложницей интриг великих европейских держав. Позиционируя себя как восточный форпост европейской цивилизации и католицизма, прикрывавший ее от азиатских агрессоров, польская аристократия, не надеясь на силы польского народа, обращала свои взоры, прежде всего к Франции, стремясь найти в ней союзницу от русско-немецкой экспансии. Но, утверждал А.Д. Градовский, поляки всегда воспринимались Европой с высокомерием и презрением, распространяемым на весь славянский мир. Польша была интересна европейским политикам только как инструмент давления на Россию. Наполеон I, заигрывая с поляками и обещая восстановить польскую независимость, лишь стремился получить пушечное мясо для войны с Россией. Во время событий 1830 и 1863 гг. Европа (и особенно французы) с охотой поддерживали на словах героическую борьбу поляков с царской деспотией, но дальше публичных акций и дипломатических демаршей дело не шло. В своей ненависти к России польская аристократия готова была искать

союзников в Пруссии, выдвигая план создания польского государства как будущего союзника в борьбе с российским влиянием (Градовский 1901: 608–609).

Образование в центре Европы мощного германского государства в 1871 г., по мнению ученого, коренным образом изменило ситуацию. Франция утратила первенство в Европе, и ее влияние резко ослабло. Польские территории, вошедшие вместе с Пруссией в состав Германской империи, получили статус имперских земель, и любые попытки изменить ситуацию вызовут мгновенную и самую жесткую реакцию немцев (Градовский 1901: 609).

Другой опорой польского освободительного движения А.Д. Градовский определял католический клерикализм. Будучи проводником католицизма в славянских землях, Польша еще в конце XVIII – начале XIX в. могла рассчитывать на моральную поддержку Европы, указывая на притеснение католичества со стороны России. Но во второй половине XIX в. в условиях повсеместного провозглашения европейскими правительствами принципа свободы совести католическая церковь воспринималась как враг прогресса, и призывы к ее защите уже не находили отклика (Градовский 1901: 609–610).

В самой Речи Посполитой насильственное насаждение католической веры встретило упорное сопротивление православного населения, «создало диссидентский вопрос», воспрепятствовало налаживанию сотрудничества поляков и малороссов и, в конечном итоге, привело к полному разрыву с Малороссией (Градовский 1901: 610–611). Таким образом, по мнению русского ученого, стал очевиден идейный кризис польского освободительного движения. Не получив реальной помощи у европейских стран, поляки не видели своего места среди славянских народов. Польская элита упорно грезилась о Речи Посполитой в границах 1772 г., т. е. старой феодальной Польши, с шляхетским всевластием и угнетением других народов (603–604). То есть речь по-прежнему велась не о восстановлении единства польской народности, а о восстановлении государства.

Поэтому русский ученый призывал польскую интеллигенцию «вернуться домой». Он обращался не к той ее части, которая поставила целью своей жизни борьбу с Россией и участвовала в любых войнах на стороне любого врага России, но к той части, которая готова была осознать новые политические реалии. Здесь размышления

А.Д. Градовского приобретали отчетливую славянофильскую окраску. Ситуацию, когда польские земли были поделены между тремя империями и будущее Польши определяло противостояние их интересов, он интерпретировал как противостояние германского и славянского миров. Поляки должны были сделать свой выбор и присоединиться к начинающему самостоятельную политическую жизнь славянскому племени или, перейдя на противную сторону, раствориться в германском мире, потеряв свою национальную идентичность (Градовский 1901: 611).

Альтернативность вариантов А.Д. Градовский обозначал максимально контрастно. Германская империя как национальное немецкое государство проводила жесткую ассимиляционную политику по отношению к славянам. Пребывание поляков как самостоятельного народа в таких условиях было абсолютно бесперспективно.

Обращаясь к польским эмигрантам, А.Д. Градовский старался доказать принципиальное отличие условий пребывания польских земель в составе России. Конфликт между Польшей и Россией носил межгосударственный, а не межнациональный характер. Российское государство, приняв участие в разделе Польши, никогда не стремилось к уничтожению польского народа. Жесткие меры, принятые после подавления восстаний, были направлены на сохранение государственного единства. Русское общество традиционно симпатизировало полякам, и в нем, по крайней мере до 1863 г., были сильны настроения в пользу возврата польской государственности, но, естественно, без малорусских земель. Русский народ всегда отличался национальной и религиозной толерантностью, распространявшейся и на поляков (Градовский 1901: 616–617). Поэтому те, кто действительно заботился о сохранении польской народности, должны были понимать, что достичь этой цели возможно только через союз с Россией и примирение с перспективой длительного пребывания в ее составе. Присоединение к славянскому движению означало отказ от возврата к прошлому, т.е. от претензий на малорусские и литовские земли, и сосредоточение на проблемах польской народности «в тех местах, где она действительно являлась преобладающей» (605).

Стоит признать, что А.Д. Градовский осознавал всю сложность примирения поляков и русских и наличие мощного противодействия

ему и в русском, и в польском обществе. Более того, он писал о том, что сторонников сотрудничества с Россией среди польской интеллигенции абсолютное меньшинство. Поэтому русское общество должно было сделать шаги навстречу полякам, забыть старые обиды и не допускать оскорбления их национального достоинства (Градовский 1901: 611–612).

Таким, образом, в интерпретации А.Д. Градовского превалировало комплементарное отношение к позиции России и ее политике в Польше.

Заметно контрастировало с его выводами отношение к проблеме Б.Н. Чичерина. Он осуждал раздел Польши и включение ее в состав России считал завоеванием и порабощением. Не снимая с поляков вины за развал собственного государства, ученый не считал, что это оправдывало завоевателей (Чичерин 1899: 15–16). Для России уничтожение славянского государства было в конечном итоге невыгодно и безнравственно (14–15). Вместе с тем, поляки не утрачивали стремления к восстановлению государственности, сохраняя высокий уровень национального самосознания. Поэтому Б.Н. Чичерин скептически относился к планам интеграции Польши в состав России (Чичерин 1899: 16–17).

Главным просчетом польской политики было предоставление Александром I Конституции Польше. Даже подобные уступки со стороны имперской власти не заставили поляков смириться. В условиях же сохранения самодержавной власти на остальной территории империи это усугубило раскол государства. Одновременно Б.Н. Чичерин укорял поляков за неблагоприятность и считал восстания 1830 и 1863 гг. ошибкой, поскольку они изначально были обречены на поражение и только ухудшили положение Польши.

Сразу после восстания Б.Н. Чичерин написал большую статью, где раскрыл свое видение сложившейся ситуации в Польше и возможных мер русского правительства. В ней он считал необходимым установление в Польше диктатуры, для наведения порядка, как важнейшего условия проведения реформ.

Однако, вернувшись спустя десятилетия к анализу данного периода русско-польских отношений, он полностью дезавуировал свои предложения. Последовавшая после подавления восстаний политика ужесточения репрессий, писал ученый, не могла привести к успеху,

так как у народов с сильным национальным духом подобные меры вызывают возрастающее стремление к сопротивлению. Поэтому уничтожив Царство Польское и включив Польшу в состав империи, власти продолжили цепь трагических ошибок. Противостояние усиливалось, но проигрывали обе стороны. Польша страдала от репрессий и насильственной ассимиляции. Ученый резко критиковал русификаторскую политику, проводимую царской администрацией в Польше. Она приняла гораздо более жесткие формы, чем политика германизации в польских областях Германии. Немцы, неукоснительно проводя политику вытеснения польского языка, по крайней мере, оставили преподавание польского языка в школах. Россия же полностью русифицировала даже начальное образование.

Также несправедлива была религиозная политика. Б.Н. Чичерин считал недопустимым вмешательство властей в вопросы веры. Государство, в его представлении, могло влиять на миссионерскую деятельность церковей различных конфессий, поощряя какую-либо, но не должно нарушать свободы совести. Но рост внешнего деспотизма порождал деспотизм внутренний, т.е. направленный на русский народ. Проводя довольно смелую аналогию с многовековым пребыванием греков в составе Османской империи, Б.Н. Чичерин приходил к выводу о том, что подобные ситуации разрешимы только предоставлением народу независимости (Чичерин 1897: 275).

Подобную позицию в значительной мере разделял К.Д. Кавелин, писавший, что борьба поляков за свободу заслуживала такой же поддержки, как борьба сербов против Турции или итальянцев против Австрии. Владычество России над Польшей ученый называл «бессмысленным и отвратительным». Одновременно он настаивал на преобладании позитивных тенденций во взаимоотношениях двух народов. Несмотря на все сложности и противоречия, происходило их взаимообогащение – «взаимным трением друг об друга мы лечимся от дикости». Поэтому герценовская идея о «сближении в ненависти к правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительного явления» (Кавелин 1892: 79). Прочным могло быть сближение, основанное на усилении взаимовлияния, на «перерождении, от сознания единства перед глубоким, коренным различием с европейским синтезом» (79).

Но при всей критичности оценки пребывания Польши в составе России либералы не видели ему реальных альтернатив и выступали против каких-либо радикальных мер. К.Д. Кавелин сомневался в возможности обретения Польшей независимости насильственным путем. Из текста его письма не очевидно неверие в способность поляков победить Россию, он скорее не видел выгоды для них от этой победы. Как ни странно, либерал в подтверждение своей мысли указывал на «славянский вопрос», «который стоит несравненно важнее, чем польский вопрос», то есть славянская солидарность должна была перевесить ненависть между поляками и русскими.

Он даже обращался к фантастической ситуации, когда Российское правительство вдруг вернет Польше независимость и удовлетворит все ее территориальные претензии. Но это не отдалило бы Польшу, а наоборот, «поляков бы опять потянуло сильно к нам» (Кавелин 1892: 78).

Б.Н. Чичерин категорически отвергал идею решения польского вопроса посредством предоставления ей конституции и места в общерусском народном представительстве. Народное представительство, писал он, эффективно, когда правительство может опереться на большинство населения. Но в Польше, где в общественной жизни по-прежнему доминировала враждебная ко всему русскому аристократия, это приведет к усилению противников России, которые превратят представительный орган в центр сопротивления (ОР РГБ: 13, 15). Кроме того, введение конституционализма в Польше и невведение его в России было бы невозможно, а Россия, по его мнению, еще не была готова к конституции, так как реформы Александра II существенно изменили общественный порядок и требовалось значительное время на его адаптацию, прежде чем делать новые столь радикальные шаги (27–29). Первым шагом должно было стать уравнивание поляков в правах с русскими, распространение на польские земли земского самоуправления, прекращение русификаторской политики и языковых ограничений (Чичерин 1899: 37).

Редакционная статья «Русской мысли» в мартовском номере 1881 г. содержала комментарии к опубликованному здесь же письму А.С. Хомякова к А.О. Смирновой, где славянофил делился мечтой о предоставлении Россией независимости Польше (Русская мысль 1881: 305–308). Ее автор увидел в мыслях А.С. Хомякова призыв к

уважению права национальностей на суверенитет, как одного из основополагающих принципов прогрессивного развития человеческого общества. Национальная принадлежность рассматривалась важнейшим элементом самоидентификации личности, поэтому реализация свободы личности была невозможна без свободы национальностей (316–317).

Национально-освободительные движения, по мнению редактора, могли угрожать единству многонациональных государств, созданных в результате завоевания и сплоченных только силой принуждения. Россия с абсолютным преобладанием русского элемента не должна была опасаться, что следование идее национального самоопределения приведет к ее дезинтеграции. Единственным народом в составе Российского государства, имевшим стремление к обособлению, представлялись поляки, не смирившиеся с утратой государственности и сохранившие национальное самосознание, особенность и самобытность культуры, языка, традиций, т.е. имевшие все атрибуты, дававшие им право претендовать на независимость. Таким образом, подчеркивалась уникальность польского национально-го движения и исключалась возможность возникновения аналогичной ситуации у других народов Российской империи (Русская мысль 1881: 318–319).

Редакция «Русской мысли» предложила три гипотетических варианта решения польской проблемы: полная ассимиляция поляков, немедленное предоставление независимости Польше либо постепенная эволюция польско-русских отношений в направлении преодоления вековой вражды и создания благоприятных условий для развития Польши в составе Российского государства. Первый вариант был несбыточен в силу жизнеспособности, продемонстрированной польской нацией, и абсолютной фантастичности идеи выселения поляков за пределы России. Второй вариант был невыгоден России и губелен для Польши, которая неизбежно станет жертвой немецкой агрессии. Таким образом, читатели подводились к выводу о безальтернативности пребывания Польши в составе России, но при условии сохранения поляков как «этнографической единицы» (Русская мысль 1881: 321–322).

В результате автор статьи дезавуировал свои же утверждения о праве наций на государственное самоопределение. Поляки выступа-

ли народом, имевшим такое право, но реализация его сводилась к гарантии сохранения этнической самобытности в рамках чужого государства.

Особую позицию в данном вопросе занимал В.С. Соловьев. Польско-русские отношения, по мнению В.С. Соловьева, были заложниками извечного противостояния Востока и Запада. Показывая их историческую ретроспективу, философ старался опровергнуть мнение о только негативном влиянии России на судьбу Польши. Он указывал, что кроме участия России в несправедливом разделе польского государства было и стремление предотвратить исчезновение польской национальности. По крайней мере, именно таким образом интерпретировалось создание Царства Польского в составе Российской империи в 1815 году. Отрицая какие-либо корыстные побуждения в действиях Александра I, русский философ видел в них исключительное желание предотвратить онемечивание поляков, вырвав из-под немецкого влияния часть их земель. В результате они были опорой польской этничности, помогая сопротивлению ассимиляции поляков, живших в составе немецких государств (Соловьев 1914: 17–18).

Российской власти удалось решить сложнейший вопрос, который не смогла решить польская элита в период суверенности – социальный конфликт между панством и холопством. По мнению В.С. Соловьева, последнему были предоставлены гражданские и экономические свободы, что предотвратило раскол общества и обеспечило ее развитие не в «панской» или «хлопской», но в социально единой Польше. Не идеализируя русскую политику в Польше, публицист, отправляя к мнению «даже иностранных писателей», констатировал здесь «такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством» (Соловьев 1914: 18). Главным результатом пребывания Польши в составе Российской империи было сохранение ее «исторического тела».

Но поляки, уверен философ, предпочли бы немецкую ассимиляцию примирению с Россией. Он видел в этом проявление не межрелигиозных или межнациональных, а межцивилизационных противоречий. Поляки духовно принадлежали Западу, а поскольку «дух сильнее крови», их славянское происхождение не помогло преодо-

леть духовные различия с русскими. Отношения Польши и России, таким образом, были частью более глобальной проблемы отношений России и Европы, и алгоритм их налаживания В.С. Соловьев представлял совпадающим.

Только через действительное и внутреннее примирение с Западом, через «свободное соглашение с его духовными началами» Россия обретет новые перспективы. Точно так же и примирение с Польшей возможно исключительно на основе поиска духовного согласия, поскольку политический компромисс русский философ считал недостижимым. Даже абстрагируясь от готовности России предоставить Польше независимость, В.С. Соловьев указывал на фантастичность планов польской элиты по воссозданию Речи Посполитой. Кроме того, обретение Польшей независимости не устраняло германской угрозы, жертвой которой она пала бы неизбежно. Благом для Польши и для России он видел отречение от взаимной неприязни и духовное сближение на основе христианского универсализма (Соловьев 1914: 19–21).

В.С. Соловьев писал о безусловном сочувствии идее «самой полной» автономии Польши, реализация которой была бы выгодна и самой России. Он постоянно и весьма резко выступал против русификации Польши, называя ее «убийством братского народа» (Соловьев 1989: 238).

Но государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе не обязательной для сохранения и развития национальности (Соловьев 1989: 271). Более того, пример Польши показал, что народ, лишенный собственной национальной государственности, вполне способен выжить, и в нем В.С. Соловьев увидел развенчание принципа «национального эгоизма», т.е. безусловного требования своего государства для каждой национальности. Будущее единение человечества предполагало и иные политические формы единства. Поэтому философ откровенно заявлял о бесперспективности самостоятельных (т.е. национальных) государств, смело утверждая, что для их ликвидации в Европе хватило бы одной войны. Впрочем, политическая сторона национального вопроса, по его словам, В.С. Соловьева не интересовала, так как центр тяжести будущих перемен он связывал с этическими аспектами. Поляки, давно потеряв «ложное единство обособленного и эгоистического национального существова-

ния», стали прообразом существования наций в условиях будущего всеединства (272).

Поиск путей сближения русских и поляков был доминирующей темой либеральной публицистики. Сложность и неоднозначность русско-польских отношений порождали различные подходы к ее решению, проявлявшиеся даже в рамках одного издания.

Подход публициста «Вестника Европы» А.Н. Пыпина к польской проблеме основывался на необходимости признания поляков как состоявшейся народности, чья ассимиляция нереализуема. Если же в одном политическом образовании развиваются несколько уже сложившихся национальностей, замечал Пыпин, их сближение возможно только «на почве соединяющего их просвещения равноправности и свободы» иначе неизбежны конфликты (Пыпин 1877: 380). Поэтому только отказ от обрусения станет основой для прекращения враждебных отношений Польши и России (Пыпин 1878: 345).

А.Н. Пыпин был одним из наиболее последовательных критиков русификаторской политики, всегда решительно выступавшим в защиту польского языка, литературы, культуры. Но основной угрозой польской этничности он считал германизацию поляков, проживавших в Германии и Австрии. И дело было не в славянской солидарности, влиявшей на царское правительство, но в гораздо большей эффективности ассимиляционной политики, проводимой немецкими государствами (Пыпин 1880: 712–713).

Дискутируя с позицией Ю.Ф. Самарина, ратовавшего за реанимацию земских соборов или иного «русского представительства», но не видевшего пользы от участия в них поляков, А.Н. Пыпин отмечал полезность любых форм привлечения поляков к обсуждению насущных вопросов. Понятно, что речь велась о гипотетической ситуации, но для либерала было важнее всего делать шаги в сторону включенности Польши в общероссийские процессы. Для него печальнее всего отсутствие или крайняя ограниченность общественных институтов, где российская и польская общественность могли хотя бы обмениваться мнениями. В том числе и поэтому, считал либерал, спустя два столетия нахождения Польши в составе России, русская и польская общественность находились в состоянии открытой враждебности. А.Н. Пыпин соглашался с Ю.Ф. Самариним, что «польский вопрос не уменьшается в области политики» и примире-

ние Польши и России должно происходить во всех областях жизни общества (Пыпин 1880: 705–706).

Иную позицию демонстрировал сотрудник этого же журнала Л.А. Полонский, считавший жесткую политику по отношению к Польше оправданной и целесообразной. Он напоминал о предоставлении Александром I политических привилегий Царству Польскому, которых не имели даже собственно русские губернии. Но бескомпромиссность польской шляхты, не видевшей иной цели, кроме восстановления Речи Посполитой, заставила русское правительство свернуть автономию Польши: «События 1831 года уничтожили прежние обязательства» (Вестник Европы 1868: № 1 393). Ужесточение политики по отношению к Польше не отрезвило ее элиту, вновь выступившую против российского господства. Публицист выражал удовлетворение подавлением Польского восстания 1863 г., представляя его как выступление преимущественно польского дворянства. Поэтому главным средством успокоения Польши ему виделась изоляция традиционно сепаратистски настроенной польской шляхты от крестьянства, преимущественно «русского». Публицист приветствовал распространение аграрной реформы на Польшу, считая, что формирование зажиточного крестьянства приведет к созданию «среднего класса», который неизбежно станет противником любых потрясений и, следовательно, союзником русских властей (393). Пока же роль среднего класса выполняли евреи, проявившие себя во время восстания как лояльные подданные и союзники русских властей. Тем не менее публицист настаивал на необходимости увеличения прослойки «местного русского зажиточного крестьянства», за счет предоставления различных льгот. Это не означало необходимости каких-либо притеснений или ограничений для евреев. Более того, Л.А. Полонский предлагал распространить на евреев права других российских подданных и снять ограничения на расселение. Все меры должны исключать принуждение и основываться только на материальном стимулировании нужных процессов (397). Он подчеркивал необходимость интенсификации экономического развития Польши, строительства железных дорог, которые привяжут Польшу к России крепче любых запретительных мер (393–394).

Но одновременно публицист считал вполне адекватными действия русской администрации, последовательно уничтожавшей все

черты польской «особенности» в системе управления, суда. Абсолютная унификация системы государственного управления виделась ему лучшим средством искоренения сепаратизма: «Чем скорее будет снято с западного края исключительное его положение, тем скорее он будет поставлен в положение нормальное» (Вестник Европы 1868: № 1 394). Это, по мнению Л.А. Полонского, не противоречило необходимости ускорить реформу местного самоуправления, создания земских учреждений. Журналист был против ограничений национального языка, считая, что подобные меры не будут «действенными и примирительными» (394).

В статьях Л.А. Полонского 1868 г. еще заметно раздражение к полякам, не желавшим смириться с включением в состав Российского государства. Данные настроения можно признать следствием еще свежих эмоциональных переживаний по поводу восстания 1863 г. В них акцент делался на принудительные действия русского правительства по искоренению польской автономности, без ожидания позитивной реакции польского общества. В статьях 1877 г. настроения публициста заметно меняются. Он обращал внимание на подъем позитивных чувств в русском обществе в связи с поддержкой южно-славянского освободительного движения и надеялся, что это отразится на сдвиге отношения к полякам в сторону большего понимания и стремления к диалогу. Одновременно он наблюдал обнадеживавшие тенденции в польской прессе, сменившей откровенную враждебность ко всему русскому на более взвешенные оценки (Вестник Европы 1877: № 9 362). Л.А. Полонский призывал русскую общественность не торопиться с ожиданиями и не требовать от поляков немедленного отказа от былых заблуждений. Примером подобной позиции он назвал выступление Н.И. Костомарова в «Петербургских новостях», где присутствовали и традиционные обвинения в предательстве поляками общеславянского дела, обращение к истории, где поляки выступали врагами России и угнетателями малороссов. Н.И. Костомаров настаивал не только на осознании поляками ошибок в прошлом, но и на деятельном избавлении от них путем безоговорочного присоединения к общеславянской освободительной борьбе. Обращаясь к Н.И. Костомарову, публицист призывал отказаться от ожидания, что ненависть со стороны поляков вдруг сменится любовью, и оценивать перспективы межнациональных

отношений с позиции политического прагматизма. Возвращаясь к своей мысли о несовпадении этнической и государственной идентичности, он считал, что правильнее требовать от поляков «солидарности с русским государством», т.е. превращения их в «добрых русских граждан» и «чтобы политический патриотизм их был в России» (367–368). При этом поляки могли сохранять предпочтение своих национальных особенностей и даже традиционное высокомерие к русской культуре и обычаям (367).

Л.А. Полонский не разделял убеждения своего оппонента в невозможности примирения русских и поляков в современных условиях и отсылавшего решение данной задачи последующим поколениям. Он не был уверен в наличии у России достаточного потенциала для русификации Польши и полагал, что в соответствии с существующей тенденцией следует ожидать дальнейшей консолидации польского общества, притом, что ее средний класс будут составлять польские крестьяне, солидарные, скорее, с польской элитой, нежели с русскими властями (Вестник Европы 1877: № 9 365). Надежда на выветривание «шляхетского духа» в польской элите также не казалась ему обоснованной. Тем более, опыт прошлых восстаний показывал, что они опирались отнюдь не только на аристократию, а в восстании 1863 г. горожане и ремесленники были едва ли не самой активной группой (374).

Поэтому примирение польского и русского обществ необходимо начинать уже сейчас. И возможно оно будет только на основе компромисса между ними. Россия должна признать неудачу и бесперспективность планов русификации Польши, а русское общество должно было постепенно, но неуклонно изживать полонофобию, замешанную на вечной враждебности и подозрительности к полякам. Но и поляки должны отказаться не только от борьбы за независимость, но и смириться с утратой автономии времен Царства Польского. Они должны понять, что традиционная ставка на помощь Европы в обретении независимости от России, не принеся полякам ничего кроме разочарования, в условиях утраты Францией (которая, чаще всего морально, но поддерживала надежды Польши) былого веса в европейских делах, делает единственно возможным решение польской проблемы как внутренней российской (Вестник Европы 1877: № 9 376). Л.А. Полонский напоминал полякам, что после об-

разования Германской империи Россия оставалась единственным препятствием на пути полной германизации поляков. Поэтому они четко должны были представлять альтернативой русскому подданству немецкое господство. Если настоящее положение гарантировало сохранение польской национальности, то в последнем варианте утрата ее будет неизбежна (Вестник Европы 1877: № 11 376–377).

Российско-польские отношения в представлении российских либералов в 1860-е гг. зримо приобретают трехсторонний характер. Все чаще при обращении к этой теме акцентировалось внимание на судьбе русского населения западных и юго-западных областей империи. Тем более с началом формирования украинофильского движения малорусская национальная идентичность приобрела свою мифологию и идеологию, противопоставлявшуюся как польской, так и великорусской. Это заставило польских и русских интеллектуалов вносить коррективы в свои проекты относительно будущего данного региона. А.Н. Пыпин указывал, что полонизация Малороссии происходила через прямую экспансию польской шляхты в русские земли, но более всего посредством принятия западнорусской элитой католичества, польского языка, обычаев, культуры. Он не видел в данном явлении «предательства своего народа», а результат воздействия более развитой польской культуры, бывшей частью европейского культурного ареала, на «простую» русскую культуру (Пыпин 1886: 738–739). Таким образом, носителями русских традиций и языка остались крестьяне и городские низы. Естественно, по прошествии нескольких столетий господства поляки воспринимали Малороссию как область исторического доминирования польской культуры. Далее А.Н. Пыпин соглашался с мнением М.П. Драгоманова, что в сохранении польского культурного доминирования в западных русских землях и после их вхождения в состав России виновна, прежде всего, царская администрация, считавшая более выгодным не менять характер общественных отношений (756).

Между тем именно малорусская интеллигенция оказывала сильное сопротивление полонизации, не встречая помощи со стороны русской администрации. Воспитанная на польской культуре, она осознала свою особенность и поставила целью возрождение малорусской литературы уже вне польской традиции. Отмечая подобные явления, публицист предлагал рассмотреть обрусение Западного

края с точки зрения сохранения и развития малорусской и белорусской культуры, языка, видя в этом более эффективное средство борьбы с польским влиянием (Драгоманов 1872: 185). Будучи противником ограничений и запретов на использование польского языка в собственно польских землях, для Западного края он считал такую политику справедливой, но при условии альтернативного развития местных национальных языков. М.П. Драгоманов предлагал не просто закрывать польские учебные заведения, но перепрофилировать их для обучения на белорусском и малорусском языках. Государство должно было создать условия для самостоятельности русских общественных элементов, распространив на Западный край свободу прессы и самоуправление, уже реализованные в великорусских губерниях. Таким образом, польское влияние сократится до пределов этнических польских земель и перестанет быть проблемой: «Вопрос польский ввиду всего того становится совершенно ничтожным, теряет свои грозные проблемы, которые одни только и могли оправдывать чрезвычайные меры» (185–186).

Анализируя польскую литературу, посвященную малоросской тематике, А.Н. Пыпин показал, что в 1860–1870-е гг. происходит выделение нескольких направлений. Наряду с сохранением традиционной романтически-ностальгической тематики, неизбежно возвращавшейся к идее безусловности включения русских земель в состав «возродившейся Польши», появились первые прозрения как результат горького опыта восстания 1863 г. Некоторые польские эмигранты вынуждены были признать несовпадение интересов польского дворянства и украинского крестьянства и ставили вопрос о целесообразности распространения будущего восстания на земли с населением, равнодушным к идеям освободительной борьбы (Пыпин 1886: 314–315). Речь здесь не шла о признании за малорусским народом права самому решать свою судьбу или о сомнении в праве Польши на эти земли, но только о неспособности крестьянства к борьбе с царской тиранией.

Другое течение – холопоманы, наоборот, ставили целью привлечь на свою сторону крестьянство. Молодые польские дворяне впервые попытались увидеть в крестьянах не «бессловесное быдло», а личностей со своими интересами и целями, которые следовало учитывать при определении задач совместной борьбы. Они постави-

ли вопрос о необходимости развития русского языка, образования, заговорили о веротерпимости. Правда, течение это не встретило понимания у русских украинофилов и натолкнулось на откровенную враждебность других направлений польского движения (Пыпин 1886: 322–323). Но, как считал А.Н. Пыпин, оно положило начало самому интересному движению – польскому украинофильству, распространившемуся в австрийской Галиции. Состоявшее из этнических поляков, оно впервые признало малороссов как самостоятельную национальность, отличную от поляков и московитов. Именно малороссы являлись прямыми наследниками Киевской Руси, и воссоздание Украины-Руси (в составе Польши) поставит «неодолимую стену» между Европой и Москвией, присвоившей себе это имя (330).

Вне контекста польско-русских отношений украинский или, точнее, малорусский вопрос занимал в либеральной публицистике и литературе достаточно много места, но по остроте дискуссий и политической значимости уступал польскому или славянскому. Он, собственно, никогда не рассматривался как политический вопрос. Малороссия воспринималась как историческая часть общерусского пространства, и выход ее из состава российского государства рассматривался только в связи с абсолютно не воспринимаемыми всеерьез требованиями поляков о восстановлении Польши в границах 1772 г. Подозрения правительства и консерваторов по поводу сепаратизма украинофилов, т.е. украинской интеллигенции, либералами трактовались как не имевшие под собой реальной почвы. В результате обсуждения малорусских проблем сводились к разночтениям в генезисе малорусского и великорусского народов как частей русского народа. Второй дискуссионной проблемой был вопрос о перспективах малорусского языка и литературы.

В 1830–1840-х гг. в рамках «малороссийского ренессанса» активно печаталась литература на украинском языке, что, естественно, вызывало реакцию критиков. Кроме того, малорусская проблема становилась наиболее обсуждаемой в российской публицистике с точки зрения исторической ретроспективы и формата будущего существования. Следует отметить, что, будучи самостоятельной темой, малорусская история и культура часто рассматривались как один из аспектов общеславянского дискурса. Как справедливо отме-

чал А.Н. Пыпин, полемика В.Г. Белинского со славянофилами, бурная и острая, приводила к тому, что в отношении к малорусской литературе негативный посыл, адресуемый славянофилам, экстраполировался на малорусских писателей и поэтов (Пыпин 1908: 470).

В трактовке В.Г. Белинского малороссы и великороссы имели общие исторические корни, берущие начало в восточнославянских племенах. Историческая судьба разделила их в ходе процессов внутреннего развития – удельной раздробленности. Но большую роль сыграл внешний фактор – завоевание и воздействие чужеродных культур (польской на малороссов и татарской на великороссов) создали языковые и культурные отличия (Белинский 1955: 59).

Великороссы, будучи историческим народом, смогли реализовать свое субстанциальное начало и создали Московское государство, а затем Российскую империю. Малороссы в силу своей неисторичности остановились на стадии племени и не развивались в нацию. В.Г. Белинский, безусловно, симпатизировал героической борьбе запорожского казачества с крымскими ханами, Польшей, но полагал, что Украина не имела шансов и предпосылок для победы, создания самостоятельного государственного образования (Белинский 1955: 60).

В рецензии на «Историю Малороссии» Николая Маркеловича В.Г. Белинский четко и жестко отмечал, что «история Малороссии, конечно, история, но не такая, какую может быть история Англии или Франции» (Белинский 1955: 63). Малороссия не могла стать национальным государством не только под воздействием неблагоприятного геополитического расположения, но, прежде всего, в результате изначального отсутствия потенциала. В.Г. Белинский настаивал, что «историю Малороссии нельзя писать как историю несостоявшейся нации» (63). Он весьма едко описывал попытки украинофилов гиперболизировать значение Запорожской Сечи, придавая событиям эпохальность: «История ее не принадлежит к истории всемирно-исторической, круг ее тесен, политическое и государственное значение ее то же, что и в искусстве гротеск...» (Белинский 1954: 434).

Малороссия могла только стать частью государства, созданного другой нацией, и благодаря счастливой перемене внешних обстоятельств вошла в состав Российской империи (Белинский 1955: 63).

В.Г. Белинский трактовал это событие как безусловно позитивное для малороссов. Теперь они могли развиваться в русле великорусской культуры, приобщаясь, таким образом, к культуре мировой. Будущее малороссов в сближении с великороссами, что совпадает с мировой тенденцией усиления межнациональных связей и является залогом общего прогресса. Тем более что данный процесс активно шел через приобщение малоросской элиты к русскому языку, культуре, включение в общерусские политические процессы (64–65).

Исходя из этого, В.Г. Белинский весьма негативно относился к попыткам создания малоросской литературы как автономной от великорусской. Малорусский язык он считал пережитком удельного периода, сохранившимся только у низших слоев, простонародья. Он, безусловно, сохранял и олицетворял некий колорит Малороссии, но не годился для создания «высокой» литературы. Белинский писал, что как язык народных низов, язык местный – малоросское наречие – имеет право на сохранение, но попытка создать на его основе самостоятельную национальную литературу бесперспективна: «Теперь уже нет малоросского языка, есть областное малоросское наречие» (Белинский 1955: 177), годное только для создания псевдолитературных поделок. Это же В.Г. Белинский относит ко всей малоросской культуре, интересной провинциальностью, отражающей обычаи малоросского крестьянства. Особенно раздражали В.Г. Белинского попытки славянофилов заигрывать с малоросскими писателями, интеллигенцией. Любую апелляцию к «национальным традициям и корням» он отвергал, если усматривал попытку выделить народ как нечто особенное, противопоставляя общим тенденциям развития человечества. Поэтому В.Г. Белинский одинаково непримирим и к славянофильству (русофильству), и к украинофильству.

В этом плане весьма показательны отношение В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю и Т.Г. Шевченко. Н.В. Гоголь, малорусский по происхождению писатель, обрел величие именно в общерусской литературе: «Какая глубокая мысль в том факте, что Гоголь, страстно любя Малороссию, стал писать по-русски, а не по-малоросски» (Белинский 1955: 178). Фольклорный, малоросский колорит только оттенял величие Н.В. Гоголя как русского писателя, пробуждал интерес русской публики к малоросской истории и культуре. Отношение

В.Г. Белинского к Т.Г. Шевченко было неоднозначным и менялось со временем. Рецензии В.Г. Белинского на произведения Т.Г. Шевченко следует рассматривать в контексте полемики с журналом «Московит». В ранних статьях В.Г. Белинский полон симпатий к Т.Г. Шевченко. Воспринимая его стихи как образчик «народной» литературы, он отмечал талант поэта и благосклонно воспринимал использование малоросского языка (Белинский 1953: 171). Но затем в статьях В.Г. Белинского появляется раздражение от того, что Т.Г. Шевченко продолжал писать на малоросском языке (Белинский 1955: 172). Этот негатив, резкость выражений можно оправдать или объяснить острой полемикой со славянофильскими изданиями, показательно демонстрировавшими симпатию к малоросской самобытности. Но трактовка малоросской литературы как стремления протащить язык черни, низов в высшую литературу в рецензиях на творчество Т.Г. Шевченко устойчива и фундаментальна. Апофеозом данного сюжета являлось письмо В.Г. Белинского к П.В. Анненкову, где негатив к Т.Г. Шевченко достигает высшего накала (Белинский 1956: 436–442).

В советской литературе исследователи, стремясь сгладить резкость высказываний «великого русского демократа» в отношении «великого украинского поэта-революционера», объясняли содержание письма как результат провокации III отделения, распустившего слух о сепаратистских настроениях Т.Г. Шевченко и приписавшего ему идеи других членов «Кирилло-мефодьевского» общества (Белинский 1956: 571). Однако это не меняет полного неприятия В.Г. Белинским идеи о любой форме автономии Малороссии и невозможности для нее иного будущего, нежели в рамках Российской империи.

Проблема перспектив существования малоросского языка в связи с задачей формирования общерусского продолжала дискутироваться в либеральной прессе и в 1870–1880-е гг., но трактовка проблемы ощутимо меняется.

Рассматривая спор между «южанами» и «северянами», А.Н. Пыпин акцентировал внимание не на доказательстве правоты какой-либо точки зрения, а на исходном положении, принимавшемся сторонами дискуссии – наличии двух родственных, но самостоятельных, исторически сложившихся народов, т. е. малоросов и вели-

корусов (Пыпин 1886: 743–744). По мнению публициста, дискуссия носила преимущественно языковой характер и сводилась к поиску доказательств приоритетности одного из языков, с точки зрения близости к славянским истокам. Для него же такая постановка вопроса объяснялась не поиском научной истины, а лжепатриотизмом.

Рассуждения о преимуществе великорусского языка, который единственный мог стать общерусским литературным языком, базировались в большей степени на том, что великорусский язык являлся государственным, малорусский же сводился до уровня «провинциализма» (Пыпин 1886: 745).

А.Н. Пыпин считал принципиально важным рассматривать малорусский народ как самостоятельное этническое образование, со своей историей, культурой, литературой и языком. Поэтому любые вопросы, связанные с малорусской этничностью, должны были интерпретироваться аналогично подходам к великорусскому народу. Либеральный публицист указывал на распространенные в русской консервативной литературе двойные стандарты в отношении национальной проблематики. Выступая с апологетикой русской национальной идентичности, так называемые «народники» связывали ее только с великорусским народом. Любые попытки демонстрации национальных черт и особенностей представителями малорусской культуры и искусства воспринимались как явление не только ненужное, но и вредное. Недоумение А.Н. Пыпина вызывали раздражение и подозрительность к проявлениям малорусского патриотизма как любви к родному краю, «малой родине» (Пыпин 1888: 249–250).

Обращаясь к поэзии Т.Г. Шевченко, А.Н. Пыпин подчеркивал, что его поэзия была явлением не только в малорусской, но и во всей русской литературе. Его не устраивало снисходительное признание за малорусской литературой статуса местной, носящей преимущественно фольклорный характер и ориентированной на использование простонародной «низкой» речи. Критики малорусской литературы делали на этой основе вывод о ее бесперспективности и, следовательно, необходимости перехода малорусских писателей и поэтов на использование великорусского языка для включенности в общеевропейские литературные процессы (Пыпин 1888: 261–262).

Н.И. Костомаров писал об ограничениях, наложенных на использование малорусского языка в литературе, искусстве, образовании, церкви (Костомаров 1881: 402–403). Выражая понимание важности задачи формирования общерусского литературного языка, ученый не считал, что лучшим способом достижения этой цели будет запрещение использования других языков народов России. Подобные задачи реализуются на протяжении длительного времени, через развитие образования, культуры, но при обязательной добровольности приобщения к единому языку, а значит, сохранении возможности развития местных языков. Принудительные меры вызывают обратную реакцию среди малорусской интеллигенции, многие представители которой, ранее равнодушные к родному языку и истории, теперь обратились к их изучению. Крестьянство заметно охладело к церкви и зачастую проявляло враждебность к священнослужителям (405).

Комментируя статью Н.И. Костомарова, А.Н. Пыпин выражал полную солидарность с его выводами и указывал на еще один аспект. Малорусская народность проживала не только в пределах Российской империи, но и вне ее. Значительная малорусская диаспора была сконцентрирована в Австрийской Галиции и в Венгрии. В борьбе за сохранение национальной идентичности галицийские русины часто обращались к малорусской литературе и поэзии, рассматривая произведения малорусских авторов и как свое национальное достояние. Либерал считал, что возрождение галицийско-русинской народности в условиях мощного ассимиляторского давления немцев было бы невозможно «без той нравственно-национальной связи, которая продолжала соединять ее с единоплеменниками за русской границей». Поэтому ограничения, наложенные российским правительством на использование малорусского языка, произвели в Галиции «чрезвычайно тягостное впечатление» (Пыпин 1881: 407–408).

Публицист задавался вопросом, насколько русское правительство, «которое есть политический представитель своей национальности», осознавало вред, наносимый подобной политикой идее общерусского единства (Пыпин 1881: 410).

Н.И. Костомаров дискутирует с автором «Русского вестника» М.Ф. Де-Пуле, писавшим о бесперспективности развития малорус-

ского литературного языка, ставшего реликтом и сохранившегося только в произведениях Т.Г. Шевченко. Малорусский язык оставался достоянием крестьянства и городских низов. Эти два языка существовали в непересекавшихся сферах. Народное образование в России должно бы вестись исключительно на великорусском, как исходя из интересов государственного единства, так и малорусского народа, только таким образом имевшего возможность приобщаться к мировой культуре. Н.И. Костомаров утверждал, что малорусский продолжал оставаться родным языком для миллионов малороссиян (и крестьян, и интеллигенции) и в силу этого обладал огромным потенциалом для развития (Костомаров 1882: 435–436).

А.Н. Пыпин категорически возражает Де-Пуле, считавшему деятельность малорусских писателей «литературным расколом», попыткой насаждения искусственного языка, не имевшего народной, жизненной опоры (Пыпин 1882: 439). Особенно возмущали либерального публициста призывы к усилению административных ограничений на литературную деятельность украинофилов, которых Де-Пуле обвинял в пропаганде сепаратизма (441–442).

Таким образом, российские либералы, в целом, сочувственно относились к борьбе поляков за независимость, но восстановление польской государственности считали невозможным в силу внутри- и внешнеполитической ситуации. Поэтому они выступали за создание условий взаимной адаптации России и Польши в рамках единого государства. Либералы резко негативно относились к русификаторской политике русского правительства, считая ее одинаково вредной для Польши и России. Условием сближения и развития двух народов им виделась уважение национальных основ, сохранение языка, культуры и включение в общие процессы экономической модернизации, развитие самоуправления.

Малорусская проблема первоначально являлась составным элементом польско-русских отношений. В либеральной публицистике проблема обрусения Западного и Юго-Западного края так же, как в славянофильской, виделась как противостояние с полонизмом. Но либералы не считали правильным производить простую замену польского языка и культуры великорусской. Среди них зреет понимание в самодостаточности малорусской этничности, которую рассматривали как равнозначную великорусской ветвь общерусского

народа. При этом русские либералы не готовы были говорить о какой-либо политической автономии Малороссии.

Интерес русских социалистов к «польскому вопросу» был значительным. Это особенно заметно в трактовке М.А. Бакуниным русско-польских отношений. Социалист показывал понимание причин ненависти поляков к России, он, очевидно, испытывал стыд и раскаяние за солидарную вину всех русских как нации. Но М.А. Бакунин полагал, что наличие общего врага сможет объединить поляков и русских в борьбе против самодержавия. Апеллируя к истории декабристов, он подчеркивал, что уже тогда были заложены основы сотрудничества революционеров Польши и России (Бакунин 1920: 39–40). М.А. Бакунин, как показали последующие события, явно преувеличил влияние на поляков идей общеславянской солидарности и сближения с Россией. Между тем исследования взглядов польских революционеров обнаруживают преобладание самоидентификации поляков как европейцев, в противовес азиатской России. Европейская идентичность доминировала над славянской. Считая себя жителями фронта, поляки проводили вражескую границу не на западе, а на востоке. Будучи убежденными в своей исторической роли форпоста Европы перед лицом азиатской (т.е. российской) угрозы, представители значительной части польской элиты, скорее, были готовы к сотрудничеству с Германией (Борисенок 2001: 86). Поэтому утверждение социалиста, что ненависть к немцам примирит польскую шляхту даже с самодержавной Россией, было заблуждением, породившим ошибки в дальнейших планах сотрудничества революционных движений Польши и России (Бакунин 1935: 81). Эти ошибки в оценках перспектив славянского революционного союза обычно трактуются как повод к представлению взглядов М.А. Бакунина далекими от реальности (Борисенок 2001: 115).

Но важными представляются верность М.А. Бакунина принципам права народов на свободу, непримиримость к национальному угнетению и идея сотрудничества народов, продемонстрированные в его проектах славянской федерации (Бакунин 1920: 66). Вероятно, можно упрекнуть Бакунина в недооценке стремления славян, как и других народов Европы, к образованию национальных государств. То, что многие славянские народы пребывали длительное время в составе многонациональных империй, вряд ли способствовало же-

ланию войти в новое многонациональное образование, пусть и построенное на иных основах.

Решение национального вопроса М.А. Бакунин считал невозможным без решения социального. Только национальные лозунги не смогут привлечь народ, поднять его на борьбу. Именно социальная борьба может объединить русских, поляков, украинцев в революционный союз. Он полагал, что народ (холопов) больше интересуется решением земельного вопроса, нежели абстрактные национальные лозунги (Бакунин 1862: 1027). Вообще революционер удивительно легко манипулировал соотношением понятий национальное – социальное. Не отрицая значимости национальных проблем и декларируя важность их разрешения, М.А. Бакунин фактически каждый раз уводил внимание читателя в область социальной борьбы. Сама формула революции в трактовке социалиста (как и А.И. Герцена) выглядела весьма неоднозначно. Идея необходимости союза Польши и России в революции приводила к объединению задач национально-освободительного движения Польши и социального в России. Со вторым было понятно – русские революционеры должны были принять идею независимости Польши. Но гораздо сложнее была задача дополнить националистические цели поляков социальными. В этом состояла основная проблема, так как во главе национально-освободительного движения стояли аристократы, не желавшие «хлопской Польши». Они допускали социальную революцию, но только в России – чтобы, воспользовавшись смутой, добиться независимости (Бакунин 1906: 234).

А.И. Герцен также требовал от русских революционеров твердого осознания того, что без освобождения Польши невозможна свобода русского народа: «Те из русских, кто не понимает, что независимость Польши есть в то же время освобождение России, – не революционеры, не свободомыслящие, – они не с нами» (Герцен 1957: 213). Точно так же он настаивал, что Польша сможет обрести свободу только благодаря революции в России. В 1840–1850-е гг. А.И. Герцен не исключал «непатриотичного», но, по его мнению, справедливого сценария отделения Польши в результате давления извне (Герцен 1957: 138–139). Однако уже накануне Польского восстания 1863 г. он предупреждал поляков о том, что не следует полагаться на сколько-либо серьезную и реальную помощь Европы. Ан-

глия и Франция ограничатся различными формами общественного порицания русской агрессии, возможны показательные протесты правительств. Но это не сможет помешать самодержавию. Пруссия и Австрия, связанные с Российской империей «круговой порукой» угнетения славянских народов, продемонстрируют солидарность не только на словах (Герцен 1959: 201–205). Поэтому надежды Польше следует возлагать только на изменение ситуации в России. Реформы Александра II на короткое время создали у публициста иллюзию решения вопроса самим царем, но события 1863 г. вновь вернули его к идее безальтернативности революции (Герцен 1959: 302–303).

Согласившись с требованиями поляков о национальной независимости, А.И. Герцен желал, чтобы они осознали важность его дополнения социальной программой, в том числе и для объединения всех антиимперских сил: «Борьба за независимость всегда вызывает горячее сочувствие, но она не может быть своим делом для чужих. Только те интересы принадлежат всем, которые по сущности своей не национальны» (Герцен 1957: 128–129).

История польско-русских революционных связей показала, что наличие общего врага не означало совпадения целей национально-освободительной и социальной борьбы. Прежде всего (и А.И. Герцен это осознавал), между русскими и поляками существовали вражда и недоверие. Социалист старался развести понятия Российская империя и русский народ, разрушить стереотип русских как рабов, покорных воле царя, инструмента агрессии против других народов. Апеллируя к истории русского революционного движения, он доказывал, что передовая часть русского общества осознала неизбежность и важность освобождения Польши (Герцен 1957: 90–92).

А.И. Герцен с надеждой реагировал на все случаи неповиновения русских солдат приказам о расстреле мирных жителей (Герцен 1958: 48). Переход русских офицеров на сторону восставших поляков он требовал трактовать не как нарушение присяги, а как проявление гражданского мужества и истинного патриотизма (Герцен 1959: 121–123). Но публицист не мог не видеть, что подобные случаи были достаточно немногочисленными и не отражали настроения в русском обществе. Более того, многие либералы и славянофилы, выступавшие за известную автономию Польши, во время событий

1863 г. выказывали дружную поддержку правительству и одобрили жесткое подавление польских повстанцев (Герцен 1959: 210).

Это, естественно, усилило отчуждение между русскими и поляками. Но А.И. Герцен, обличая соглашательство русской интеллигенции, продолжал настаивать на «двух Россиях» и резко реагировал на несправедливость общественного мнения Европы (и поляков), возлагавшего солидарную вину и на русских в целом (Герцен 1959: 311).

Несмотря на то, что в русском революционном движении необходимость освобождения Польши сомнений не вызывала, установление связей с польскими инсургентами было затруднено. Вину за это А.И. Герцен в значительной мере возлагал на поляков. Неприязнь участников польского освободительного движения к России и русским носила всеобщий и устойчивый характер. Аристократическое крыло изначально отвергало возможность союза с русскими революционерами, не видя разницы между ними и консервативным русским обществом (Герцен 1959: 243–244).

Поэтому столь искренней была радость А.И. Герцена, когда в 1862 г. наметился если не союз, то понимание между польской и русской революционной эмиграцией, в результате признания Варшавским ЦК необходимости решения земельного вопроса и право Литвы и Украины на самоопределение после освобождения Польши. Однако разногласия не были устранены. Социалист интерпретировал их как расхождения в системе приоритетов. Поляки делали акцент на первичности обретения независимости, как условия решения остальных задач. А.И. Герцен и его сторонники настаивали на одновременном решении национальных и социальных проблем (Герцен 1957: 370–371). По его мнению, русские и польские революционеры мыслили в разных исторических плоскостях: «Они ищут воскрешения мертвых, мы хотим скорее схоронить своих» (367).

Таким образом, возникло сомнение в дееспособности самой формы объединения социальных целей одного народа с национально-освободительными другого, по крайней мере, в русско-польском варианте. А.И. Герцен косвенно признавал это, позже вспоминая о событиях 1862–1863 гг.: «Договориться до одинакового понимания было невозможно. Мы шли с разных точек, и пути наши пересекались в общей ненависти к Петербургскому самовластию. Идеал по-

ляков был за ними, они шли к своему прошедшему – насильственно срезанному и только оттуда могли продолжать свой путь» (Герцен 1957: 366).

М.А. Бакунин начало Польского восстания 1863 г. воспринял с энтузиазмом, увидев в нем столь ожидаемую им революцию. Социалист искренне поддержал освободительную борьбу поляков и стремился к установлению связей и союза с ними. Но союз был не безусловным. Исходя из своей формулы совмещения национальной и социальной борьбы, М.А. Бакунин выступал за включение поляками в свою программу социальных требований. Это, по его мнению, должно было создать ситуацию единства против общего врага – самодержавия и привлечь на сторону поляков крестьянство, причем не только польское, но и белорусское, украинское, а при распространении революции на восток и русское (Бакунин 1906: 234).

Здесь обозначились существенные расхождения в позициях М.А. Бакунина и А.И. Герцена. М.А. Бакунин считал, что Россия готова к революции и Польша выступит ее детонатором (Бакунин 1906: 243). А.И. Герцен воспринял выступление как преждевременное. Россия не была готова к серьезным выступлениям ни с точки зрения консолидации революционных сил, ни с точки зрения восприятия российским обществом борьбы поляков как борьбы и за свои интересы (Герцен 1957: 370–371).

Соответственно, А.И. Герцен и М.А. Бакунин по-разному видели тактику действий русского революционного движения. А.И. Герцен не считал возможным оказать реальную помощь полякам (Герцен 1957: 370–371). Бакунин полагал, что в России достаточно сил, чтобы это сделать (Бакунин 1906: 247–248). В научной литературе сложилось консолидированное мнение, что М.А. Бакунин позволил увлечь себя эмоциям и выдавал желаемое за действительное. Этому свидетельствует его безоглядное стремление участвовать в революционных событиях (Стеклов 1927: 220–223, Полонский 1926: 170–172). Следует отметить, что эйфория скорой победы охватила не только М.А. Бакунина, но контраст с более взвешенной и трезвой оценкой А.И. Герцена очевиден (Бакунин 1906: 245). М.А. Бакунин, всегда скептически относившийся к возможности и желанию европейских правительств повлиять на реакционное царское правительство, зимой 1863–1864 гг. выражал надежду на освобождение

Польша под давлением европейских стран. Более того, он желал, чтобы Европа объединялась в войне против России для спасения Польши (Бакунин 1906: 243, 258).

В любом случае, не отрицая ошибки М.А. Бакунина в оценке ситуации, связанной с польским восстанием, следует отметить, безусловно, искреннее его стремление помочь освободительной борьбе поляков. Тем более что пришлось преодолевать скепсис и непонимание даже сподвижников и друзей.

А.И. Герцен при всем сочувствии полякам, четко обговаривал возможность сотрудничества на условиях расширения социальной части программы (Герцен 1957: 370–371). М.А. Бакунин, солидаризируясь с ним, считал, что сотрудничать надо в любом случае, так как сама борьба приведет поляков к необходимости решения социальных задач. В то же время отношение М.А. Бакунина к польским борцам было достаточно критичным, и в ходе контактов с представителями польского ЦК он понимал, что сближение позиций было минимальным (Бакунин 1906: 234).

Не следует сводить противостояние между польским освободительным движением и русскими социалистами к разночтениям в целях борьбы. Несмотря на некоторую вторичность собственно национальных задач, А.И. Герцен и М.А. Бакунин достаточно четко обозначили, что Польское и Русское государства после революции будут иметь собственные национальные интересы.

Много проблем и споров возникало по поводу будущего национально-государственного устройства России и Польши. Определяя первым шагом безусловное обретение Польшей независимости, А.И. Герцен подчеркивал важность для России сохранения союзнических отношений с Польшей (Герцен 1958: 18–19). Помешать этому могли территориальные претензии. Поляки настаивали на восстановлении границ между Россией и Польшей, существовавших до 1772 г. В наиболее радикальном варианте, вызвавшем энтузиазм Герцена, Центральный комитет, провозглашая позицию радикального (красного) крыла, соглашался на самую широкую автономию литовских, украинских земель, но в составе Польши, либо независимость, но полученную из рук Польши, а не России, т.е. после признания государственных границ (Колокол 1862: № 146 1205–1206). Социалист не одобрял, но пытался понять жесткий настрой поляков

в вопросе о границах и в письме к русским офицерам признавал право Польши на то, чтобы стать центром федерации, включавшей Литву и Украину (Герцен 1957: 202). Но признание права не означало согласия на подобный вариант как единственный.

Сам А.И. Герцен считал, что критерием установления границ не может служить «историческое право», которое оправдывало завоевания и утверждало право «сильного» на определенный момент государства. Он призывал не уподобляться творцам европейской политической карты периода Венского конгресса и не игнорировать волю народов. Необходимо было не только провозгласить право народов на самоопределение, но и способствовать возможности принятия действительно самостоятельных решений (Герцен 1958: 22–23).

Это касалось, прежде всего, украинского народа. А.И. Герцен был далек от деления народов по сортам. Он считал украинцев самостоятельным субъектом истории, народом с богатейшей культурой, очевидной национальной самоидентификацией и призывал предоставить украинцам право выбора своего будущего: в союзе с Польшей, Россией либо в любом ином варианте (Герцен 1958: 21–22). Публицист был противником русификации Украины, но равно выступал и против ее колонизации (Герцен 1958: 209).

Стараясь не отойти от принципа самоопределения, А.И. Герцен неоднократно подчеркивал духовную, религиозную, социальную близость Украины и России, возможность и желательность сохранения государственного единства (конечно, на федеральной основе). Если же Украина останется с Россией, то граница с Польшей будет определяться по конфессиональному признаку либо по особенностям общественного строя (Герцен 1958: 21–22).

Публицист выделял важность вхождения Польши в славянскую федерацию, предсказывая, что она вместе с Россией составит ядро будущего союза. Но он понимал, что два доминировавших в политической, культурной жизни восточнославянских народа будут конкурентами в борьбе за лидерство в будущей славянской федерации. А.И. Герцен полагал (и надеялся), что в новых условиях, когда поводов для вражды не будет, соперничество перейдет в сферу соревнования вариантов социального развития, т.е. более успешный вариант (польский или русский) будет притягивать другие народы (Герцен 1958: 2–23).

Подобную перспективу соперничества России и Польши в послеимперский период можно воспринимать как экстраполяцию прошлых конфликтов на будущее. Но скорее речь следует вести о понимании существования двух самостоятельных национальных проектов, достаточно трудно совместимых. Именно поэтому А.И. Герцен допускал возможность создания двух славянских федераций. Инициаторами этой идеи были поляки, которые, взяв на вооружение теорию о неславянской (а финско-тюркской) основе русского народа и евразийской ориентации русского государства, поставили под сомнение само участие России в славянском объединении. Таким образом, единственным центром его становилась Польша (Герцен 1958: 39).

Не оспаривая самой идеи, социалист указал, что у России и в таком варианте будет достаточно потенциала для успешного развития. Но он сомневался в интеграционном потенциале Польши, завязшей в католичество, воспринявшей европейские черты в социальной организации и потому не имевшей столь явных социалистических перспектив, как Россия. Поэтому восточные славяне скорее будут ориентированы именно на Россию. Кроме того, А.И. Герцен напоминал о внешней угрозе. Германия – извечный враг славян, и без мощи России славянская федерация может стать объектом агрессии (Герцен 1958: 41).

М.А. Бакунин также считал, что польско-русские отношения напрямую затрагивают интересы множества народов: Литвы, Белоруссии, Украины. Ни поляки, ни русские не вправе решать за эти народы, в каком государстве им жить далее. М.А. Бакунин полагал единственно правильным и справедливым выходом из ситуации – предоставление самим народам права определять свое будущее. Но, постулируя право народов на самоопределение, М.А. Бакунин не рассматривал варианта создания на пространстве Российской империи множества национальных государств и акцентировал внимание на идее славянской федерации (Бакунин 1862: 1026–1027).

Социалист был убежден в лидерском потенциале Польши и России и именно в их конкуренции видел нюансы будущего федеративного устройства. Но и Россия, и Польша должны многое изменить в себе, чтобы реализовать свой потенциал.

М.А. Бакунин понимал, что за предыдущие столетия между поляками и русскими накопились взаимное недоверие и вражда. Он представлял несовпадение «национальных проектов» Польши и России, считавших Украину, Белоруссию, Литву своими территориями. Но решение проблемы Бакунин предлагал через конкуренцию в социальной сфере «программ» Польши и России. Именно реализация прав и свобод для народа, справедливое решение земельного вопроса сделают русское или польское государство центром притяжения славянских народов (Бакунин 1862: 1026).

Варианты возможных территориальных изменений М.А. Бакунин рисовал весьма размашисто. Так, нежелание России проводить социальные преобразования, неспособность к революции и, наоборот, успех революции в Польше вполне способны отбросить Россию за Урал, в результате утраты всех западных провинций. С другой стороны, социалист не верил, что у поляков «сработают» националистические лозунги, и не считал возможным восстановление «старой Речи Посполитой», отмечая подобные опасения «русских патриотов» (Бакунин 1862: 1027).

Несмотря на непонимание, а зачастую откровенную вражду представителей польской эмиграции, участников освободительного движения, А.И. Герцен оставался верен идее Русско-Польского союза. После 1863 г., когда в Польше и России преобладали взаимная вражда и недоверие, А.И. Герцен писал, что славянская федерация по-прежнему остается актуальной задачей. Подобный вывод Герцен обосновал тем, что события 1863 г. не прошли бесследно для Польши. По существу он констатировал окончание «шляхетского» этапа польского освободительного движения. А.И. Герцен, еще раз подчеркнув свое глубокое уважение к польским борцам за свободу, сделал вывод об исторической бесперспективности их идей и деяний. Польское дворянство было передовым отрядом «старой» Европы, его идеалы основывались на ценностях ушедших эпох: католицизм, рыцарская часть: «С Польшей, ратующей за независимость и католицизм, с Польшей рыцарской и набожной, демократической и революционной, побито чем-то другим революционное войско западной цивилизации, ее почетная гвардия» (Герцен 1958: 302). И то, что польские повстанцы больше надеялись на поддержку Запада, чем на союз с революционной Россией, тому подтверждение.

А.И. Герцен констатировал поражение польского восстания как печальный, но закономерный итог, закрывающий целую эпоху освободительного движения, но одновременно начинающий новую. Он выражал надежду, что процесс смены поколений в польском освободительном движении приведет к пониманию важности социальных задач. В целом, тональность статьи и ее контекст оставляют впечатление, что это панегирик не только шляхетству, но и Польше вообще. Заявление о том, что «русское крестьянское море» вышло на границы с Германией и столкновение двух миров неизбежно, носит апокалиптический оттенок. Публицист предвидел два возможных варианта будущего. Либо Запад обновится и «побьет русскую империю», либо социальный переворот в России откроет новую эпоху (Герцен 1958: 310–311).

Русско-польские отношения народники рассматривали как частную (хотя и важную) проблему в деле глобального освобождения славянских народов. Все славянские народы, в том числе русский, испытывали имперский гнет, национальный или социальный. Освобождение возможно через всеобщую революцию. Поэтому польское национально-освободительное движение – естественный союзник русских революционеров-социалистов. Идея национального освобождения Польши бесспорна, но должна дополняться социальными требованиями. Но если М.А. Бакунин предполагал полное уничтожение имперской государственности и создание федерации «снизу» путем добровольного объединения наций, то А.И. Герцен допускал сохранение российского многонационального государства с переходом от унитаризма к федеративным отношениям. При этом обретение Польшей суверенитета и исключительно добровольное присоединение к России виделись идеологам народничества как безусловное и обязательное условие. По существу в рамках русско-польских отношений рассматривался украинский вопрос (также и белорусский). Первоначальный интерес к малорусской тематике возник в ходе обсуждения будущих границ между Русским и Польским государствами после падения Российской империи. К чести русских социалистов, они настаивали на необходимости предоставить украинскому народу право самому определять формат своего государства и отношений с соседями. Они исходили из того, что украинцы сформировались как самостоятельная национальность и

ее интересы равнозначны интересам русских и поляков. В работах А.И. Герцена особенно заметно нежелание поступаться, даже в гипотетических планах будущего устройства послереволюционной Восточной Европы, чьими-либо национальными интересами ради укрепления польско-русских революционных связей.

Существенно отличную позицию занимал Н.Г. Чернышевский. Он обращал внимание на запутанность межнациональных отношений в Юго-Западном регионе России, в которых выделял русино-польские, русино-малоросские, малоросско-польские проблемы. Подход Н.Г. Чернышевского к ним нельзя назвать равнозначным. Он, безусловно, полон симпатии к малоросскому народу, привлекательные черты которого подчеркивал: «А если есть племена, могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы – одно из племен наиболее симпатичных. Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи – все соединяется в этом народе, чтобы очаровать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии» (Чернышевский 1951: 427). Особо отмечается толерантность малороссов: «Их патриотизм чист от помысла о порабощении других: они желают лишь того, чтобы им самим было легче жить на вольном свете: никакое другое племя не хотят они подчинить себе или обижать» (427). Поэтому вызывает недоумение стремление русинской интеллигенции обособиться, тогда как для него очевидно, что русины – это «галицийские малороссы». В этой связи нелепыми в глазах публициста выглядят потуги русин использовать в газете русинский диалект, который он называет «ломаным языком», в то время как уже есть литературный малоросский. То есть Н.Г. Чернышевский признавал этническую и культурную самостоятельность малороссов, но отказывал в ней русинам, на том основании, что литературный малоросский является родным для 15 миллионов человек, а «одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство» (Чернышевский 1951: 441).

Здесь очевидна интерпретация гегелевской идеи о народах исторических и не исторических. Численность народа в немалой степени определяет его исторический потенциал, и тем самым Н.Г. Чернышевский отказывает малым народам если не в праве, то в возможности самостоятельного развития: «Эти маленькие части больших народностей что-нибудь значат в чем бы то ни было – в литературе ли, в политической ли жизни – только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа» (Чернышевский 1951: 441).

Не признавая русин самостоятельным этносом, публицист трактует противоречия в Галиции как малоросско-польские. Он видит в этом конфликте локальное проявление общих для данного региона межнациональных проблем, на которые налагаются еще и межимперские противоречия. Н.Г. Чернышевский изначально и весьма категорически отменяет обвинения поляков в национальной дискриминации и отказывается видеть в русино-польском конфликте национальный аспект. В действиях русинской интеллигенции ему видится рецидив старой исторической обиды, к современному положению не имевшей никакого отношения. Для убедительности публицист проводит аналогию с отношениями русских и татар, строящимися на сегодняшних реалиях, а не на воспоминаниях об эпохе татарского ига (Чернышевский 1951: 430–431). Поэтому доводы авторов «Слова» не опровергаются аргументами, а просто высмеиваются. Публицист делает акцент на политической незрелости галицийской интеллигенции и сравнивает ее отношение к полякам с поведением обиженного ребенка. Он явно недооценивает или просто игнорирует глубину недоверия, питаемого малороссами к полякам (443). Особенно это очевидно, когда речь заходит о том, что в Галиции национальная дискриминация дополняется конфессиональной. Апелляция русинов к православным священнослужителям как защитникам национальной идентичности вызывает у социалиста заметное раздражение. Он указывает на недопустимость вмешательства иерархов церкви в отношения между народами, предлагая католической и православной церквям самим решать межконфессиональные споры, не вмешивая в них население и не нагнетая напряженность. И здесь же Н.Г. Чернышевский, оправдывая притеснение православной церкви со стороны властей ее вмешательством в мир-

ские дела, достаточно цинично предлагает ее иерархам самоустраниться от попыток защиты православного населения, дабы избежать дальнейших репрессий (437–438).

Более того, бессмысленная, по мнению Н.Г. Чернышевского, межнациональная рознь используется властями Австро-Венгрии как важнейший инструмент сохранения империи. Неприязнь к полякам привела русинов к выводу о более комфортном пребывании в составе Австро-Венгрии, по сравнению с 400-летним польским гнетом, что равнозначно согласию на лояльность империи и соответствует целям политики Меттерниха. В результате, сосредоточиваясь на исторических обидах, русины не замечают реальных угроз, исходящих от политики онемечивания, проводимой имперской властью (Чернышевский 1951: 431).

Но главная ошибка лидеров русинов состояла, по мнению Н.Г. Чернышевского, в том, что, ослепленные ненавистью к полякам, они не видели истинных корней проблем Галиции, лежавших не в сфере межнациональных отношений, а в сфере социальной: «В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие простолюдинов к полякам – просто недоверие к помещикам» (Чернышевский 1951: 427). Однако далее идея о противоречиях между панамиполяками и малороссами-крестьянами дезавуируется заявлением о многочисленности панов-малороссов. Таким образом, межнациональная вражда малороссов к полякам уступает место социальному конфликту между дворянством и крестьянством, так как между крестьянином-поляком и крестьянином-малороссом нет причин для ненависти. И наоборот, помещик-поляк и помещик-малоросс одинаково угнетают и поляка, и малоросса: «Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна: насколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно настолько

же и для другого» (427). Очевидно, что в подцензурном издании социалист не мог указать на революцию как универсальное средство решения галицийской проблемы, но он четко указывал, что общество антагонистически расколото отнюдь не по национальному, но по классовому принципу.

Именно в работах Н.Г. Чернышевского впервые ясно и однозначно определился безусловный приоритет социальной борьбы. Национально-освободительное движение объявлялось реакционным и не имевшим смысла в новых исторических условиях. На практике это приводило к предложению украинскому народу отказаться от национально-освободительной борьбы в угоду общих классовых интересов и целей с польскими трудящимися.

Весьма любопытно выглядит окончание статьи, где социалист подчеркивал актуальность указанных противоречий только для малорусов, проживающих в Австро-Венгрии: «Судьба остальной части малорусского племени устроена и обеспечена так превосходно, что об этой остальной части нам нечего заботиться, да и сама она не чувствует нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко. Вероятно, мы не ошибемся, предположив, что даже по мнению львовского “Слова”, столь преданного законной австрийской власти над Галициею, галицийские русины должны завидовать счастью своих одноплеменников-малороссов, пользующихся ныне свободою под нашею властью» (Чернышевский 1951: 450). Даже рассматривая данный пассаж как необходимый в подцензурной прессе реверанс в сторону власти, он выглядит очевидно апологетично по отношению к Российской империи и, скорее, подходит какому-нибудь консервативному славянофилу, стремящему показать Россию защитником угнетенного славянства.

Неприятие П.Л. Лавровым самостоятельного значения национально-освободительного движения привело его к отказу от культивировавшейся русскими социалистами в 1840–1860-х гг. идеи о том, что борьба народов Российской империи и поляков, прежде всего, может стать катализатором русской революции. Теперь он видел источником национального освобождения социальную революцию,

но никогда – наоборот: «Точно так же потеря Польши русским правительством (народ русский никогда не владел Польшею и никогда владеть ею не будет) вовсе не обусловила бы социальной революции в России, если бы потребность ее не лежала гораздо глубже. Она может вспыхнуть, когда войска русского императора будут в Польше, уничтожит, конечно, господство императора там, как везде, но это будет лишь проявление социальной революции, а источником ее быть не может» (Лавров 1934: 377).

Квинтэссенцией взглядов П.Л. Лаврова на польский вопрос можно считать его обращение к польским социалистам в августе 1883 г. от имени редакции журнала «Вестник "Народной воли"». Здесь со всей очевидностью предстает вся противоречивость его подхода к национально-освободительному движению поляков. Очевидно желая сотрудничества с поляками, Лавров старался избегать резких определений. Он заявляет, что русские социалисты в рамках общедемократических требований свободы слова и прессы обеспечивают развитие национальных языков. Лавров декларирует поддержку права наций на единство и обособление, но поясняет, что эта цель не является приоритетной. Такие же права имеет любая социальная группа. Но дальнейшие рассуждения П.Л. Лаврова практически сводят на нет данную декларацию.

По его мнению, в условиях классового общества нация «не составляет целого, а распадается всегда и всюду на совершенно отдельные слои, из которых каждый имеет прямо противные и враждебные друг другу интересы». Поэтому для русских социалистов не существует интересов нации в целом, «...мы в каждом народе защищаем интересы только той части, которая, по нашему определению, действительный народ, и не обращаемся ни к какому народу как к целому» (цит. по: Жигунов 1971: 354–355). В данном контексте весьма существенной выглядит конкретизация идеи о праве наций на самоопределение. В интерпретации П.Л. Лаврова субъектом его становится не нация, а народ (т.е. только трудящиеся слои). В результате идея независимости Польши приобретает социальную детерминированность: «...мы признаем права Польши по причинам не племенным или историческим, но потому, что народ польский желает сохранить свою народную и политическую независимость. Важен для нас единственно факт воли польского народа – только на

его основании мы признаем исторически-народные права Польши» (355). Данная формула позволяла дифференцировать польское освободительное движение, выделив в нем «реакционный национализм», который под видом освобождения и развития нации притесняет истинный народ, что, к сожалению, всегда бывает между националистами» (355).

В советской исторической литературе достаточно полно исследована история взаимоотношений П.Л. Лаврова с польским освободительным движением, прежде всего социалистическим направлением (Снытко 1969: 125–130; Жигунов 1971: 331–362). При всем стремлении показать единство целей российских и польских социалистов авторы вынуждены были признавать наличие существенных расхождений именно в оценке национального вопроса. Раскрывая содержание разногласий между П.Л. Лавровым и поляками, акцент, как правило, делался на том, что польские социалистические организации не смогли преодолеть русофобию и в русских социалистах они видели прежде всего представителей нации-угнетательницы и только потом единомышленников.

Но свой вклад в противоречия внесла и пропагандируемая П.Л. Лавровым идея о вторичности национальной борьбы по отношению к социальной, в итоге «призывы П. Л. Лаврова к объединению всех революционных сил на борьбу за ликвидацию социального и национального гнета, тем более объединения на принципах I Интернационала, не встречали понимания и сочувствия среди лидеров ППС. Их, скорее, отталкивали от Лаврова его заявления о том, что для социалистов «границы государств и наций не существуют [...], когда речь идет о братстве всех польских социалистов перед лицом общего врага для всех стран» (Жигунов 1971: 358). Вопрос о степени влияния П.Л. Лаврова на польское социалистическое движение, его продолжительности и формах, в которых это влияние проявлялось, раскрывается историками неоднозначно (Снытко 1969: 125–130; Жигунов 1971: 331–362). Современник П.Л. Лаврова С.М. Степняк-Кравчинский считал, что польские социалисты испытали влияние П.Л. Лаврова лишь в период зарождения и первых шагов польского социалистического движения и «отказались от лавризма» уже в конце 1878 – начале 1879 г. (цит. по: Жигунов 1971: 354).

Следует отметить, что интерес русских социалистов к Польше определялся степенью активности ее освободительного движения. Социалисты 1840–1850-х гг. рассматривали национально-освободительную борьбу славянских народов как силу, способную потрясти государственные устои Европы того времени. На волне освободительных революций они рассчитывали решить задачи и социального обновления путем радикализации национальных движений и внесения в них социально-политических целей. Поэтому в целом отношение русских социалистов к польскому освободительному движению было позитивным. В Европе данный период характеризовался крайней нестабильностью: социальная борьба, как и национальные движения, были на подъеме. Все это вызывало энтузиазм у русских революционеров, не ограничивавшихся в своих социалистических устремлениях только Российской империей.

Наиболее глобально скорые социальные катаклизмы рисует М.А. Бакунин, который ожидал в ближайшем будущем гибели в пламени революций не только российской, но и всех других империй. Постоянно «полыхавшая» и неуспокоенная Польша виделась передовым отрядом этого будущего революционного очищения Европы от национального и социального гнета. Однако в 1870–1880-х гг. ситуация существенно меняется. Освободительная борьба в Польше трансформировалась в менее активные формы. Социалисты радикального крыла в системе идеологических приоритетов низводят национальный вопрос до уровня второстепенного, решаемого в ходе социальной революции. Соответственно, польская тема трансформируется в вопрос о взаимоотношениях с польскими социалистическими организациями. Подобная избирательность в отношении национальных движений приводила к практическому отсутствию интереса к народам и регионам, где не сформировалось социалистических организаций или было слабо развито социальное движение. Внимание к Украине привлекалось только в связи с проблемой границ и необходимостью урегулирования отношений с поляками.

Кроме того, революционные народники 1880-х гг. по существу признавали право на самоопределение только за Польшей. После событий 1 марта 1881 г. и ареста практически всего Исполнительного комитета его состав кардинально поменялся, что повлияло на окончательное утверждение «централистских» настроений в

«Народной воле». Поясняя позицию Исполнительного комитета, Л.А. Тихомиров откровенно объявлял себя противником федерализма и сторонником сохранения России как унитарного, жестко централизованного государства. Опираясь на экономическую целесообразность, он доказывал преимущество крупных государственных образований в создании единого экономического пространства и на этом основании возражал против распада России на независимые государства по национальному признаку. Декларируя, «что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа» и что «принцип «Нар[одной] воли» несовместим с насильственным подавлением национальностей», народник тут же весьма откровенно отмечает: «Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразрешим (кроме Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности» (Революционное народничество... 1965: 320). Уникальность Польши в возможности реализации ее национального самоопределения выделяется в документе дважды. Для остальных народов самоопределение представляется «неразрешимым», а сама проблема «сочиненной». То есть, полагая большинство народов России не готовыми к реализации государственного суверенитета, Л.А. Тихомиров не считал данное положение практически реализуемым.

Украина, Белоруссия должны были остаться в составе русского государства и после революции.

Идеи реформистского крыла народнического движения существенно отличались от представлений революционных народников. Не принимая революционных методов борьбы, они выступали против разрушения многонационального Российского государства, что определило их отношение к ситуации в национальных регионах.

С.Н. Южаков, отмечая необходимость и важность урегулирования русско-польских отношений, указывает на сохранившуюся остроту проблемы, но одновременно на позитивные изменения, происшедшие в польском общественном сознании. По его мнению, преобладавшее среди поляков стремление к обретению независимости от России любой ценой постепенно сменяется осознанием необходимости поиска компромисса и вариантов сотрудничества с Россией. Этому в значительной мере способствовали реформы Алек-

сандра II. Развитие земского самоуправления, создание новой судебной системы, появление свободной прессы, расцвет культуры и искусства серьезно трансформировали российское общество и сделали его облик более притягательным для поляков (Южаков 1897: 152–153). Частичное распространение подобных реформ на Польшу вызвало позитивный отклик тем более, что они вполне соответствовали общеевропейской тенденции на демократизацию. Аграрная реформа 19 февраля 1864 г. существенно изменила расклад социальных сил в Польше, создав многочисленную группу крестьян-собственников и освободив их от помещичьей зависимости. Тем самым была создана социальная база для русской партии в польском обществе, так как, по мнению С.Н. Южакова, крестьяне теперь были заинтересованы в сближении с Россией. Далее необходимо было содействовать культурному развитию крестьянства, чтобы создать демократическую Польшу, противостоящую Польше аристократической, остававшейся опорой непримиримых антироссийских сил. Развитие капитализма, отодвигая на второй план межнациональные различия, «тоже сглаживает контрасты и открывает новые перспективы для общей работы и сближения на почве общих задач, общих надежд и общих опасностей» (152–153). Все эти перемены не устранили в полной мере причины конфликта, но создали ситуацию, отличную от 1863 г.

Близких взглядов придерживался И.И. Каблиц, считавший бессмысленной политику русификации этнических польских земель, так как она была обречена на неудачу, и вредной, поскольку «вредит нашим политическим связям с этой страной». Решение национальных проблем Польши публицист также предлагал через решение проблем социальных, т. е. использовать опыт 1863 г., когда наделение польских крестьян землей лишило их поддержки польское панство, составлявшее руководство восстания: «...крестьянское население перешло на сторону тех, кто действительно делал благодеяние, а не сулил журавля в небе» (Каблиц 1893: 365). Аналогичные меры, направленные на расширение крестьянского (а не помещичьего) землевладения, позволяли одновременно решать две задачи: предотвратить захват польских земель немцами, заметный в последние годы, и внушить польским крестьянам, что нахождение в составе России не противоречит их интересам. В условиях начавшейся

индустриализации и роста численности польского пролетариата народник настаивал на большем внимании к его социальным проблемам, тем более что и здесь он видит национальный аспект. Значительная часть владельцев фабрик и заводов в Западном крае – немцы. Таким образом, поддержка польских рабочих помогла бы сдерживанию немецкой экономической экспансии (365).

Однако только социально-экономические реформы не могли решить проблему. Декларированная царским рескриптом политика толерантности по отношению к польской культуре и языку быстро сменилась принудительной русификацией, что вызвало мгновенную реакцию в польском обществе в виде мощного всплеска национализма, сделавшего на долгое время несовместимыми польский патриотизм и идеи сближения с Россией. Это, безусловно, задержало формирование среди польского крестьянства «польской патриотической партии, приверженной русскому союзу» (Южаков 1897: 169). Но тем не менее «примирительное движение» в польском обществе появляется (правда, в силу отсутствия демократической партии) в среде польской аристократии. В сложившейся ситуации приобретает особое значение реакция в российском обществе на любое событие, связанное с Польшей, как показатель его готовности к сотрудничеству в новых условиях (154–155). В свою очередь, поляки внимательно отслеживают такую реакцию. С.Н. Южаков призывал не обольщаться мыслями об исчезновении сторонников отделения Польши от России. «Антирусская партия» в польском обществе продолжает существовать, и ее влияние будет ослабевать в результате продолжения сближения двух народов и усиливаться после любых недружественных проявлений с русской стороны (159). Соответственно, и влияние прорусской партии также будет зависеть от позиции России.

Чтобы понять ожидания поляков, склонных к сближению и примирению с Россией, и насколько Россия способна «искренне и добросовестно ответить их ожиданиям», С.Н. Южаков обращал внимание своих читателей на один из вариантов польско-русского сближения, изложенный в работах Д. Багницкого (1897). Народник отмечал очевидное желание польского общественного деятеля найти выход из тупика, но к самим предложениям относился настороженно, со значительной долей скепсиса, особенно к внешнеполитиче-

ским проектам. Он видел в предложениях поляка необходимость коренным образом поменять векторы внешней политики ради весьма иллюзорной цели обрести десять миллионов новых сограждан. Кроме политической целесообразности идти на очевидный конфликт с Германией, С.Н. Южакова смущал морально-этический аспект предлагаемой сделки, насколько Россия была вправе распоряжаться судьбами других славянских народов (Южаков 1897: 160–161). Поэтому публицист предлагал отложить столь масштабные и неоднозначные проекты на будущее и сосредоточиться на насущных проблемах Польши и польско-русских отношений. Он изложил лапидарную формулу, которая могла бы стать основой компромисса и сотрудничества на ближайшую перспективу: «Административная автономия, местное самоуправление, прекращение обрусительных опытов» (162). Народник выражал уверенность в том, что, за исключением крайне консервативного крыла, большинство русской общественности именно в развитии земского самоуправления в Польше и прекращении русификаторской политики видело «возможность более или менее искреннего сближения между враждебными народами, ходом истории связанными в одно государственное тело». Актуальность и срочность политике России в Польше придавал внешний фактор. К западным окраинам России было обращено внимание Германии, стремившейся использовать польско-русские противоречия в своих экспансионистских устремлениях на восток (162–133). С.Н. Южаков также напоминал о том, что польские земли были также в составе Австро-Венгрии, в правящих кругах которой разрабатывался проект собирания этнических польских земель под собственным патронажем. Данный проект находил сторонников среди польской аристократии и был вполне реальной альтернативой идее примирения с Россией (163).

И.И. Каблиц, как и публицисты других направлений, выделял два связанных, но самостоятельных аспекта «польского вопроса»: собственно русско-польские отношения и проблему колонизации Западного края. Последняя виделась народнику как наследство былого величия Польши. Длительное время, уже после вхождения некогда польских земель в состав России, здесь сохранялось полное доминирование польской элиты в важнейших областях жизни: литературе, образовании, экономике. Происходило это при попуститель-

стве русских правящих кругов, не обращавших внимания на то, что большинство крестьян в Малороссии, Литве испытывали не только крепостной, но и национальный гнет (Каблиц 1893: 364). Однако события 1863 г. вынудили российское правительство резко усилить меры, направленные на «располячение» западных губерний, населенных преимущественно белорусами, литовцами и малорусами. И.И. Каблиц рассматривал их как вполне справедливые, при условии, если полонизация не сменяется русификацией. Должна происходить поддержка местного (литовского, малорусского) языка, культуры, образования, а не насаждение русского, тогда это будет восприниматься как «самозащита от остатков польского государства, а не нападение на чужую национальность». Так, И.И. Каблиц приветствовал действия русской администрации в Северо-Западном крае по защите литовцев и жмудинов от полонизации, выразившиеся в переводе с польского на литовский язык службы в литовских костелах и преподавание Закона Божия (352).

Главной силой, с которой сталкивался русский национализм, И.И. Каблицу виделась не этнографическая самобытность российских народностей, а остатки былых национальных гегемоний на территориях, когда-то отвоеванных у других многонациональных империй. Здесь «российский проект» сталкивался с альтернативными. В подобных ситуациях борьбу против шведского, польского и немецкого влияния народник представлял не как замену его русским, а как помощь в возрождении местных традиционных языка и культуры (Каблиц 1893: 352–353). Утверждая необходимость вытеснения чуждого влияния в национальных регионах, И.И. Каблиц уже не призывает к толерантности – наоборот, упрекает российскую элиту в недостаточной активности, что в ряде случаев создавало угрозу безопасности государства (361–362).

С.Н. Южаков демонстрировал несколько иной взгляд на развитие ситуации в Западном крае, включаемом элитами обоих народов в сферу своих жизненных интересов. При этом и с польской, и с русской стороны уже сложились стереотипы восприятия оспариваемых земель как соответственно польских и русских на основе исторического права. Но С.Н. Южаков ставил под сомнение логичность и нравственность апелляции к «археологической точке зрения», основанной на договорах и документах ушедших эпох, когда речь идет

о судьбах живых людей. Равно не устраивала его и точка зрения национализма, пытавшаяся определить национальные территории на основе языкового критерия. Польские националисты определяют языковой ареал на основе предпочтений высших слоев общества, и тогда его восточная граница совпадала с государственной границей Речи Посполитой до раздела 1772 г. Русские националисты считали сферой распространения польского языка только те районы, где на нем говорило большинство населения, что выводило за рамки польских притязаний не только малоросские и литовские, но даже собственно польские земли. Народник подчеркивал полную бесперспективность подобных споров, предлагая отказаться от «объективных точек зрения» и обратиться к субъективным, а именно, попытаться понять «собственно желания населения» Западного края (Южаков 1897: 163–164).

Этнополитические процессы, происходившие в этом регионе, он рассматривал как сложное взаимодействие множества разнонаправленных сил. Определяющую роль играли полонизация и русификация. В обоих случаях это было результатом воздействия мощной польской и русской культур, опиравшихся на высокоразвитую литературу и искусство. В русификации С.Н. Южаков видел, кроме того, государственную политику принудительного обрусения, направленную на распространение русского языка и культуры административными методами. Но и полонизация в его представлении также проводилась «искусственными мерами» (Южаков 1897: 163–164). Считая вполне естественным и даже полезным сохранение польско-русской культурной конкуренции, публицист настаивал как на противодействии искусственной полонизации, так и на прекращении принудительного обрусения.

Народник в своих работах обращал внимание на появление и усиление нового явления в Западном крае – национального самознания литовцев, латышей. Приветствуя данный процесс, С.Н. Южаков указывал, что он еще весьма слаб, и его судьба в значительной степени зависела от политики, которую будет проводить правительство в Западном крае. Пока же ему с горечью приходилось констатировать безусловное подавление ростков национальной самобытности литовцев со стороны царской администрации. В условиях, когда большинство интеллигенции составляли поляки и со-

хранялось доминирование польской литературы и языка, денационализация литовцев и жмудин способствовала реставрации польского влияния. Публицист призывал дать равные шансы развитию местных национальных языков и культур, чтобы в противостоянии с польским и русским влиянием они могли доказать свою жизнеспособность. Приобщение и слияние с более развитыми в культурном отношении народами могло быть прогрессивным только в результате естественного этнокультурного, но не государственно-административного воздействия (Южаков 1897: 166–167).

Перспективы укрепления культурной самобытности народа зависели, в интерпретации С.Н. Южакова, от его исторического опыта в противостоянии чужеродному влиянию, численности. Поэтому будущее литовцев представлялось публицисту неоднозначным. Он в равной степени допускал образование «скромной литовской народности» либо соединение этого племени «с соседними культурными нациями: польской, русской или немецкой». Потенциал правобережных украинцев в способности противодействовать полонизации виделся ему как значительный. При условии недопущения денационализации в результате русификаторской политики население Правобережной Украины само «отобьется от полонизации» (Южаков 1897: 167).

Таким образом, предложения С.Н. Южакова заключались в отказе от использования государственного принуждения в национальном вопросе и предоставлении свободы конкуренции в борьбе национальных культур украинцев, литовцев с польским и русским влиянием.

Как уже отмечалось, И.И. Каблиц считал проблему польской независимости ушедшей в прошлое. В 1880-е гг. более острым и актуальным ему виделся «Малоросский вопрос». Обращаясь к истории вхождения Украины в состав Российского государства, публицист подчеркивал неоднозначность данного события. Для Малороссии это была вынужденная мера спасения от польского гнета, но следствием ее стала утрата «национальной политической самобытности» и потеря «той казацкой вольности, которая выковалась под тяжкими ударами польско-шляхетской государственности» (Каблиц 1893: 373). Но это, по мнению публициста, не вызвало массового протеста со стороны малороссов. Скорее речь могла идти о сопротивлении

казачества утрате традиционных вольностей. Это позволяло говорить о принципиальном отличии отношений Малороссии и России от отношений малороссов к Польше. Тем более, по прошествии длительного периода совместного сосуществования народник не видел причин, порождавших стремления к сепаратизму, и возлагал надежду «на ту солидарность, которая связывает все интересы Малороссии и Великороссии вот уже около двух веков» (374). Это позволяло рассматривать взаимоотношения двух народов как самостоятельные, вне контекста русско-польских отношений.

Сложность малорусской проблемы заключалась в неадекватном, по мнению И.И. Каблицы, отношении значительной части русской интеллигенции к малорусской языковой и литературной самобытности. Зараженные идеей «большой русской нации», они надеялись на быстрое и неуклонное сближение велико-, бело- и малорусского народов, равно как и их языков и культур. В силу этого отрицалась необходимость в развитии, например, малорусской литературы, более того, считалось, что это только замедляет естественный и прогрессивный процесс распространения русского языка и литературы среди всех ветвей единой русской нации.

Соглашаясь, в принципе, с неизбежностью слияния братских народов и с тем, что использование русского языка как всеобщего способствовало бы духовному развитию этих народов, публицист призывал не торопиться и избегать принудительных мер. Малорусский язык оставался родным для подавляющей части крестьянства, поэтому для развития народного образования необходимо было развитие малоросского литературного языка. Распространение русского языка должно происходить естественным путем. Развитие образования, по мысли народника, неизбежно увеличит прослойку малоросской интеллигенции, которая все больше будет обращаться к русскому языку для приобщения к передовой русской, а через нее к мировой культуре, литературе (Каблицы 1893: 365–366). Таким образом, предлагалась странная система двуязычия: на малорусском и белорусском «племенных» языках национальная интеллигенция будет общаться с народом, а используя «общерусский», приобщаться к «верхушкам человеческого знания» (369).

Но при всей неоднозначности рассуждений народника важно то, что он настаивал на исключении вариантов любых попыток подав-

ления малоросской национальной литературы и языка. Он намеренно обращается не только к категориям «справедливости-несправедливости» в оценке действий правительства, но прежде всего к целесообразности национальной политики. С этой точки зрения попытки административными мерами сдерживать развитие малоросского языка выглядели бессмысленными еще и в силу наличия регионов компактного проживания малороссов вне пределов российского государства.

И.И. Каблиц констатировал превращение австро-венгерской Галиции в мощный центр малоросской литературы и предупреждал, что дальнейшая дискриминация приведет к перемещению центра малоросской духовности из России: «И остается большим вопросом: выгодно ли это для общерусского дела и русского государства» (Каблиц 1893: 370).

Кроме того, существовала опасность, о которой народник не перестает напоминать, – попытки подавления национальных движений всегда приводят к их радикализации. Он настаивал на необходимости отличать национальное этнографическое движение в Малороссии от радикального политического течения, выступавшего за политическую независимость, – «малорусской революционно-социалистической партии». Последняя использовала национальные лозунги для достижения своих целей, но «систематическое угнетение национального инстинкта, стремящегося удовлетворить этнографические свои потребности, может в конце концов выдвигать мысль о необходимости политического сепаратизма – так как иначе нельзя добиться удовлетворения национальных инстинктов» (Каблиц 1893: 372). И.И. Каблиц не исключал возможности сращивания политического экстремизма и национализма как самого неблагоприятного развития событий в результате ошибочного выбора национальной политики правительства Российской империи.

Итак, народники-реформаторы были близки к либеральному дискурсу в рассмотрении проблем западных окраин Российской империи. В то же время они акцентировали больше внимания на социально-экономических аспектах, предполагая сглаживание национального противостояния в ходе развития капитализма с его универсальными наднациональными ценностями. Кроме того, они более настойчиво обращали внимание на формирование собственных

национальных интересов народов Западного края, которые необходимо было учитывать в национальной политике государства.

В целом, западные окраины находились в центре внимания российской общественной мысли. В 1850–1860-е гг. доминировавшей была, безусловно, польская проблема, которая всеми направлениями воспринималась как противостояние двух национальных проектов, взаимоисключавших друг друга. Отношение к борьбе поляков за восстановление государственности было различным, но, за исключением революционных социалистов, не предполагавшим возможность создания независимого польского государства в обозримом будущем. Последние согласны были оказывать поддержку при условии придания польскому освободительному движению социального характера.

Политика русификации, проводимая правительством в Польше, вызывала дружную критику. Славянофилы считали бессмысленной попытку преодоления сформировавшейся польской национальной идентичности и предлагали сосредоточиться на преодолении полонизма в западных русских землях. С ними, в целом, был солидарен М.Н. Катков. Ситуация изменилась в 1880-е гг., когда создалась иллюзия «успокоения» Польши, окончательного снятия вопроса о ее независимости и беспрепятственности реализации русификации, впрочем, по-прежнему понимавшейся различно. Для славянофилов это было стремление возратить поляков к славянским истокам, т. е. отказу от католичества, для имперцев – превращение их в лояльных подданных империи, для либералов – включенность в общее прогрессивное развитие России. При этом исключалась принудительная ассимиляция, проводимая административными методами.

В конце 1860-х гг. из польского вопроса постепенно выделился как самостоятельный малорусский вопрос. До этого белорусы, малорусы и литовцы рассматривались только как объекты борьбы с полонизмом. Но если в отношении литовцев у представителей всех направлений было стремление поддержать формирование этнической самостоятельности, то белорусы и малорусы стали заложниками идеи единства русского народа. Первоначально даже славянофилы приветствовали деятельность малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка, видя в них союзников в противостоянии с поляками. Но, как только появились претензии на

признание самостоятельности малорусской этничности, не производной от великорусской, а равнозначной ей, отношение славянофилов и имперцев к малорусской интеллигенции стало враждебным. Они не готовы были к восприятию украинцев как сформировавшейся отдельной от русских нации, воспринимая эту идею как происки поляков и немцев, стремившихся к расколу единой русской народности. Либералы и народники-реформаторы готовы были признать украинцев состоявшейся нацией, но без претензий на политическую самостоятельность. Белорусская и литовская тема в таком аспекте не рассматривалась в силу отсутствия на тот период вызова с их стороны.

Таким образом проблему реализации интеграционного потенциала национальной идентичности в российской общественной мысли второй половины XIX в. можно представить следующим образом. Славянофильский подход, основанный на идее народной русификации, в условиях жесткой конкуренции с польским национализмом и формирующимся украинским национализмом не мог выполнять интегрирующие функции в рассмотренном историческом ареале. Имперский проект в консервативной трактовке предполагал в перспективе реализацию принципа правового равенства представителей всех национальностей, при доминировании принципа подданства. Но достижение равенства напрямую привязывалось к лояльности имперским властям. Либеральное направление выступало за реализацию идеи «политической нации», но при условии отказа национальных движений от идеи национального суверенитета. В условиях рассматриваемого периода это требование было невыполнимо. Представители социалистической мысли считали национальную идентичность угасающей в достаточно близкой перспективе, делая акцент на значимости социально-классовой идентичности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И.С. Еще о польских притязаниях на Западно-русский край // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 32–44.

Аксаков И.С. Каково должно быть место Поляков в Украине // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 176–184.

Аксаков И.С. Ложь сделалась органическим отравлением польской натуры // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 159–167.

Аксаков И.С. Можно ли возвратиться к системе Велепольского? // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 395–404.

Аксаков И.С. Может ли Русский царь «быть первым из Поляков» // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 195–206.

Аксаков И.С. Наши нравственные отношения к Польше // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 3–12.

Аксаков И.С. О непоследовательности нашего правительственного действия в Польше // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 622–634.

Аксаков И.С. О «порядке», как его понимает газета «Вести» // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 507–512.

Аксаков И.С. О секвестре польских имений // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 81–92.

Аксаков И.С. О тайной программе Польского противодействия России «законными средствами» // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 611–621.

Аксаков И.С. Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело» // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 596–610.

Аксаков И.С. По поводу нот князя Горчакова // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 134–143.

Аксаков И.С. По поводу притязания Поляков на Литву, Белоруссию, Вольнь и Подолию // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 16–21.

Аксаков И.С. Украинско-польский бред «Тараса Воли» // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 483–491.

Багницкий Д.Р. К вопросу о русско-польских отношениях. СПб.: Тип. С. Проппера, 1897. 20 с.

Багницкий Д.Р. Политическая исповедь современного поляка. СПб.: Тип. С. Проппера, 1897. 26 с.

Бакунин М.А. Защитительная записка М. Бакунина от декабря 1849 – апреля 1850 г. // Собрание сочинений и писем (1828–1876 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 4. С. 31–93.

Бакунин М.А. Основы славянской федерации // Избранные сочинения. Т. 3. Пг.; М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1920. С. 66–67.

Бакунин М.А. Письмо А.И.Герцену и Н.П.Огареву от 1 августа 1863 г. // Письма М.А. Бакунина А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906. С. 232–236

Бакунин М.А. Письмо А.И. Герцену и Н.П. Огареву 29/17 августа 1863 г. // Письма М.А. Бакунина А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906. С. 243–244.

Бакунин М.А. Письмо А.И. Герцену и Н.П. Огареву 4 марта 1864 г. // Письма М.А. Бакунина А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906, С. 258–264.

Бакунин М.А. Речь на банкете в Стокгольме // Письма М.А. Бакунина А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906, С. 247–250.

Бакунин М.А. Речь, произнесенная в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830 г. // Избранные сочинения. Пг.; М.: Книгоиздательство «Голос Труда», 1920. Т. 3. С. 39–46.

Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. № 122–123. С. 1021–1028

Белинский В.Г. Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 172–174.

Белинский В.Г. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 289–451.

Белинский В.Г. История Малороссии Николая Маркевича // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 44–65.

Белинский В.Г. Кобзарь Т. Шевченка // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. Т. 4. С. 171–172.

Белинский В.Г. Ластовка. Сочинения на малороссийском языке. Гг. Л. Боровиковского, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забелы, И. Котляревского, Кореницкого, П. Кулеша, Мартавицкого, П. Писаревского, А. Чужбинского, Т. Шевченка, С. Шерепери и других. Изд. второе. Харьков. Печатано в Университетской типографии. 1840 // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 176–178.

Белинский В.Г. Письмо П.В. Анненкову 1–10 декабря 1847 года // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 436–442.

Борисенко Ю.А. Михаил Бакунин и «Польская интрига». М.: РОССПЭН, 2001. 301 с.

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 359–382.

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 11. С. 358–381.

Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 380–400.

Герцен А.И. Былое и Думы // Собрание сочинений. М.: Изд.-во АН СССР, 1957. Т. 11. 805 с.

Герцен А.И. Вольная Русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 201–205

Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд.-во АН СССР, 1959. Т. 18. С. 171–220.

Герцен А.И. Польско-русский революционный союз // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 210–213.

Герцен А.И. Поляки прощают нас // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 87–93.

Герцен А.И. По поводу письма из Волыни // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 209–210.

Герцен А.И. Россия и Польша // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 7–59.

Герцен А.И. Русские офицеры в рядах инсургентов // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 121–123.

Герцен А.И. Чего они так испугались // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 138–139.

Герцен А.И. Что же дальше? // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18. С. 299–311.

Герцен А.И. Vivat Polonia! // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 44–49.

Гильфердинг А.Ф. Литва и жемудь // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 255–277.

Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168–251.

Градовский А.Д. Письмо к И. С. П. (по поводу польского вопроса) // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 603–605.

Градовский А.Д. По поводу польского легиона в Турции // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 606–612.

Градовский А.Д. Польский вопрос (ответ на письмо эмигранта) // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 613–618.

Драгоманов М.П. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 183–241.

Жигунов Е.К. П.Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70-х – 90-х гг. XIX века // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1971. С. 331–381.

Кавелин К.Д. Письмо А.И. Герцену 1 июня 1862 г. // Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева: Украинская типография, 1892. С. 77–80.

Катков М.Н. Генерал-адъютант Гурко о школах Варшавского учебного округа. Московские Ведомости. 1883. 5 авг. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1883 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. С. 371–373.

Катков М.Н. Значение и сфера военной диктатуры в Западном крае. Московские Ведомости. 1864. № 30. 5 февр. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 112–117.

Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 796 с.

Катков М.Н. Католицизм и «польская справа» в России. Московские Ведомости. 1883. 21 июня // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1883 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. С. 293–295.

Катков М.Н. Народное движение в девяти губерниях Западного края есть движение патриотическое, а не сословное. Необходимость поднять православное духовенство в этих губерниях. Московские Ведомости. 1863. 11 окт. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 595–596.

Катков М.Н. Об обязательном выкупе крестьян и продаже польских имений в Западном и Юго-Западном крае. Московские Ведомости. 1863. 22 авг. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 473–476.

Катков М.Н. Опасность украинофильства и его беспочвенность. Московские Ведомости. 1864. 6 февр. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 87–89.

Катков М.Н. Опасность украинофильства и его беспочвенность. Московские Ведомости. 1866. 7 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1866 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 265.

Катков М.Н. «Петербургские патриоты» о независимости Польши или присоединении ее к Австрии и Пруссии. Московские Ведомости. 1863. 10 апр. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 161–163.

Катков М.Н. «Петербургские патриоты» о независимости Польши или присоединении ее к Австрии и Пруссии. Московские Ведомости. 1863. 11 апр. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 164–166.

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1864. 8 янв. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 23–31.

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1865. № 153. 13 июля // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 429–431

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1871. 6 марта // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1871 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 149–152.

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1871. 22 нояб. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1871 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 779–781.

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1875. 2 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1875 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897.

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1886. 5 марта // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1886 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. С. 132–134.

Катков М.Н. Причины живучести польского чувства только в той части Польши, которая присоединена к России. (По поводу поражения Лангевича). Московские Ведомости. 1863. 11 марта // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 111–113.

Катков М.Н. Противодействие украинофилов. Московские Ведомости. 1866. 7 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1866 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 262–263.

Катков М.Н. Польский вопрос в Западном крае (по письму поляка из Киева). Московские Ведомости. 1863. 5 окт. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 580–584.

Катков М.Н. Польский язык и польская национальность. Московские Ведомости. 1863. 16 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 243–245.

Катков М.Н. По поводу статей в газетах «День», «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» по Польскому вопросу. Московские Ведомости. 1863. 27 авг. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 485–490.

Катков М.Н. Русский язык как язык религии в западном крае для его обрусения. Московские Ведомости. 1866. 1 февр. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1866 г. М., 1897. С. 76–79

Катков М.Н. Передовая статья. Московские Ведомости. 1871. 22 нояб. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1871 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 779–781.

Катков М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. Московские Ведомости. 1863. 21 июня // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 326–330.

Катков М.Н. Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края. Московские Ведомости. 1863. 2 сент. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 506–507.

Катков М.Н. Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края. Московские Ведомости. 1863. 5 сент. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 510–514

Катков М.Н. Украинофильские затеи. Московские Ведомости. 1863. 3 сент. // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1863 г. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 503–506.

Костомаров Н.И. Малорусское слово // Вестник Европы 1881. № 1. С. 401–406.

Костомаров Н.И. По поводу статьи де Пуле в «Русском вестнике» об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 434–437.

Лаверов П.Л. От редакции (О польском вопросе) // Избр. соч. на социально-политические темы: в 8 т. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 3. С. 373–381.

Ламанский В.И. Евреи и немцы в Привислянском крае // Геополитика панславизма М.: Институт Русской цивилизации, 2010. С. 561–614.

Ламанский В.И. Национальная бестактность // Геополитика панславизма М.: Институт Русской цивилизации, 2010. С. 615–634.

Миллер А.И. Методологические проблемы изучения процессов формирования наций у восточных славян в позднейимперский период // Белоруссия и Украина: история и культура. М.: Наука, 2003. С. 67–71.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с. Несколько слов по поводу письма А.С. Хомякова к А.О. Смирновой // Русская мысль. 1881. № 3. С. 316–317.

От центрального народного Польского комитета в Варшаве // Колокол 1862. № 146. 1 октября. Стб. 1205–1206.

Письмо исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х гг. 19 в. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 2. С. 315–322.

Погодин М.П. Письмо к историографу Богемии Палацкому // Вечное начало. Русский дух. М.: Институт Русской цивилизации, 2011. С. 629–645.

Погодин М.П. Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 440–466.

Погодин М.П. Польское дело // Вечное начало. Русский дух. М.: Институт Русской цивилизации, 2011. С. 655–697.

Полонский Вяч. М.А.Бакунин. Опыт характеристики // М. Бакунин. Незданные материалы и статьи. М.: Изд-во Всесоюзное общество полит.каторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. С.170–178.

Попов Э.А., Кисиль А.С. Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д., 2002. Вып. 9. С. 116–130.

Примечание к 13 т. Полного собрания сочинений В.Г. Белинского // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 571.

Пытин А.Н. Еще несколько слов по Южно-Славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 357–387.

Пытин А.Н. К спорам об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 438–441.

Пытин А.Н. Малорусско-галицкие отношения // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 407–410.

Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 312–353.

Пытин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С. 703–736.

Пытин А.Н. Русские сочинения Шевченка // Вестник Европы. 1888. № 3. С. 246–286.

Пытин А.Н. Спор между южанами и северянами. Вопрос о малорусском языке // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 736–776.

Пытин А.Н. Эпизоды из литературных отношений малорусско-польских // Вестник Европы. 1886. № 2. С. 725–770.

Пытин А.Н. Эпизоды из литературных отношений малорусско-польских // Вестник Европы. 1886. № 3. С. 299–336.

Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 436–472.

Самарин Ю.Ф. Как относится к нам Римская церковь? // Сочинения. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 301–308.

Самарин Ю.Ф. По поводу защиты киевской администрации г. Вл. Юзефовичем // Сочинения. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 309–324.

Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса // Сочинения. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 325–350.

Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 7–23.

Соловьев В.С. Письмо в редакцию «Przegląd Polski» // В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 267–282.

Соловьев В.С. Русская идея // В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.

Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение (1865–1881) гг. М.: Наука, 1969. 475 с.

Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. М.: Сытин, 1927. Т. 2. 448 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетей, 1998. 306 с.

Хомяков А.С. Вместо введения к сборнику Валуева // Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. Т. 3. С. 130–140.

Хомяков А.С. Письмо А.С. Хомякова к А.О. Смирновой // Русская мысль. 1881. № 3. С. 305–306.

Чернышевский Н. Г. Национальная бестактность // Избранные философские сочинения: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 427–450.

Чичерин Б.Н. Крестьянское дело в Польше // ОР РГБ Ф. 334. К. 20. Д. 10.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: Тип. Кушнерев и К, 1897. Ч. 3. С. 558.

Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос. Берлин: Изд. Г. Штейниц, 1899. 68 с

Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 9. С. 150–175.

Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.

Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton: D. Van Nostrand, 1955. 192 p.

Thaden E. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.

Глава 2

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ)

И.В. Нам, О.А. Харусь, В.В. Шевцов

Постановка проблемы. Государственное пространство России, как и других стран с имперским прошлым, имеет не только национальное, но и региональное измерение, представленное различными периферийными историко-географическими и этническими локациями, которые обладают собственной идентичностью. Актуальность региональной идентичности варьируется в зависимости от ситуации, но на определенных этапах она становится весьма значимым фактором исторического развития, оказывая существенное влияние на интеграционные или, напротив, на дезинтеграционные процессы в государстве. Особый интерес специалистов к проблемам формирования и эволюции *сибирской* региональной идентичности определяется целым рядом обстоятельств, в частности: обширностью территории и географической удаленностью от центра, спецификой природно-климатических условий, колоссальным ресурсным потенциалом, особым типом хозяйственной деятельности и социальной структуры, разнородностью состава населения.

Сибирская идентичность складывалась как совокупность множества культурных, конфессиональных, этнических идентичностей, знаменателем которых стало закрепленное в сознании сибиряков представление об особости своего положения («Мы», «Сибиряки») по отношению к европейской части России («Другие»). Постепенно оформлялась идея «сибирства», местной идентичности и патриотизма и бинарной пары «Россия и Сибирь», суждений типа ехать «в Россию», «приехал из Сибири в Россию», «Мы – сибиряки» – другие – «несибиряки» (Бороноев 2010). Это дало основание для движения еще в XIX в. идеи о формировании в Сибири особого культурно-антропологического типа («сиби́ро-русской народности») по образу и подобию того, как это происходило в Америке. О раз-

вертывании «сибирства» в особую региональную идеологию можно говорить в связи с началом деятельности областников (Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева) – первых идеологов сибирского федерализма, которые выступали за уравнивание Сибири в правах с другими территориями страны. Дискриминационные меры центра по отношению к окраине находили проявление как в политико-юридической, так и в социально-экономической сфере. Отсутствие земства, «штрафная» колонизация, неразвитость сети просветительных, образовательных, лечебных учреждений, тарифные и таможенные барьеры на пути развития экономики края, чрезмерная бюрократическая регламентация – таков был далеко не полный перечень региональных проблем, волновавших областников. Тему прогрессивного развития Сибири они разрабатывали в полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральным и местным властям. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали и получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время, – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности (Шевцов 2011).

В современных исследованиях, посвященных процессу формирования сибирской идентичности, зафиксирована его двойственность, определявшаяся стихийным характером этого процесса на уровне массового сознания, с одной стороны, и целенаправленной деятельностью интеллектуальной элиты, общественных и политических акторов, сознательно конструировавших ее как «новую реальность», – с другой. Предметом научных работ стали проблемы региональной самоидентификации населения Сибири, основные этапы «функционирования» сибирской идентичности с конца XVII в. и до настоящего времени (Шиловский 2008; Ремнев 2011; Головинов 2011; Зайнутдинов 2012; Shevtsov 2013 и др.). Вместе с тем, дискурсивные и общественно-политические практики, в которых отражен процесс *конструирования* региональной идентичности, представлены фрагментарно. В частности, в исследованиях, посвященных периоду второй половины XIX – начала XX в., соответствующая проблематика рассматривается почти исключительно в контексте исто-

рии областничества (Бороноев 2010; Ремнев 2011). При наличии значительного числа исследований, посвященных феномену «ренессанса» сибирского областничества в конце XX – начале XXI в. (Жигунова 2011, 2017; Дутчак, Львова, Нам 2012; Анисимова, Ечевская 2012; Дутчак, Кашпур 2013), интерпретации этого явления в публичном дискурсе еще не стали предметом специального обсуждения. Между тем отсутствие комплексности в исследовании многообразных форм и способов репрезентации региональной идентичности является препятствием на пути осмысления содержания и динамики процесса её конструирования. Не претендуя на исчерпывающую характеристику всех аспектов и проявлений сознательной деятельности акторов сибирской идентичности, авторы данной главы поставили перед собой цель показать её вариативность в различных исторических обстоятельствах. Этим замыслом определяется одновременное обращение к анализу практик конструирования смыслов, поддерживающих символическое единство регионального сообщества, в имперской России второй половины XIX – начала XX в. и в постсоветской России рубежа XX – начала XXI в.

В основу предлагаемого нами подхода к исторической реконструкции феномена сибирства была положена теория Фернана Броделя о разных скоростях социально-исторического времени, согласно которой в социальных явлениях «быстрое и медленное неразделимы». При изучении сибирской идентичности в длительной исторической перспективе необходимо принимать во внимание, что процесс её формирования являлся и является дискретным по своей природе, его динамика характеризуется всплесками (периодами актуализации) и спадами (периоды латентного функционирования). Протяженность этого процесса, начавшегося в XIX в. и продолжающегося по настоящее время, ставит проблему сближения длительных и кратких сроков. В таком контексте релевантным по отношению к содержанию и специфике объекта нашего исследовательского интереса представляется известное выражение Ф. Броделя, использованное им применительно к промышленной революции: «Игра шла разом в двух регистрах» (Бродель 1992: 554). Данная формула предполагает, что и исследование подобных социальных феноменов также должно осуществляться в двух регистрах: изучение их как

серии ярких событий, с одной стороны, и как весьма протяженного во времени и постепенного процесса – с другой.

Ориентация на использование диалектики короткого (изучение конкретных *и явлений* в рамках ограниченного периода) и долгого (позволяющего рассматривать *процессы* в их ретроспективе) исторического времени позволила сформулировать гипотезу о возможности выявления наряду с ситуативными элементами в конструировании региональной идентичности некоего инвариантного ядра, сохранявшего устойчивость, несмотря на изменение объективных условий. Такая постановка проблемы представляет, на наш взгляд, интерес и в связи с открывающимися в перспективе возможностями выхода на анализ и осмысление факторов, обуславливающих как итеративный характер самого процесса конструирования сибирской идентичности, так и устойчивое воспроизводство некоторых его компонентов и смыслов. Вместе с тем, уточнение и конкретизация представлений о механизмах формирования и развития региональной идентичности могут оказаться полезными для предупреждения негативных сценариев её трансформации с деструктивными последствиями.

Сибирская идентичность в зеркале региональной периодики второй половины XIX в.

В отсутствие вплоть до начала XX в. института народного представительства в России литература и периодическая печать являлись средоточием общественно-политической мысли, средством формирования и выражения как официальной идеологии, так и взглядов, ей альтернативных. История газетной периодики в Сибири, как и в других регионах России, началась с губернских ведомостей, состоявших из официальной и неофициальной частей. Они стали издаваться здесь с 1857 г., на два десятилетия позже, чем в европейской части страны, как результат распространения проекта региональной сети правительственной периодики на Азиатскую Россию (Шевцов 2007). В отличие от ведомостей Европейской России, губернские ведомости Сибири сразу же оказались в условиях гласности и пробуждения общественной инициативы, что отразилось на содержании их неофициальных частей. Несмотря на ограничения, установлен-

ные программой издания, в неофициальных частях Тобольских, Иркутских, Енисейских и Томских ведомостей можно проследить процесс самоидентификации сибирской провинции в культурном, этническом, экономическом и иных смыслах. Представление о Сибири не как о нескольких провинциальных губерниях, а как об особой общности, «стране», отличной от Европейской России, было выражено на страницах сибирской официальной периодики в первый же год ее существования.

В 1857 г. в «Иркутских губернских ведомостях» вышла статья «Несколько мыслей о Сибири» (ИГВ 1857: 11 июля). Автором ее был М.В. Петрашевский – юрист, организатор революционного кружка в Петербурге, сосланный в 1849 г. в Восточную Сибирь. В соответствии с представлением о государстве как живом организме перед читателями ставился вопрос: «Какое значение имеет Сибирь для России? Или Русский в Сибири – для России? и вместе с тем для всего человечества?» Ответ давался в стадиальных цивилизационных сопоставлениях, выдержанных в духе воззрений П.Я. Чаадаева и славянофилов: если Россия в сравнении со странами романо-германского мира играла роль младшего брата, то в кругу народов Азии на ее стороне было старшинство, и она по отношению к ним должна быть тем, чем Европа являлась для России, иными словами, выполнять культуртрегерскую функцию. Место Сибири в этом теоретическом построении заключалось в усилении России как в возможном столкновении с Западом, так и в обеспечении своего влияния на страны Востока: «Сибирь, по положению своему, призвана добыть нам диплом на звание народа истинно европейского!» (ИГВ 1857: 11 июля). Хотя «сибиряк» или «русский в Сибири» рассматривался в отдельности от «европейского русского», речь не шла о необходимости обретения Сибирью самостоятельности. По мнению М.В. Петрашевского, правительству и местному обществу необходимо было переустраивать «административную практику» управления Сибирью на законных началах и пробуждать самосознание местных жителей.

Представления об «особости» Сибири можно обнаружить в самых разнообразных авторских текстах неофициальных частей ведомостей. Они могли иметь вид фрагментарных суждений, вводимых в связи с основной темой изложения. Например, чиновник Г.А. Варлаков в

своих исторических очерках в «Тобольских губернских ведомостях» делал замечания, которые проецировались и на современную действительность: «... эти выходцы [русские в Сибири] селились вдали от взоров правительственных лиц, и жили себе, долго не зная никаких податей и повинностей, никакой десятины, пока правительство не уследило за ними» (ТобГВ 1858: 19 апр.); «Трудно было жить сибирскому крестьянину [в конце XVIII в]. Беспрестанные разъезды разных чинов по разным дорогам и поставка лошадей измучили их и изнурили» (ТобГВ 1861: 14 янв.). Некто, писавший из Омска под псевдонимом «Говорун», поставил перед тобольскими читателями вопрос (оставшийся без ответа): «Тождествен ли совершенно сибирский крестьянин великорусскому или между ними есть разница?» (ТобГВ 1858: 2 нояб.). Искажение действительности в публиковавшихся в центральной печати статьях «панегиристов» и «порицателей» Сибири вызывало протест у сибиряков. Так, тобольский чиновник В.И. Ильин (ТобГВ 1859: 16 мая) упрекал своего земляка Г.В. Колмогорова во введении в заблуждение «нездешнего читателя», который якобы в Сибири не увидит «ни обмана, ни лжи, ни воровства, ни грабежа, ни насилия, ни тунеядства» и должен подражать «жизни, нравам и добродетелям сибиряков» (Северная пчела 1859: 27 марта). «Описание Западной Сибири» читинского поселенца И.И. Завалишина Н.М. Ядринцев определил как яркий и вредный пример деятельности «панегиристов», которые «своими медовыми писаньями не столько исследуют страну, сколько романтизируют». В этой связи для формирующейся сибирской интеллигенции актуальной становилась задача создания региональной сибирской журналистики, которая «будет исследовать страну нашу, разрабатывать ее вопросы, предьявлять ее интересы...» (ТГВ 1865: 5 марта).

Профессор иркутской духовной семинарии М.В. Загоскин, в 1859–1860 гг. редактор неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», связывал дальнейшее развитие Сибири с открытием университета: «Нам хотелось бы самим сделаться людьми образованными, зажить своею разумною жизнью, иметь своих судей, исполнителей, знатоков дела и т.д. Словом, нам необходимо средоточие умственной жизни, необходима светлая точка, куда бы взоры наши всегда обращались с любовью и надеждой; нам необходим свой университет» (ИГВ 1863: 30 марта). Основное содержание статьи было вос-

произведено в центральных изданиях (С.-Петербургские ведомости 1863: 11 мая; Голос 1863: 14 мая; Журнал МНП 1863: Ч. 118. Отд. 6. 159–163). Профессор Пермской семинарии А.И. Иконников, сосланный в Березов за распространение антиправительственной прокламации, выступил с аналогичным призывом в «Тобольских губернских ведомостях»: «Нет, господа, если мы дорожим нашей Сибирью, которую зовут золотым дном России, если мы не хотим, чтобы ее сокровища и богатства лежали втуне или доставались в чуждые, а тем паче недостойные руки, мы должны умножить наши низшие и средние учебные заведения, училища и гимназии, но еще более должны позаботиться о том, чтобы основать свой сибирский университет или, еще лучше, для двух частей Сибири два университета – восточный и западный» (ТобГВ 1863: 17 авг.). В дальнейшем идеологи областничества Г.Н. Потанин (1835–1920) и Н.М. Ядринцев (1842–1894) в «Томских губернских ведомостях» высказывали схожие мысли о необходимости высшего образования в Сибири и введения для этой цели особого налога (ТГВ 1864: 9 окт.; 1865: 8 янв.; 5 февр.; 30 апр.). Одновременно с томской газетой университетский вопрос обсуждался и в «Енисейских губернских ведомостях»: «А не может быть, чтобы не достало средств в Сибири на открытие его (университета – *авт.*); средства есть и огромные, только мы не умеем пользоваться ими, да, главное, до сих пор не является никого, кто бы мог сделать первый шаг к осуществлению этого предприятия» (ЕГВ 1865: 16 янв.).

Отстаивая необходимость создания в Сибири образовательных и общественных учреждений, которые уже существовали и развивались в столицах и центральных губерниях, «Иркутские губернские ведомости» выступили совместно с официальной газетой Восточной Сибири «Амур», перепечатав из нее полемическую статью «Сибирь – та же Русь». Этими словами председатель Русского географического общества наследник престола Николай Александрович заключил одно из заседаний, на котором обсуждался вопрос об отношениях России к Сибири. «Особенности Сибири вовсе не так велики, – писал «Амур», – чтобы можно было считать ее колонией России <...> она – дитя одной и той же Руси-матери...; в Сибири живут те же русские люди, как и в России, та же в ней вера, язык, обычаи, даже поверья, одежда народная» (Амур 1861: 28 окт.). «Ир-

кутские губернские ведомости» добавляли: «... от Петербурга до Иркутска не близко – почти 6000 верст. Но что же из этого следует? Есть страны на земном шаре, которые от Петербурга и еще дальше, нежели Сибирь. Неужели же вывести из этого правило: чем дальше, тем хуже, или чем ближе, тем лучше...» (ИГВ 1862: 24 нояб.).

«Особенный взгляд сибиряков на Сибирь» в «Иркутских губернских ведомостях» привлек внимание столичного публициста Н.В. Шелгунова, совершившего в 1862 г. поездку в Сибирь. В очерке «Гражданские элементы Иркутского края», опубликованном в 1863 г. в «Русском слове», Шелгунов утверждал, что Сибирь «совсем не та же Русь», в силу ее природных особенностей, промышленной отсталости, штрафной колонизации, сословного состава и «племенной разницы русского и сибиряка», которой еще предстоит дать научное описание. Однако это вовсе не означало, что в составе Российской империи Сибирь должна находиться на особом, ограничивающем ее экономическое и правовое развитие, положении: «... для Сибири нужны справедливый суд и образование совсем не по ее родственным отношениям с кем-либо, а сами по себе, потому что без них невозможно гражданское существование страны. Странно было бы убеждать, что сибирякам нужны воздух и вода, потому что в России люди дышат воздухом и пьют воду» (Русское слово. 1863: сент.). Картины неустроенности Сибири важны были для Н.В. Шелгунова не сами по себе, а как материал для критических высказываний в адрес всей государственной системы управления: «Действительно, заезжий чиновник не имел связи с Сибирью; он не жил интересами местных жителей; он смотрел на них свысока, пренебрегая общественным мнением; но все это он делал не столько потому, что он заезжий, сколько потому что он чиновник. <...> В России все чиновничество туземное – не легче ли ей от этого?» (Русское слово 1863: сент.).

В качестве ответа на вызов столичного публициста в «Томских губернских ведомостях» была поднята тема влияния природного и этнографического состава Сибири на формирование особого типа сибиряка, отличного от великоросса (ТГВ 1865: 26 марта; 2 апр.; 23 апр.; 7–14 мая). Пытаясь объяснить причину резкости и даже оскорбительности для сибиряков суждений, содержащихся в «Русском слове», Г.Н. Потанин писал о штрафной колонизации, меркантильном духе томских и тюменских «лавочников», «микроскопиче-

ском мирозерцании» чиновников, сводящих местное самоуправление к предоставлению только им возможности обирать «сибирского мужика». Вскользь делался намек на метрополию как причину такого положения: «мы ли сами удручаем наше положение или кто другой удручает его» (ТГВ 1864: 9 окт.). По вопросу о способах преодоления положения Сибири, описанного Н.В. Шелгуновым, авторы текстов, публиковавшихся в «Томских губернских ведомостях», разошлись во мнении с авторами «Иркутских губернских ведомостей» – последние возлагали основные надежды на правительство, первые – на местную печать и сибирскую образованную молодежь.

В конструировании образа «сибирства» на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1864–65 гг., когда в ее редакции работали идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, можно выделить следующие черты:

– отсталость Сибири по отношению к европейской части России и Западу («Забитое общество, угнетенный народ», «... мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы», «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития», «Жизнь нашей страны вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир», «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...»);

– негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и оптимистичное описание перспектив ее развития («История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни», «Наша страна... лежит в запустении как мертвый труп», «Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал», «В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших», «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...», «... сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири», «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса северного полушария»);

– особые черты характера сибиряков и ранней сибирской истории («завоеватели», «открыватели новых стран», «отважные промышленники», «дух авантюризма», «стремление к улучшению своего быта и созданию жизни на новых началах», «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах», «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история», «... в Сибирь пришла самая энергическая и предприимчивая часть русских людей...»), «свободная казачья община и русские промышленные авантюристы», «Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?»);

– объединение различных категорий населения Сибири и ее регионов в единую категорию – «мы» («особенный тип, тип сибиряка», «сибирская цивилизация», «страна», «наше дальнейшее развитие», «наш прогресс», «наше население», «наши меха», «наше золото», «мы сибиряки, жители ссыльнокаторжной колонии», «наш молодой край», «коллективный ум всей Сибири», «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...»), «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!»).

Статьи неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стали одним из доказательств по делу о сибирских сепаратистах, возникшему после обнаружения у одного из воспитанников Омского кадетского корпуса рукописного воззвания «Патриотам Сибири» (Дело об отделении Сибири от России 2002). Хотя Г.Н. Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» (Дело об отделении...: 178), областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии, в газете представлены не были. Г.Н. Потанин, еще находясь в Петербурге, в полемике с иркутским учителем Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, настаивал на том, чтобы основным направлением в нем стала идея автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же» (Письма

Г.Н. Потанина: № 13). На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России <...> по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний» (Дело об отделении...: 185). Н.М. Ядринцев раскаивался в увлечении идеей сепаратизма и отмечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего» (Дело об отделении...: 187). Не был развернут на страницах губернских ведомостей и один из самых острых вопросов областнической программы – инородческий (за исключением нескольких небольших публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения»).

В целом, проявления «сибирской идентичности» на страницах «Томских губернских ведомостей» не выходили за рамки идеи прогрессивного развития Сибири и не предполагали какой-либо оппозиционности по отношению к центральным и местным властям. Прогрессивное развитие Сибири описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствие» – «возможность» – «пробуждение» как прошлое – настоящее – будущее региона. Основная «указывающая» и руководящая роль в движении по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей. Своеобразной идеей-символом, служением которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, была идея сибирского университета.

В связи с подготовкой и празднованием в 1882 г. 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России процесс формирования образа Сибири на страницах периодической печати вновь актуализировался. Первое направление, исходившее от правительственных и консервативных кругов, транслировалось через официальные и проправительственные газеты, второе было представлено либеральной столичной и местной областнической журналистикой. К этому времени официальные губернские ведомости уже утратили свой монопольный характер. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь», перешедшая в 1875 г. под редакцию В.И. Вагина и М.В. Загоскина (выходила до 1887 г.). В 1881 г. в Томске П.И. Макушиным и А.В. Адриановым была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н.М. Ядринцев основал в

Петербурге первую бесцензурную газету «Восточное обозрение» (в 1888 г. перенесена в Иркутск).

В рамках правительственного консервативного дискурса главная роль принадлежала представителям верховной власти. Телеграмма Александра III, адресованная не сибирскому обществу, а восточно-сибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно, но при этом весьма неопределенно сообщала следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления – предметы Моих постоянных забот. Надеюсь, со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями» (ТГВ 1882: 16 дек.). Аналогичный текст был отправлен генерал-губернатору в Омск, что подчеркивало характер юбилея, как дела сугубо центральной и подчиняющейся ей местной власти. Характерно, что дата присоединения Сибири к России, которая по понятным причинам не могла быть точно определена, была привязана ко дню тезоименитства наследника престола, будущего Николая II – 6 декабря 1882 г. Таким образом, династический и общероссийский праздник становился для Сибири главенствующим, а трехсотлетний юбилей присоединения – второстепенным.

Сибирские власти поддерживали и развивали сходные идеи. Так, томский губернатор В.И. Мерцалов предлагал вовсе забыть все темное прошлое Сибири и начать отсчет ее будущего исторического времени с нового листа: «Много – и хорошего, и худого, пережила эта далекая страна в течение трех веков своего исторического существования; но все это было и “быльем поросло”! Нам, живущим теперь в Сибири, гораздо интереснее ближайшее будущее, чем далекое прошлое...» (обращает на себя внимание стремление губернатора ассоциировать себя с местным сибирским обществом, к которому он принадлежал лишь по причине исполнения им губернаторских обязанностей). Губернатор видел Россию по отношению к Сибири как отца, старшего брата, обладающего сакральной силой: «Мы с доверием можем обращать взоры в недалекое будущее и благословлять момент, когда Сибирь примкнула к могучему русскому колосу» (ТГВ 1882: 9 дек.). Правительственная версия образа Сибири как края, который в недалеком будущем будет обласкан милостями и заботами правительства, повторялась в многочисленных вернопод-

данных телеграммах с мест – от губернаторов и городских дум до сельских обществ. В действительности же министр внутренних дел Д.А. Толстой уведомил томскую городскую думу о неуместности подачи императору ходатайства о распространении на Сибирь реформ, дарованных России Александром II (ТГВ 1883: 17 февр.).

Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Е.В. Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смыслах (ТГВ № 48: 2 дек.). В практической реализации основных направлений этого слияния – переселенческом, судебном и вопросе о ссылке – первенство отдавалось не сибирскому обществу и местной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведущих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, то есть тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги.

На страницах столичных газет («Новое время», «Голос», «Московский телеграф») царские телеграммы патетически расценивались как «нечто небывалое в трехсотлетней истории Сибири», как «целая программа реформ». Обсуждалось даже введение временного чрезвычайного управления для Сибири в лице представителя правящей династии. Недостатки и неустройства в сибирском управлении и судопроизводстве определялись как имеющие частный характер. В сообщениях от научных обществ основная роль в колонизации, строительстве оборонительных линий, исследовании природных богатств отводилась государству. При этом для определения Сибири в пространстве вводились новые топонимы – зауральские колонии, восточная окраина, Азиатская Россия. Так, в речи вице-председателя Русского географического общества П.П. Семенова подчеркивалось, что в «течение трехсотлетнего обладания Сибирью, в отношении к заселению ее и водворению в ней культуры и гражданственности, Россия сделала все, что могла» (ТГВ 1883: 6 янв.).

«Восточное обозрение», издаваемое в 1882–1887 гг. Н.М. Ядринцевым в С.-Петербурге, представляло другой вариант развития Сибири. Газета выходила без предварительной цензуры и потому имела больше возможностей для изображения жизни российского

Востока в ее многообразных проявлениях. Текущая ситуация описывалась преимущественно как неблагоприятная – произвол и злоупотребления администрации, «поголовное невежество», «кругом господствуют безгласность и обман». При этом Сибирь как «новая неразвитая страна» могла, по мнению газеты, непосредственно, минуя Россию, сравниться с Европой и Америкой. Ведущее место в развитии Сибири отводилось не администрации, сделавшейся «прогрессивной» лишь по причине сохранения своих привилегий, а местной интеллигенции, которая характеризовалась как «друзья народа», «лучшие силы», «оплот против дурных инстинктов», «честные общественные элементы», «достойные руководители». Именно интеллигенция должна была способствовать перенесению в Сибирь общерусских преобразований и новых учреждений, прежде всего гласного суда и земского самоуправления. При этом, ввиду низкой грамотности городских и сельских обывателей, население должно было наделяться правом избирать своими представителями священников, учителей, врачей, которые выскажут «думы и затаенные желания» Сибири, то есть фактически местное самоуправление должно было оказаться под контролем сибирской интеллигенции. Силами, противостоящими «пробуждению Сибири», являлись представители нарождавшейся буржуазии – «хищники, стремящиеся доесть всю Сибирь», «царство кулаков и мироедов», «наезжие спекулянты», описываемые как торжествующие гонители. В поиске идеальных форм управления для Сибири на местном материале разыгрывалась уже известная в русской публицистике оппозиция «интеллигенция – буржуазия». Схематичные представления об общественном благе в сочетании с антибуржуазной риторикой обнаруживают идею общинного социализма («У Сибири в ее народном и общинном складе есть сокровища, которые она должна хранить не менее, чем сложившиеся общества хранят свои святыни»; «Земледельческая Сибирь есть образец культуры и залог гражданской жизни») и страх перед дальнейшим капиталистическим развитием («Промышленная Сибирь носит характер древнего хищнического хозяйства, в котором господствующую роль играют прииски, мироеды, пауки, спекулянты, здесь вместо промышленных производств процветают склады и кабаки» (Восточное обозрение 1882: 23 сент.; 9 дек; 16 дек; 23 дек; 1883: 6 янв.).

Таким образом, публикации в местной официальной периодической печати второй половины 50-х – 60-х гг. XIX в. положили начало формированию публичного дискурса, центральной проблемой которого являлись взаимоотношения центра и региона. Сибирская интеллигенция – ссыльная и местная – использовала эти издания для актуализации вопроса об историко-культурных, природно-климатических, антропологических и экономических особенностях края. Выдвинутый тезис о русско-сибирской общности подкреплялся как обращением к объективным историческим, этнографическим и географическим реалиям, определявшим особенности жизнедеятельности и духовного уклада сибиряков, так и обретал вид интеллектуального конструкта, который образовывался такими понятиями, как «реформы», «образование», «богатства сибирской природы», «особый тип сибиряка», «молодое сибирское поколение». Частная периодика Сибири (как и в России) приобретала характер параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами, оказывая тем самым влияние на самоидентификационные процессы в регионе.

Формы и смыслы репрезентации сибирской идентичности в общественно-политическом дискурсе начала XX в.

На рубеже XIX–XX вв. основные тенденции, наметившиеся в начальный период формирования сибирства, получили свое развитие. Общность двух этапов – вторая половина XIX в. и начало XX в. – определялась сходством теоретических оснований процесса конструирования региональной идентичности, заложенных идеологами областничества. В стремлении соединить сибирский патриотизм с общечеловеческими ценностями свободы и справедливости областники не ставили под сомнение государственную целостность России и были ориентированы на поиск оптимального сочетания общероссийских и региональных интересов. Свою задачу они видели в консолидации сибирского общества поверх социальных, словесных, религиозных и этнических границ, а позднее и границ между «старожилами» и «новоселами» (Ремнев 2011: 114–118).

Идеи областничества находили отклик у значительной части интеллигенции, предпринимателей, общественных деятелей, рефлексия которых по поводу различных проявлений неравноправия в отношениях центра и окраины имела своим логическим следствием осознание своей «сибирскости».

Вместе с тем, очередной этап в формировании сибирской идентичности был отмечен и определенным своеобразием. Новые оттенки в трактовке перспектив решения насущных проблем региона появились в связи с изданием 18 февраля 1905 г. Высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о привлечении «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Рескрипт был воспринят местной общественностью как сигнал о готовности верховной власти реагировать на запросы и ожидания населения страны в целом и Сибири, в частности. Созыв органа народного представительства ассоциировался с упразднением бюрократической системы управления, а общеполитические реформы расценивались как надежный фундамент обеспечения равноправия региона и развития институтов местного самоуправления. В результате в публичном дискурсе заметно возросла степень сопряженности региональных и общенациональных интересов.

Своеобразным стимулом для всплеска «регионализма» (понимаемого в данном случае как концентрация на проблемах региона и попытка консолидации населения территории для их решения) послужил рескрипт Николая II от 3 апреля 1905 г. на имя Иркутского генерал-губернатора П.И. Кутайсова, предписывавший приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений в Иркутском военном генерал-губернаторстве, Тобольской и Томской губерниях. При городских думах Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска, Енисейска, Минусинска, а также при общественных организациях в Томске, Иркутске, Красноярске были созданы комиссии по сбору материалов и подготовке проектов земской реформы. Считая плодотворную работу в этом направлении возможной лишь при условии, что «голос общества будет услышан», либерально и демократически настроенные деятели настаивали на необходимости привлечения к ней широких слоев населения путем организации общих собраний

представителей сельского и городского населения Сибири, проведения бесед и лекций по проблемам земского самоуправления, распространения популярных брошюр (Харусь 1998: 91–93).

В связи с начавшимися в стране процессами политической модернизации, повышением уровня социальных ожиданий и гражданской активности населения число акторов региональной идентичности заметно возросло. Вовлеченность в общественно-политический дискурс, формирующийся вокруг региональной проблематики, представителей местной администрации и органов городского самоуправления, общественных организаций и политических партий повлекла за собой расширение границ коммуникативного пространства для обсуждения судеб и перспектив края. Теперь уже не только на страницах периодических изданий, но и на собраниях различных общественных и политических организаций, на заседаниях городских дум и их комиссий шел живой обмен мнениями по вопросам, связанным с необходимостью обеспечения благоприятных условий для социально-экономического, политического, культурного развития региона. В числе приоритетов значились: введение портофранко в устьях Оби и Енисея и организация судоходства по северному морскому пути, отмена Челябинского тарифного перелома, введение земских учреждений и суда присяжных, отмена ссылки, открытие общеобразовательных и профессиональных учебных заведений.

Одним из симптомов актуализации региональной идентичности стало предложение о создании общесибирской думы в некоторых проектах земской реформы. С призывом объединиться в борьбе за создание «областного сибирского земства, Сибирской Думы» обратилась к общественности региона комиссия по разработке проекта земской реформы, созданная в Иркутске Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (Шиловский 1994: 10). В «Проекте основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», одобренном и утвержденном в мае 1905 г. объединенным советом шести обществ Томска (юридического, сельскохозяйственного, технического, попечения о начальном образовании, взаимопомощи учащихся и учивших, практических врачей), предлагалось выделить в структуре земских округов область, включив в ее состав всю территорию Сибири, в которой вводится земское управление

(Проект основных начал...: 310, 312). С созданием общесибирского земства местная общественность связывала «конец трехвекового угнетения края» и «начало новой жизни для обширной, богатой Сибирской области» (Жерновков 1907: 9–10). Предлагая в качестве необходимого элемента земской организации ежегодный съезд представителей всех губернских земств Сибири, И.И. Попов, автор одобренного иркутской городской думой проекта, видел назначение этого форума в обеспечении «единства и гармонии» для решения общих вопросов, касающихся всей Сибири (в частности, вопросов заселения Сибири, устройства путей сообщения общерегионального значения, организации центральных больниц, средних и высших специальных школ и т.п.) (РГАЛИ 1905: 8, 16).

В идее общесибирского земства, наделенного широкими правами местного самоуправления и представительства, нашли воплощение областнические настроения части интеллигенции и предпринимателей. Однако тональность этих настроений в 1905 г. несколько изменилась, поскольку фокус интересов инициативной общественности сместился в сторону разработки проектов модернизации политической системы в общегосударственном формате. Вопрос о введении земства стал рассматриваться исключительно в контексте перспектив переустройства государственного порядка. «Казалось, что общеполитическая реформа повлечет за собой и земскую реформу в Сибири. Сибирские нужды отступили на задний план, и земский вопрос терялся в общих государственных и правовых проблемах», – отмечал исследователь земского вопроса в Сибири М.И. Альтшуллер (1916: 95–96). По его мнению, земское течение не занимало преимущественного положения среди различных социальных движений в 1905 г., и к моменту издания Манифеста 17 октября оно явно пошло на спад. Подтверждением этой точки зрения служит и опубликованная в июле 1905 г. в газете «Сибирская жизнь» статья, в которой отмечалось, что известие о введении земства в Иркутской, Томской и Тобольской губерниях было встречено сибирским обществом довольно холодно. В условиях, когда «русское общество поставило на очередь вопрос о коренном преобразовании всего режима по принципу общественного вмешательства в ход государственных дел», либерально настроенные интеллектуалы Сибири сошлись во мнении, что этот вопрос «для установления новых государственных

ных устоев много интереснее вопроса о земстве, т.к. ...принцип общественного вмешательства в государственные дела уже включает... и принцип местного самоуправления» (Сибирская жизнь 1905: 7 июля). Объясняя охлаждение местной интеллигенции к вопросу о предстоящей земской реформе «круто изменившимися общественными перспективами», редакция газеты «Сибирская жизнь» отмечала: «Частная сибирская реформа бледнеет перед общей реформой внутренней жизни... Объем земской реформы в Сибири существенно зависит от изменения общих условий внутренней жизни» (Сибирская жизнь 1905: 10 июня). Таким образом, смещение акцентов в социально-политической повестке сибирского общества с собственной региональной проблематики объяснялось не отказом от идеи местного самоуправления, а убежденностью в том, что реализация этой идеи станет закономерным логическим следствием модернизации политической системы Российской империи.

Эта точка зрения получила широкое распространение в среде инициативной общественности региона. Редакция иркутской газеты «Восточное обозрение» предлагала рассматривать сибирский земский вопрос и общероссийские проблемы внутренней политики как две стороны одной медали (Восточное обозрение 1905: 24 июня). Красноярцы подчеркивали, что жизнеспособность и плодотворность сибирского земства непосредственно зависят от обеспечения гражданских свобод – свободы печати, слова, собраний и т.д. (Енисей 1905: 8 апр.). В Томском проекте положения о земских учреждениях возможности правильного функционирования этих учреждений также связывались с осуществлением политических свобод (Проект основных начал...: 316).

Региональная повестка оказалась прочно инкорпорированной в общероссийский контекст, что предполагало рассмотрение местных проблем в тесной взаимосвязи с проблемами страны в целом и поиск их решений с учетом государственных интересов. В программном документе Сибирского областного союза, принятом на учредительном съезде 28–29 августа 1905 г., были представлены положения, как касавшиеся специфических интересов Сибири, так и имевшие общероссийский формат. При этом утверждение о необходимости создания автономного сибирского представительного органа (областной думы) сопровождалось признанием Сибири неотде-

лимой частью России. В правовом контексте начала XX в. такой тезис воспринимался как лишенный автономистской направленности и отражавший исключительно идею введения местного самоуправления. «Основные положения Сибирского областного союза» стали платформой для создания своеобразного политического блока областников, либералов и эсеров, в котором нашло воплощение стремление общественности региона к созданию надклассового, надпартийного объединения, способного стать выразителем интересов всего местного населения. Осознание принадлежности к особой территориальной общности на этом этапе еще позволяло нивелировать идейно-политические приверженности и предпочтения местной инициативной общественности. «Областничество не партия, а союз партий, – заявлял в августе 1905 г. Г.Н. Потанин. – Как вопрос о переустройстве всего государства примиряет все партии в государстве, так и при обсуждении судеб области все партии должны объединиться» (Шиловский 1995: 75). Однако этот блок просуществовал очень непродолжительное время – до ноября 1905 г. (Шиловский 2012: 96–101).

Создание общероссийского представительного органа, активизировавшиеся в связи с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. процессы идейно-политической идентификации и партийного строительства, политизация настроений различных слоев населения, надежды на законодательные реформы в государственном масштабе – все эти обстоятельства на некоторое время оттеснили сибирскую идентичность на периферию общественного сознания. Однако и в этой ситуации идея областной автономии сохраняла свою привлекательность для многих представителей местной интеллигенции, общественных деятелей, предпринимателей. «Отдаленность Сибири от центра государственной жизни России, ее географические и этнографические особенности выдвигают на очередь вопрос о децентрализации законодательства для Сибири», – отмечалось осенью 1905 г. в программной статье газеты красноярских кадетов (Голос Сибири 1905: 20 нояб.).

По мере же угасания надежд на модернизацию государственного устройства России в сколько-нибудь обозримой перспективе наметился явный ренессанс областнических настроений. Один из наиболее ярких политических деятелей Сибири, лидер левого крыла каде-

тов Н.В. Некрасов писал в 1912 г.: «Действительная, планомерная работа над всеми подробностями культурной и экономической жизни такого обширного края, как Сибирь, не может быть осуществлена из центра; единственное целесообразное решение может быть построено на принципе широкой децентрализации, на выделении вопросов местного законодательства в сферу компетенции областных учреждений» (1912: 111). При этом имелись в виду не «малокомпетентные губернские земские учреждения», а «более могущественная Областная дума», которая была призвана разгрузить Государственную думу и Государственный Совет от «вермишельного законодательства» и, вместе с тем, обеспечить учет интересов окраины (Сибирская жизнь 1912: 26 сент.).

Заявление Н.В. Некрасова о том, что «государственно-правовой взгляд на областные вопросы, предвидящий их решение путем логического и последовательного проведения принципов децентрализации, делается почти общим для сибирской интеллигенции» (Сибирская жизнь 1913:19 окт.), позволяет, по меньшей мере, предположить, что он был не одинок в своих убеждениях. При этом большинство общественных деятелей воспринимали идею областной автономии Сибири как естественное развитие понятного и близкого для широких кругов населения лозунга равноправия региона (Некрасов 1912: 113).

Смещение акцентов с социально-экономических проблем на задачи создания новой государственно-правовой организации стало одним из характерных симптомов корректировки областнических идей в неолиберальном дискурсе. Сомнения по поводу возможности «построить областническую программу на указанном Г. Потаниным комплексе чисто экономических вопросов» либеральная пресса высказывала уже в 1905 г., ссылаясь на то, что «в обществе, разбитом на классы, именно экономические интересы вносят борьбу и разделение и мешают области выступить как единое целое» (Восточное обозрение 1905: 10 авг.). Выступая в сентябре 1912 г. в Томске с лекцией «Сибирь и законодательные учреждения», Н.В. Некрасов заявил: «Областничество в той его форме, как это представлялось духовным отцам областнической идеи, теперь потеряло реальные основания... Экономические отношения нашего времени свидетельствуют о противоречивости интересов отдельных областей. Теперь

говорить о Сибири, как о цельной, однородной области, не приходится. Но ...интересы Сибири диктуют децентрализацию законодательства» (Сибирская жизнь 1912: 26 сент.).

Осознание невозможности использования экономических интересов и мотивов в качестве сколько-нибудь прочной основы для формирования общности по территориальному принципу в условиях социальной поляризации обусловило выдвижение на первый план проблемы политического равноправия Сибири с Европейской Россией. Одновременно наметились и новые нюансы в обосновании необходимости решения этой проблемы, связанные с использованием в качестве главного аргумента ссылки на интересы развития и укрепления российской государственности.

Разъясняя свою позицию по вопросу о сибирской автономии, Н.В. Некрасов заявлял: «Для меня автономия Сибири есть один из крупных шагов к правильному разрешению всей государственной проблемы России, как государства, по своим размерам и составу не допускающего централизованного управления» (Сибирская жизнь 1912: 25 сент.). В таком контексте требование политического равноправия Сибири с Европейской Россией звучало как продиктованное «здоровой идеей государственности», поскольку «нет более разлагающей государство политики, как политика предпочтения одной части государства перед другой» (Сибирская жизнь 1912: 26 сент.).

Государственнический подход к решению региональных проблем стал доминирующим в среде либерально настроенной общественности и автоматически исключал возможность каких бы то ни было проявлений политического сепаратизма. Газета «Голос Сибири» подчеркивала: «...не об отторжении от общего государства – России хлопочут лучшие представители окраин, а об усилении империи поднятием местного благосостояния всеми силами своих свободных граждан» (Голос Сибири 1905: 24 нояб.).

Выступая на заседании Государственной думы в марте 1909 г., депутат от Енисейской губернии В.А. Караулов по поручению сибирской парламентской группы сделал следующее заявление: «Мы не заражены никаким сепаратизмом. Сибирское население и его представители в Думе мыслят о Сибири как о нераздельной части Российской империи и потому не могут допустить даже противопоставления общегосударственных интересов интересам сибирским»

(Речь 1909: 13 марта). Действительно, на страницах периодических изданий, на собраниях местных отделов политических партий и инициативных групп общественности в числе первоочередных задач сибирских депутатов в Думе неизменно называлось не только создание благоприятных условий для развития региона, но и осуществление реформ государственного строя.

Организационной формой парламентской деятельности по решению специфических проблем региона стала «сибирская группа прогрессивных депутатов», идея создания которой возникла в I Государственной думе и была реализована в Думах трех последующих созывов. Концентрация внимания правительственных кругов почти исключительно на проблемах центра порождала у сибиряков вполне естественное стремление к преодолению этого дисбаланса интересов с помощью инициирования региональных реформ. Особое внимание, которое депутаты региона уделяли вопросам землеустройства, введения земства и суда присяжных в Сибири, порто-франко в устьях сибирских рек, являлось показателем того, что они соотносили себя с интересами территории и в представительстве их видели одну из важнейших задач своей деятельности в Государственной думе. Однако это обстоятельство не стало препятствием для активного участия в обсуждении общегосударственных проблем и в разработке законопроектов для их решения (Харусь 2015).

Поднимая в Государственной думе вопросы, связанные с созданием благоприятных условий для политического, социально-экономического, культурного развития края, сибиряки не предполагали предоставления региону каких-либо исключительных преференций. Предлагавшиеся ими решения не только не противоречили интересам страны в целом, но и призваны были способствовать формированию единого политического, социокультурного и экономического пространства за счет устранения дискриминации в отношении Сибири и обеспечения её равноправного статуса в составе России.

Кроме того, участие в деятельности сибирской парламентской группы представителей различных политических течений (в разное время в состав группы наряду с беспартийными входили октябристы, кадеты, трудовики, народные социалисты, эсеры, социал-демократы) открывало возможности для приобретения опыта меж-

партийного взаимодействия, достижения консенсуса по социально значимым вопросам. В этом контексте опыт сибирских депутатов Государственной думы в начале XX в. приобретает особое значение, демонстрируя потенциал региональной идентичности в качестве ресурса формирования общероссийской идентичности, позволяющего обеспечивать баланс разнонаправленных партийно-политических ориентаций и устремлений.

Не предполагали противопоставления интересов региона интересам страны и предпринимавшиеся либерально настроенными общественными и политическими акторами попытки консолидации населения Сибири по территориальному принципу в годы Первой мировой войны. Общим фоном для актуализации региональной идентичности в 1914 г. стал всплеск «местного патриотизма», отражавшего патриотический пафос начального периода войны и продиктованного стремлением общественности Сибири подчеркнуть свою готовность внести вклад в обеспечение победы, несмотря на удаленность от театра военных действий. В этих условиях, с одной стороны, региональная идентичность стала одним из значимых факторов возникновения новых форм общественной деятельности в Сибири, с другой стороны, именно в процессе их создания и последующей деятельности ранее сформированная региональная идентичность актуализировалась.

Идея создания особой сибирской организации «помощи раненым», озвученная на первом съезде Всероссийского союза городов (ВСГ) в сентябре 1914 г., стала одним из первых симптомов актуализации региональной идентичности. 28 сентября 1914 г. сибирские депутаты Государственной думы, члены Государственного Совета, представители «Общества изучения Сибири» и «Общества содействия учащимся-сибирякам в Петербурге» на квартире депутата Государственной думы от Енисейской губернии С.В. Востротина провели организационное собрание «Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны» (Сибиртета) (Мосина 1978:132).

С целью формирования местных отделов члены созданного на организационном собрании комитета общества выехали в Сибирь. Предпринятые усилия увенчались успехом. По свидетельствам местной периодической печати, идея образования Сибирского об-

щества повсеместно встречала сочувственное отношение. Уже в 1914 г. Сибиртет имел 14 отделов, к 1 октября 1915 г. – 34 (Мосина 1978: 133–135), а в августе 1916 г. – 52 (Сибирская мысль 1916: 24 авг.).

Быстрое превращение Сибиртета в довольно крупную организацию объяснялось тем, что именно с его деятельностью в первую очередь местные предприниматели и интеллигенция связывали возможности обоснования реальной значимости региона в решении общегосударственных проблем и необходимости пересмотра социально-экономического и политического правительственного курса в отношении Сибири. Показательны формулировки, которые организаторы местных отделов использовали для обозначения миссии Сибиртета. Прибывший в Сибирь с миссией организации отделов Сибиртета Е.Л. Зубашев в беседе с сотрудником газеты «Сибирская жизнь» определил предназначение общества следующим образом: «Выявить в общей, огромной, кипучей деятельности Отечества в эту тяжелую годину имя Сибири, объединить работы и жертвы окраины под лозунгом... “Сибирь идет” – вот та большая задача, которая стоит перед Сибирским обществом для подачи помощи раненым» (Сибирская жизнь 1914: 8 нояб.). В свою очередь, С.В. Востротин, призывая сибиряков к активной работе в Сибиртете, подчеркивал, что «инициатива, энергия и гражданская отзывчивость» позволят обратить внимание правительства на сознательность всего населения Сибири и полную подготовленность к реформам (в частности, земской и городской) (Сибирская жизнь 1914: 17 дек.).

Создание и деятельность Сибиртета были не единственным примером проявления стремления местной общественности к конструированию региональной идентичности в условиях Первой мировой войны. Симптомы актуализации региональной идентичности нашли отражение и в ряде других общественно-политических практик этого времени. Задачу консолидации общественных сил региона ставили перед собой организаторы состоявшегося в Омске в апреле 1915 г. съезда представителей городов Западной Сибири, на котором была принята резолюция об образовании Западносибирской областной организации ВСГ (ГАТО Ф.127: 377; ГАОО Ф. 270 1915–1916: 7–9). В апреле 1916 г. состоялся первый областной съезд представителей городов Восточной Сибири, инициаторы созыва которо-

го, по словам Е.Л. Зубашева, преследовали цель «сплочения разнородных по своим общественно-политическим взглядам элементов» (Сибирская жизнь 1916: 30 апр.). Предназначение областной организации сибирских городов, «этого первого фундамента сибирской общественности», по словам депутата IV Государственной думы от Енисейской губернии С.В. Востротина, представлявшего на съезде ЦК ВСГ и Сибиртет, должно было заключаться, прежде всего, в выяснении насущных нужд Сибири и подготовке необходимых материалов для проведения тех или иных мероприятий в законодательных учреждениях (Сибирская мысль 1916: 22 апр.). В целом, не предполагая противопоставления общегосударственным интересам и в полной мере разделяя лозунг «Всё для войны, всё для победы» как важнейший для граждан России, либерально настроенные делегаты съезда в своих выступлениях акцентировали значимость объединения общественности региона для решения целого комплекса его специфических проблем: экономических, правовых, социальных, культурных.

Приняв резолюцию об образовании областной организации городов Восточной Сибири и признав целесообразным «по местным условиям» создание на огромной территории Сибири нескольких областных организаций, съезд, вместе с тем, высказался и за формирование общесибирской организации «в целях объединения работ, касающихся в одинаковой степени всех районов Сибири». Создание этой организации должно было стать предметом обсуждения съезда городов всего региона, созыв которого провозглашался ближайшей задачей. В стремлении к децентрализации в объединении городов вполне определенно прослеживались областнические, но отнюдь не сепаратистские тенденции. Резолюция по вопросу об образовании областных организаций однозначно определяла их статус в качестве составных частей ВСГ (ГАНИИО 1916: 4).

В деятельности Сибиртета и областных союзов городов, с одной стороны, нашла свое отражение попытка воплотить на практике провозглашенный Н.В. Некрасовым в 1912 г. лозунг «Местные дела – местным людям» в качестве основного для Сибири (Сибирская жизнь 1912: 26 сент.). С другой стороны, ярко проявилось стремление их организаторов сформировать региональную общность поверх социальных, национальных и партийно-политических границ для

решения насущных проблем Сибири. Привлечению к деятельности вновь созданных организаций представителей различных социальных групп и слоев, людей с различными политическими воззрениями и предпочтениями придавалось особое значение (Харусь 2014: № 1; 2014: № 33).

Идеологическое наполнение формировавшейся в результате усилий инициативной общественности системы горизонтальных связей определялось осознанием специфики политических, экономических, социальных условий Сибири, стремлением дать сигнал центру в связи с явным игнорированием интересов региона и привлечь внимание властей к решению его проблем для обеспечения равноправного статуса Сибири в Российской империи. При этом процесс конструирования региональной идентичности не вступал в конфликт с ярко выраженной общероссийской идентичностью его инициаторов. Более того, их гражданская идентичность являлась доминирующей, а действия по формированию региональной общности имели скорее инструментальное значение, будучи нацеленными на решение не только специфических локальных проблем региона, но и проблем общественного переустройства в государственном масштабе. Показательно в этом отношении активное обсуждение на учредительных съездах областных союзов вопросов, связанных с реформой городского самоуправления в стране, демократизацией процедуры выборов в земство, организацией противодействия попыткам разжигания национальной розни в России, введением ответственного министерства (ГАОО 1915–1916: 23; ГАНИИО 1916: 10).

Будучи направленным на акцентирование специфических особенностей региона, процесс конструирования сибирской идентичности имел своей целью создание благоприятных условий для его развития в качестве неотъемлемой составной части страны.

Вместе с тем, сама по себе постановка на областных съездах вопроса о необходимости социально-экономических и политических реформ в общероссийском масштабе свидетельствовала о появлении тенденции к политизации форм и способов репрезентации региональной идентичности. По мере обострения общенационального кризиса в стране всё более явственно обнаруживались наметившиеся особенности процесса конструирования региональной идентич-

ности, связанные с расширением его рамок и выходом из сферы повседневности в пространство публичной политики.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, объясняя необходимость создания новых организаций в первую очередь потребностями военного времени, их руководители фактически изначально намеревались придать им статус постоянно действующих структур, представляющих и отстаивающих специфические интересы региона. Представители инициативной общественности Сибири считали своим долгом добиваться расширения сферы деятельности ВСГ и продления его полномочий на послевоенный период, связывая с функционированием областных союзов долгосрочные перспективы развития региона. В первом пункте принятой на съезде городов Восточной Сибири резолюции по вопросу об образовании областной организации констатировалось: «Всероссийский союз городов... является общественно необходимой организацией и в условиях мирного времени, объединяющей города в целях наиболее планомерного и лучшего удовлетворения местных городских нужд, улучшения городских финансов и пр.» (ГАНИИО 1916: 4). В новый устав Сибиртета, утвержденный в марте 1915 г., не было включено положение об ограничении деятельности общества периодом войны (Мосина 1978: 134), что позволяло рассчитывать на использование его в качестве центра консолидации сил местной общественности и в послевоенный период.

С падением российской монархии перед сибирской общественностью открылись новые возможности для перехода от теоретической работы к практической деятельности по распространению идей сибирского регионализма (идентичности) в широких слоях населения и борьбы за политическую автономию края. Идея автономии Сибири и созыва областной думы выдвигалась даже людьми и организациями, никогда не имевшими ничего общего с областничеством. Симптоматично, что, готовясь к демонстрации 10 марта 1917 г., посвященной победе революции, сотрудники кредитного товарищества в Барнауле заявили, что «не худо бы продемонстрировать среди других выдвинутых революцией лозунгов и лозунг автономии Сибири». Решили также изобразить этот лозунг не на красном, а на бело-зеленом флаге, как это было сделано еще в 1880-х гг. ядринцевским кружком в Петербурге при устройстве первого вечера

в пользу учащихся. С тех пор белый и зеленый цвета признавались «сибирскими» цветами (Шиловский 2003: 60).

Идея областной автономии получила признание и поддержку со стороны многих политических акторов – областников, кадетов, эсеров, национальных лидеров. Общесибирский съезд партии «Народной свободы», проходивший в Томске 30 апреля – 2 мая 1917 г., высказался за предоставление Сибири самоуправления (автономии) и за передачу местного законодательства Сибирской Областной Думе (Съезды: 28). 10 мая 1917 г. Томское губернское собрание, орган губернского представительства, созданный после Февральской революции в Томске (в других региональных центрах края таких структур не возникло), большинство в котором принадлежало эсерам, по докладу областника М.Б. Шатилова также поддержало идею организации областного самоуправления (автономии): «Сибирь, ввиду своей географической обособленности от Европейской России, ввиду своей обширности и совершенно особенных этнографических, климатических и некоторых других местных условий, должна получить право самого широкого самоуправления, *не нарушая своей органической связи с Российской республикой* (курсив наш. – Авт.), Сибирь должна иметь свою всесибирскую Областную думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири; в общегосударственных же вопросах Сибирь будет подчиняться общероссийским законам», и постановило созвать в самое ближайшее время в Томске общесибирский областной съезд (Протоколы 1917:143).

«Цитаделью областничества» в революционные годы стал Томск. По словам иркутского областника И.И. Серебренникова, это произошло во многом благодаря «духовному влиянию» Г.Н. Потанина, который жил в это время в Томске (Серебренников 1937: 47). Проходившие в Томске в августе, октябре и декабре 1917 г. областные съезды провозгласили автономию Сибири и создали региональные органы власти: законодательный – Сибирскую областную думу, и исполнительный – Сибирский областной совет. И на съездах, и в Думе многие делегаты на вопрос в анкетах о национальности называли себя «сибиряками» как основной либо второй самоидентификации. Так, число назвавших себя сибиряками на съезде в октябре составило треть делегатов – 59 человек из 162 (ГАТО: 17–18).

Провозглашенные этими съездами программные установки представляли собой синтез воззрений областников-«автономистов» и областников-«централистов»¹, включая эсеровские подходы: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России,

¹ До 1917 г. в областничестве существовало два течения. Первое («автономисты») во главе с Г.Н. Потаниным исходило из общих для всей Сибири – от Урала до Тихого океана – «экономических и культурных интересов без национальной подкладки», отстаивая необходимость автономии Сибири и «общего законодательного корпуса для всей Сибири» – сибирской областной думы – с подчинением ей «инородческих учреждений, снабженных сравнительно с общей сибирской думой ограниченной законодательной властью». По мнению «автономистов», интересы инородцев будут лучше обеспечены, если над ними будут наблюдать две думы – государственная и областная. Учреждение сибирской думы для инородцев, считали они, выгодно потому, что в Государственной думе трудно устроить представительство всех мелких сибирских племен, тогда как в областной думе могут быть представлены и немногочисленные вымирающие племена, отличающиеся своеобразными условиями жизни и нуждающиеся «в неотложном рассмотрении их нужд под страхом скорого исчезновения». В тех случаях, когда интересы инородцев в сибирской думе столкнутся с интересами русских, инородцы будут иметь возможность апеллировать к центральной думе, используя в своих интересах противоречия между метрополией и колонией. Предполагалось, что интересы инородческих племен могут и должны быть обеспечены учреждением для каждой из них одной общей думы. Так, все бурятские «ведомства» и «степные думы» должны быть объединены одной общей бурятской думой; киргизы должны получить свою думу; алтайские дючины, рассеянные как в Бийском, так и в Кузнецком уездах, должны слиться в лице одной алтайской думы (Потанин: 260–262, 285.) Таким образом, в выстроенной областниками-«автономистами» «юридической конструкции» на первый план выдвигались «общие бытовые особенности Сибири, вызывающие необходимость особого законодательства, особого законодательного учреждения» (Некрасов: 112). «Централисты», которые, в отличие от «автономистов», признавали наличие «бытовых особенностей, дающих право на автономные законодательные учреждения лишь у инородческого населения Сибири, отвергали необходимость общесибирского законодательного органа и предлагали организовать законодательные учреждения только для крупных коренных этносов (Потанин 1908: 260–261). Предложения «автономистов», как верно отмечал томский кадет Н.В. Некрасов, сторонник автономии Сибири, будущий министр Временного правительства, строились на принципе территориальной (иначе – областной) автономии, дополненной некоторыми элементами национальной автономии. В основу построений «централистов» была положена идеология национальной автономии как таковой (Некрасов: 112).

обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной автономии национальным меньшинствам и «нациям без территории» (т.е. не имеющим компактной территории расселения) (Нам 2009: 175–161; 229–237). Лозунги областников послужили основой для формирования «сибирского блока» во главе с эсерами, сформировавшими правительственные структуры на востоке России (Временное правительство автономной Сибири, Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство). В январе 1918 г. начал работать региональный парламент – Сибирская областная дума, в августе – сентябре работала вторая сессия Сибоблдумы.

Областническая идея объединила областников, эсеров, народных социалистов, часть меньшевиков, земцев, кооператоров, национальную элиту при ведущей роли эсеров. Вплоть до декабря 1917 г. лозунг автономии Сибири, т.е. передачи местного самоуправления городским и земским самоуправлениям, а местного законодательства – Сибирской областной думе, поддерживался либералами, поскольку не противоречил общегосударственным интересам. Но после Чрезвычайного областного съезда, к участию в котором цензовые элементы не были допущены, кадеты отходят от поддержки автономии и вступают в оппозицию к эсерам.

В конце 1918 г. с созданием Директории и роспуском областных правительств и Сибирской областной думы «антибольшевистский проект» приобрел черты национально-российские, практически полностью вытеснив сибирскую идентификацию. С установлением власти А.В. Колчака значительная часть областников (Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, И.И. Серебренников и др.) полностью прекратила обсуждение вопроса об автономии Сибири. И.И. Серебренников писал по этому поводу: «Нельзя было идти на Москву с областническими лозунгами. Нельзя было вести борьбу с Советской властью, избегая всероссийских задач...» (цит. по: Кожевников 1999: 19). Другие (В.М. Крутовский, Г.Б. Патушинский, Н.Н. Козьмин) по-прежнему настаивали на реализации областнических идей, выступая в оппозиции правительству Колчака. В начале июля 1919 г. была обнародована декларация иркутской группы областников «Чего должны добиваться сибирские областники-автономисты», в которой

наряду с признанием, что «переходной формой российской власти» до созыва Национального учредительного собрания должна оставаться «обладающая всей полнотой власти Верховная Государственная власть, осуществляемая Верховным Правительством», ставился перед этой властью вопрос о создании сибирского областного управления с «законосовещательным органом по местным вопросам». Одновременно признавалось право предоставления «провинциальной автономии» тем народам, которые «пришли уже к осознанию общности своих интересов и имеют налицо культурные силы, способные организовать управление и заведывание собственными нуждами и пользами», – бурятам, киргизам (казахам), якутам, алтайцам и татарам (Нам 2011: 136–137).

Последняя из установленных исследователями попыток поставить вопрос об автономии Сибири была связана с работой подкомиссии Н.Н. Козьмина в составе комиссии, созданной для подготовки положения о выборах в Национальное собрание, возглавляемой А.С. Белецким-Белорусовым. Суть предложений Н.Н. Козьмина, которому поручалось проработать вопрос о сибирском областном представительном органе, состояла в учреждении, наряду с генерал-губернатором, представляющим центральную власть, Сибирской областной думы и Сибирского областного совета. Проектом Кузьмина предусматривалось также создание Совета туземных дел, деятельность которого должна была быть направлена на развитие просвещения и экономического благосостояния «туземных племен». За туземными племенами признавалось право «передать в ведение своих организаций все дела, относящиеся к их вере, языку и просвещению». Территории, занимаемые туземными племенами, выделялись, «по возможности, в самостоятельные земские единицы, обладающие всеми полномочиями, какими обладают соответствующие земства» (ГАРФ: 27об.).

После поражения антибольшевистских движений сибирские областники уже в эмиграции продолжали разрабатывать идею автономии Сибири вплоть до начала 1930-х гг. Примечательно, что во всех их разработках отвергался сепаратизм. «Мы, сибиряки, – подчеркивал И.К. Окулич, – неоднократно указывали, что ни о каком отделении от России мы не думаем, считаем себя русскими людьми, самоотверженности не сочувствуем, но определенно желаем быть хозяе-

вами у себя на родине в Сибири». Во всех проектах перечень полномочий органов регионального самоуправления совпадал с предложениями, которые были сформулированы областниками еще в 1905 г. Различными в них были лишь подходы к организации общесибирских органов управления. Так, И.К. Окулич предлагал взять за основу автономного устройства Сибири федеральную систему США, а И.А. Якушев и И.И. Серебренников выдвигали модель парламентской республики во главе с Сибирской областной думой и ответственным перед ней Кабинетом министров (Шиловский 1995: 120–121).

Новый образ региона в составе СССР – «Советская Сибирь», «Сибирь социалистическая» – в соответствии с советскими идеологиями не нуждался в прежних «разработчиках» и конструировался на основе дискредитации автономистских устремлений и особенности сибирского региона. Но сохранение традиционных отношений между центральной властью и регионами не могло полностью вытеснить из общественного сознания национальные и региональные идентичности. Не решила этой задачи и концепция формирования новой советской идентичности. Уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг., как и столетие назад, обнаруживают себя экономические, социальные и политические проявления сибирской идентичности, которые явно не укладывались в советские рамки «сибирского характера».

«Ренессанс» сибирства на рубеже XX–XXI вв. Интерпретационные версии сибирской идентичности в Интернет-пространстве

Очередной виток актуализации сибирской идентичности пришелся на конец XX – начало XXI в. Распад СССР и общности «советский народ» привел к разрушению устоявшихся и привычных форм социальных взаимодействий, в результате чего резко возрос интерес к этническим и территориальным формам идентичности, которые начали восприниматься как противовес и даже замена общегражданской идентичности. Формирование в ходе реформ 1990-х гг. новых социальных и политических институтов, структурная перестройка экономики повлекли за собой изменения в системе миро-

воззренческих ориентиров, ценностей значительной части населения, повлияв и на соотношение различных векторов идентичности в обществе. Ключевым фактором их развития, как и в начале столетия, являлась проблема взаимодействия центра и регионов. Средства, заработанные наиболее развитыми областями – Уралом и Поволжьем, а также сверхдоходы нефтедобывающих территорий Западной Сибири уходили в федеральную казну, в регионы же возвращалась лишь малая часть, слабо связанная с результатами их производственной деятельности.

Импульс возрождению сибирского регионализма был дан реформой политической системы в СССР – переходом власти от КПСС к Советам народных депутатов, избираемых на альтернативной основе. Очевидные признаки возрождения интереса к идеям сибирского областничества обозначились в 1989 г. на волне подъема общественной активности населения. Так, на праздновании 72-й годовщины Октября в Омске было поднято бело-зеленое знамя с черной траурной лентой и прозвучал призыв «Даешь деколонизацию Сибири» (Новиков 1992: 77). 26 ноября Томским народным движением (ТНД), на следующий день после своего образования, был организован митинг, проходивший под лозунгом «Свободу Сибири – самой большой колонии в мире». Над рядами его участников развевались бело-зеленые стяги (Пресс-бюллетень). В программе ТНД нашли отражение идеи сибирского областничества, традиционно сильные в Томске (Величко: 16).

В конце этого года по инициативе Союза содействия революционной перестройке в Томске был создан комитет «Сибирь», поставивший своей целью создание суверенной Конфедерации Сибирских земель с общей валютой и рынком (Голос труда 1990: 19 апр.) Идея конфедерации казалась более перспективной, чем создание единой Сибирской Республики, учитывая особенности, сложившиеся у каждой административно-территориальной единицы. Конфедерация первоначально виделась в составе Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской и Читинской областей. Предлагалось уже в мае, в период планируемых на это время Потанинских чтений, создать координационный совет, который смог бы «организационно оформить Движение за независимость Сибири с привлечением к этой работе

депутатов демократического крыла». В самиздатской газете «Томская трибуна», которая издавалась Томским народным движением, был опубликован проект документа «Этапы формирования Конфедерации Сибирских Земель» (Томская трибуна 1990: 24 мая).

Идея создания конфедерации сибирских земель была поддержана Томским народным движением, собравшимся 25 мая на свою третью конференцию. Координационному совету ТНД поручалось принять участие в подготовке и проведении учредительной конференции движения «Сибирь» и войти в состав движения. Было принято обращение к сибирским народным депутатам с призывом открыть широкую дискуссию о средствах и способах защиты политических, экономических, социальных, экологических и культурных интересов Сибири и сформировать депутатскую группу с целью организовать деятельность по созданию конфедерации сибирских земель (Томская трибуна: 12 июня; Народная трибуна 1990: 14 июня).

В этом же номере газеты «Народная трибуна» предлагался другой, «советский», вариант объединения Сибири – через созыв сибирской депутатской конференции и создание ассоциации депутатов местных советов. Ее задачей должна была стать подготовка сибирского съезда Советов и предложений к созданию сибирских депутатских комиссий. Предлагалось так организовать работу, чтобы после научной конференции, посвященной Г.Н. Потанину, провести последовательно съезд народов и землячеств Сибири, конференцию движения «Сибирь» и форум депутатов советов. Для сотрудничества этих групп признавалось необходимым создать в городах и селах Сибири комитеты «Сибирь».

Потанинские чтения, проходившие 29–30 июня 1990 г. в Томском госуниверситете, были организованы по инициативе Томского краеведческого музея, Вольного гуманитарного семинара и Научной библиотеки ТГУ. В чтениях приняли участие ученые, писатели, краеведы Москвы, Томска и многих городов Урала и Сибири. Такой широкий интерес объяснялся тем, что, как было сказано в резолюции, «...применение многих положений областнической доктрины может оказаться весьма плодотворным для преодоления кризиса не только в Сибири, но и в России (экономическая самостоятельность региона, политическая самодеятельность людей, возрождение национальных культур)». Был намечен ряд мероприятий, направленных

на увековечение памяти Г.Н. Потанина и других областников – Н.М. Ядринцева, А.В. Адрианова, В.М. Крутовского (Народная трибуна 1990: 5 июля).

Сразу после окончания чтений 1 июля 1990 г. была проведена учредительная конференция по созданию «Союза объединения Сибири». В ней приняли участие представители 15 общественных организаций Томска, Новосибирска, Кемерово, Тюмени, Новокузнецка, Ачинска, Красноярска разных политических ориентаций. В декларации, принятой конференцией, целью создаваемого Союза объявлялось устранение «фактического колониального положения» Сибири в экономическом, политическом и культурном отношениях. Учредители Союза поставили своими задачами: «добиваться суверенитета Сибири и создания действенных органов общесибирского самоуправления ... на основе качественного обновления местных Советов и в условиях реальной многопартийности»; формировать общесибирский рынок на основе приватизации предприятий, ускоренного развития собственных перерабатывающих отраслей в промышленности, выбора крестьянами формы собственности; возродить культуру народов Сибири» (Народная трибуна: 12 июля; Межрегиональные организации).

На основе этого общественного движения в 1990 г. в Томске образовалась Партия независимости Сибири (ПНС) по инициативе немногочисленной группы писателей и политиков во главе с депутатом областного совета Борисом Перовым. Новые сибирские «сепаратисты» предлагали принять Декларацию независимости Сибири и признать ПНС «высшим органом государственной власти в Сибири на переходный период». Основные положения «Декларации Сибирской независимости» включали: провозглашение самостоятельной Сибирской республики; запрет иностранного участия в освоении природных ресурсов края, запрет приватизации; депортацию из Сибири всех заключенных и ссыльных, возмещение Сибири ущерба, нанесенного «империей», и др. (Малышев 2005). Распространением идей сибирской идентичности и создания Сибирской республики занимались и другие движения и партии – Сибирская республиканская партия, Союз возрождения Сибири, комитет «Сибирь» в Омске, движение «Сибирь» в Тюмени и др. (Малышев 2005). Когда обсуждался вопрос о проведении референдумов о сохранении СССР и об

учреждении в России института президенства, ПНС и Комитет «Сибирь» в Томске выступили с предложением провести одновременно опрос населения области, касающийся самых острых проблем, включая вопрос о целесообразности образования сибирской суверенной республики как государственно-правовой формы защиты интересов населения, проживающего на ее территории, и ее ресурсов. Но президиум Томского областного совета 26 февраля 1991 г. отклонил эти предложения (Красное знамя 1991: 12 марта). 28 апреля 1992 г. Б. Перов заявил на заседании Томского областного совета, что сибирский народ имеет полное право упразднить «колониальные структуры власти» и что ПНС готова поддержать любые акции гражданского неповиновения, направленные против российских «приказчиков», по вине которых «все, кому не лень, расхищают народное добро» (Ратибор). В середине 1992 г. Б. Перов заявил, что ПНС заканчивает агитационный этап борьбы за независимость Сибири и формирует организационный комитет съезда народов Сибири (Партия заканчивает агитацию...).

Партия независимости Сибири, представлявшая собой самый радикальный вариант возрождения «сибирской идеи», не имела официальной регистрации, ее руководители считали невозможным делать это в структурах власти, которые партия «собирается упразднить». Количество ее членов неизвестно, так как надобности в таких подсчетах, по мнению Перова, не возникало. Но по некоторым оценкам, в Томске активных ее членов было 80 человек, а по Сибири – около 1,5 тыс. (Партия заканчивает агитацию...). Скорее всего, эти данные преувеличены и отражают лишь количество сочувствующих идеям ПНС. В начале 1993 г. ПНС заявила о самороспуске. Б. Перов объяснял это решение тем, что «в последнее время в партию изъявили желание вступить слишком много коммерческих и властных структур, в то время как «независимцы» не заинтересованы в расширении своих рядов за счет этой категории граждан» (Перов).

Идеи сибирского необластничества на рубеже 1980–1990-х гг. распространялись преимущественно через независимую региональную периодическую печать. Ведущую роль в их реанимации и распространении регионалистских взглядов и настроений играла «Сибирская газета», выходившая в Новосибирске с декабря 1989 г. до

1998 г.¹ Газета публикует серию статей, посвященных возвращению из небытия идей и опыта сибирского областничества начала XX в.: «Есть желание рассказать подробно о каждом участнике движения за самостоятельное культурное и экономическое развитие Сибири во второй половине XIX века, представителях формирующейся национальной интеллигенции, показать их догадки и предвидения. Возможно, они пригодятся нам и сегодня» (Добрынина 1990). Публикации статьи Г.Н. Потанина «Областничество и диктатура пролетариата» были предпосланы строки, следующим образом объясняющие обращение к истории и идеям областничества: «Идеи сибирского областничества не подлежат механическому заимствованию и переносу на сегодняшнюю вздыбленную почву, и это так же верно, как и то, что обойтись без этих идей, без восстановления и осознания политического, культурного, духовного опыта областничества невозможно. Безусловно, этот свершившийся опыт задает более высокий уровень нынешним попыткам определить место Сибири в России и человечестве» (Потанин 1991).

На страницах «Сибирской газеты» разворачиваются горячие дискуссии о будущем Сибири, обсуждаются различные его варианты (автономизация, регионализация, конфедерация и отделение от России), высказываются аргументы «за» и «против». В подборке статей «Поговорим об автономии Сибири» на суд читателей выносились предложения об экономической независимости Сибири, о разделении России на 2 зоны – Запад и Восток (по аналогии с США и Канадой), о создании республики для сибирской нации, об автономии Сибири («сибирякам – свою республику и своего президен-

¹ Первая в России межрегиональная газета, распространявшаяся в 1990-е гг. на всём пространстве Зауралья. Название газеты было заимствовано у радикальной регионалистской газеты, выходившей в Томске в 1880-е гг. Учредителем газеты выступила Ассоциация сибирских городов. В апреле 1990 г. бюро Новосибирского обкома КПСС предприняло попытку закрытия газеты «за дискредитацию партийных и советских органов». Но под давлением митингов в ее защиту газета отстояла право печататься в партийной типографии «Советская Сибирь». Ее главный редактор В. Юкчев был избран делегатом XXVIII съезда КПСС, где принимал участие в выпуске газеты «демократической оппозиции» «Тринадцатый микрофон». С октября 1994 по 1998 г. выходила под названием «Новая Сибирская газета».

та»), конфедерации сибирских земель. Наиболее детализированным был проект создания конфедерации сибирских земель (КСЗ), который предусматривал ряд этапов: созыв учредительной конференции движения «Сибирь», создание координационного органа и комитетов во всех краях и областях региона, подготовку к объединительной учредительной конференции представителей земель и разработку положения о КСЗ (свой бюджет, налоги и т.д.) (Сибирская газета 1991: № 43–44).

Обсуждались предложения образовать Сибирский край, наряду с Московским, Уральским, Дальневосточным и другими (Сибирская газета 1990: № 4), перестроить федеративное устройство России на территориальной основе, выделив из состава РСФСР три федеративные республики – Западно-Сибирскую, Восточно-Сибирскую и Дальневосточную (Попов 1990). Одновременно выдвигались предложения об образовании территориальных единиц вне контекста идеи общесибирской целостности. В Красноярском крае интенсивно обсуждались проекты создания Енисейской, в Иркутске – Восточно-Сибирской, в Приморском крае – Дальневосточной республики (Мальшев 2005). В наиболее радикальной форме идея возрождения Дальневосточной республики выражалась в деятельности Партии свободы Дальневосточной республики (ПСДВ), образовавшейся в сентябре 1990 г. во главе с А. Заболотниковым (Вуд: 213). В программе партии говорилось, что Дальневосточная республика должна стать равноправным членом Российской конфедерации, добровольным экономико-административным союзом самостоятельных государственных образований (Прибыловский 1993: 13). Автономизм (областничество) в той или иной степени отстаивал ряд общественных движений Восточной Сибири: Социалистический клуб, Байкальский анархический союз, Байкальский Народный Фронт, образованный в 1988 г. (Сибирское областничество сегодня...).

В московских изданиях и в «Сибирской газете» была опубликована серия статей А. Соболевского, отстаивавшего идею полного суверенитета Сибири. «Я регионалист, – писал он. – Я сторонник естественного разделения... России на меньшие территориальные государства с большим потенциалом для экономического и социального прогресса. Поскольку я сибиряк, я регионалист сибирский. Я областник: так назвали себя первые сторонники сибирской неза-

висимости (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.)» (Соболевский 1992). Поставленной цели, по его словам, могло достигнуть только массовое движение, как было в Прибалтике («балтийский путь»): от идеи территориального хозрасчета – через создание массовых народных фронтов – к легитимному решению политических задач. А. Соболевским был опубликован также прогноз-сценарий возможного отделения Сибири от России в 1995 г. (Сибирская газета 1991: № 11; 1992: № 5, 8–9, 23–24).

Еще один прогноз развития сибирского регионализма, основывавшийся на опыте Швейцарской федерации и Аландской автономии в составе Финляндии, был предложен В. Шмурыгиным от имени Тюменского отделения движения «Сибирь» и Союза объединения Сибири. Главная задача движения – «деколонизация» Сибири и объединение Сибири через созыв всесибирской депутатской конференции и создание «полномочного союза обл-окр-край-рессоветов» как нового органа или как нового наполнения деятельности «Сибирского соглашения». Что касается взаимоотношений с Россией, то, как наиболее желательный вариант, предлагалось заключение вместо Конституции РФ конфедеративного договора российского содружества (КДРС), субъектами которого могли стать отдельные российские территории («земли») или группы земель, например, Сибирская конфедерация, Поволжская, Уральская, Дальневосточная ассоциации и проч. Назывался приблизительный срок заключения КДРС – 1995 г. (Сибирская газета 1992: № 41).

Сепаратистские тенденции отчетливо прослеживались среди номенклатурных кругов и в национальных регионах Сибири. «Наша республика, – заявил в интервью корреспонденту «Сибирской газеты» председатель Совета министров Республики Бурятия В. Саганов, – еще в октябре 1991 г. отказалась от статуса автономной. Оставаясь в составе Российской Федерации, суверенная Бурятия должна самостоятельно определять административно-территориальное устройство своей республики и порядок образования национально-территориальных единиц, обеспечивать и гарантировать национально-культурное возрождение и свободное развитие

всех народов, населяющих ее территорию»¹. Основой экономического суверенитета становится собственность республики. Это земля и ее недра, водные и другие природные ресурсы, воздушное пространство, растительный и животный мир, весь экономический и научно-технический потенциал, созданный на территории Бурятии» (Сибирская газета 1992: № 9). Претензии на национально-территориальный статус предъявляли и сибирские татары. Показателен призыв жителя г. Бердска Новосибирской области С. Абдулина: «Сибирь должна стать суверенной республикой сибирских татар» (Сибирская газета 1992: № 7).

Идея региональной консолидации была воспринята и властными элитами Сибири для достижения собственных политических интересов, которые могли совпадать или не совпадать с интересами региона в целом. Убедительным свидетельством этому стала деятельность Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС) (Водичев 2007: 133–134). Ее созданию предшествовала идея создания ассоциации народных депутатов Сибири и Дальнего Востока, которая была озвучена на совещании инициативной группы народных депутатов от территорий Сибири и Дальнего Востока в январе 1990 г. в Новосибирске. Был разработан проект «Платформы народных депутатов СССР от Сибири и Дальнего Востока», в котором была сформулирована идея создания ассоциации всех уровней – от СССР до сельского совета, – как политического органа развития региона, с целью «обеспечить переход Сибири и Дальнего Востока на экономическую самостоятельность и самоуправление». Проект был опубликован в «Сибирской газете» для обсуждения. Идея создания ассоциации как политического органа получила поддержку ученых-экономистов Сибирского отделения АН СССР (Сибирская газета 1990: № 5).

¹ 8 октября 1990 г. Верховным Советом Бурятской АССР была принята Декларация о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики, согласно которой Бурятия отказалась от статуса автономии и провозгласила государственный суверенитет Бурятской ССР на своей территории. 24 мая 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР утвердил это решение, внося поправку в статью 71 Конституции РСФСР 1978 г. 27 марта 1992 г.

Соглашение о создании МАСС было подписано 2 октября 1990 г. на учредительной конференции председателей областных и краевых советов Сибири в Кемерове. Ее целью провозглашалась выработка единой хозяйственной политики, «о чем мечтали еще лидеры сибирского областничества в прошлом веке и в начале нынешнего» (Сопов). 8 февраля 1991 г. был создан политический совет МАСС, состоявший из председателей советов народных депутатов территорий, для решения в рамках ассоциации вопросов политического характера. А после развала СССР на пятом заседании Совета МАСС 10 июля 1992 г. в Улан-Удэ был официально принят Устав и договор учредителей, которыми выступили органы власти 19 сибирских регионов (республик, национальных округов, краев, областей). Председателем Совета МАСС стал спикер Новосибирского областного совета депутатов В. Муха (Луков 2011: 133–135).

Демонстрирующим традиционный для Сибири антагонизм по линии центр – периферия стал Первый конгресс выборщиков народных депутатов территорий Сибири, проходивший в Красноярске 27 марта 1992 г. 136 делегатов (из 155 избранных) представляли восемь территорий: Алтайский и Красноярский края, Иркутскую, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области. Присутствовали приглашенные представители от национальных республик – Хакаской, Бурятской, Горно-Алтайской и Тувинской, а также от Челябинской области, Перми и Читы (Вуд: 214).

Этого съезда ждали и тщательно к нему готовились Одним из инициаторов организации съезда была депутатская группа «Действие» в Томске. В интервью «Сибирской газете» член этой группы С. Катанухина так прокомментировала ее цели: «„Действие“ не ратует за отделение Сибири. Мы выступаем за объединение сибиряков для совместного решения сибирских вопросов ... Цель у всех одна – сделать жизнь сибиряков достойной, облегчить ее. Существуют различные организации, по-своему решающие эти проблемы. Например, Союз объединения Сибири пытается сделать это на уровне общественных организаций. Отделения Союза есть почти во всех городах Сибири». Радикальный проект постановления был подготовлен Партией независимости Сибири. Съезду предлагалось принять декларацию о независимости Сибири, объявить себя высшим органом государственной власти на переходный период, избрать прези-

дента Сибирского государства, взять под свой контроль все предприятия, вооруженные силы и службы безопасности, остановить приватизацию и запретить иностранное участие в освоении природных ресурсов Сибири. Эти предложения были поставлены на повестку дня голосования сессией областного совета, но поддержки не получили. Из 97 депутатов против этого предложения проголосовало 75, за – 4, воздержались 18 (Сибирская газета 1992: № 12). Политический обозреватель «Сибирской газеты» В. Серов назвал сторонников крайних взглядов на судьбу Сибири «наивными политиками», которые «не ведают, что творят». Наивность лидеров этого движения в оторванности от реальной политической среды, от властных коридоров, от политических кулуаров, где и вызревает большинство идей и проектов. Народные демократы демократического толка сознательно дистанцируются от этих людей и их идей, опасаясь заработать клеймо сибирского сепаратиста. Старая номенклатура, которая по-прежнему «рулит регионально», берет идеи «наивных» на вооружение, понимая, что эпицентр реальной политики перемещается в края, области, республики и именно здесь «сибирский суверенитет станет той козырной картой, при помощи которой можно выиграть игру под названием «борьбы за власть» (Серов: № 12).

Напуганный прогнозами журналистов о сибирском сепаратизме парламент России послал на съезд представительную делегацию во главе с заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР В.Ф. Шумейко. В речах делегатов и в предлагаемых резолюциях отстаивалась необходимость повышения юридических, экономических и социальных прав сибирских регионов и немедленной практической реализации хотя бы тех правительственных постановлений относительно большей децентрализации в пользу регионов, которые уже содержатся в существующем законодательстве. В выступлениях и в принятых резолюциях присутствовали эмоциональные нападки на продолжающуюся эксплуатацию центром сибирских ресурсов: «На протяжении многих лет центральные власти проводили по отношению к Сибири политику, которая привела к экономическому разорению и экологическому опустошению ее территорий, к социальному и духовному оскудению ее народа». Подчеркивалось, что в период радикальных экономических реформ ситуация еще более ухудшилась. «Конгресс считает, что ...не может быть оправдания

для продолжения «колониальной политики по отношению к Сибири». Соглашаясь оставаться в рамках трансформирующейся федеративной системы, делегаты приняли ряд предложений, касающихся конституционной, экологической и аграрной сфер, которые указывали на очевидную трансформацию целей – от автономии к независимости (Вуд: 214).

Главное предложение съезда можно свести к такой формуле: если центр даст Сибири экономическую самостоятельность, то сибиряки сами справятся со всеми своими обязательствами. В. Шумейко был само внимание и терпение, обещая встречные движения со стороны парламента и правительства: конечно, должны быть региональные экономические программы, например 12–15, по числу возможных экономических регионов. Из чего можно было заключить, что мечты федералистов исполнятся, и на карте России появится Сибирская экономическая республика (Серов: № 14). Прямой призыв к немедленному провозглашению независимости Сибири прозвучал только из уст лидера ПНС Б. Перова: «... Я говорил с трибуны съезда, что это последний и единственный шанс цивилизованным путем решить вопрос по созданию Сибирского Независимого Государства. Если этот шанс будет упущен – а он упущен, – скорее всего, Сибирское Независимое Государство будет создаваться как-им-то другим путем. Возможно, это будет социальный взрыв» (Серов: №14). Но, как и ожидалось, радикальные идеи не были поддержаны, поскольку депутаты местных советов под влиянием вчерашней «партхозноменклатуры» еще дома договорились: не поднимать вопроса о самостоятельности Сибири. Уже поименное голосование проекта движения «Сибирь» в Томске свидетельствовало, что иного результата не могло быть. Председатель Конгресса В.А. Новиков назвал идеи Перова «глупыми» (Вуд: 215). В итоге предпринятая съездом «первая официальная обкатка идей Сибирской республики» была вполне предсказуема, поскольку сибирские народные депутаты не воспринимали ее всерьез как альтернативу диктату центра.

В октябре 1992 г. «Сибирская газета» провела мини-опрос с целью выявления мнения глав администраций и председателей советов всех уровней, с одной стороны, и мнения рядовых жителей Сибири – с другой. Все представители региональной элиты, за одним исключением, высказались против идеи суверенизации Сибири:

«Категорически против всяких суверенитетов. Развалили Союз, а теперь и Россия начала разваливаться». «Нет образованию отдельного государства, да – усилению прав и полномочий территорий в рамках России». «...Идея суверенизации очень заразительна. Стоило нашим красноярским политикам заговорить с российским центром языком ультиматумов, держа наготове вариант Енисейской республики, как их примеру последовали в Эвенкии и на Таймыре...». Вторая часть анкеты (мини-опрос) включала 4 вопроса для жителей сибирских городов, которым предлагалось сделать выбор из четырех вариантов ответа:

1. Сибирь не обладает ярко выраженным единством. Она как была, так и остается набором краев со своими локальными проблемами в составе России.

2. Сибирь обладает множеством общих проблем, интересов, их можно решить в рамках добровольных объединений типа «Сибирского соглашения», не меняя административного деления.

3. Сибирь на основе единства интересов должна административно объединиться и пребывать в составе России на федеративной основе как республика Сибирь.

4. Сибирь должна быть совершенно самостоятельным государством, политически независимым от России.

Опрос проводился в 9 городах (Омск, Томск, Новосибирск, Кемерово, Барнаул, Красноярск, Чита, Иркутск и Кяхта). Только 7 человек (2,3%) из числа выразивших свое мнение (87 чел.) высказались за самостоятельную Сибирь, 19 – за федеративную республику в составе РФ (21,8%) и 44 человека (50,6%) – за «Сибирское соглашение». Участниками опроса были представители разных социальных групп, за исключением Кемерово, где все 12 респондентов высказались за МАСС, причем половина из них были депутатами Кемеровского областного совета (Сибирская газета 1992: № 42–43), отражая тем самым точку зрения депутатского корпуса, а не рядовых жителей Сибири.

Становилось очевидным, что сибирская идея, не поддержанная региональной элитой, не стала и достоянием масс, о чем свидетельствуют социологические исследования. Алтайские социологи в 1992 г. констатировали, что каждый десятый взрослый житель Алтайского края связывал перспективу улучшения условий своей жизни

ни с изменением административно-правового статуса либо края, либо Западной, либо всей Сибири. При этом большинство из них не задумывалось о выходе из состава РФ, а требовало расширения полномочий региона, прекращения такой практики экономических отношений, при которой финансовые средства перераспределяются в пользу центральных регионов. Сепаратистские настроения сецессионистского уровня проявляло в целом незначительное меньшинство (около 3% опрошенных). И только среди госбюджетной интеллигенции этот показатель достигал 15% (Растов, Щербинин: 31–32). Создание суверенного государства поддерживало лишь 13% жителей Красноярского и 10% Алтайского краев, частично – 15 и 10%, отрицательно – 72 и 80%. За создание республики (республик) в составе РФ высказалось 32% опрошенных в Красноярском крае и 23% в Алтайском, частично эти идеи поддержала треть респондентов (29%) в обоих краях, против – 41 и 48%. Более половины опрошенных (56 и 49%) были за сохранение прежнего административно-территориального деления Сибири, частично с этим соглашались 24 и 10%, против – 20 и 10% соответственно. Причем идею полной суверенизации Сибири чаще всего отвергали руководители всех уровней, работники государственных и общественных организаций. Поэтому слишком упрощенным было бы списывать «подогревание» сепаратистских настроений на счет бывшей партхозноменклатуры, как это иногда делается в прессе. Напротив, сохранение существующего положения имело для региональной элиты определенные преимущества, позволяя списывать свои грехи на Москву (Немировский, Григорьев, Пешков: 24).

Новый всплеск «номенклатурного» регионализма был спровоцирован Указом президента РФ Б.Н. Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе», который одни называли «антиконституционным переворотом», а другие – «октябрьским путчем». Этим указом прекращалась деятельность Верховного Совета и Съезда Народных Депутатов – высшего органа государственной власти в стране. На состоявшемся 29 сентября в Новосибирске чрезвычайном совещании председателей советов 14 субъектов Федерации председатель Кемеровского областного совета народных депутатов А.Г. Тулеев заявил, что «нет другого выхода, кроме децентрализации, так как благодаря ей люди уже завтра смо-

гут жить лучше», в то время как в Москве «еще долго будут спорить о том, кто больше украл» (Луков 2010: 38). В принятом совещанием «Заявлении» в ультимативной форме говорилось о проведении в случае, если Указ не будет отменен, в октябре 1993 г. «местных референдумов по определению государственно-правового статуса данных территорий в составе Российской Федерации и о возможности образования единой Сибирской Республики» (Заявление...).

«Сибирское соглашение» не приняло участия в политическом противостоянии осени 1993 г. От имени МАСС не было выдвинуто ни одного политического требования, за исключением предложения провести одновременные выборы обеих ветвей власти и действовать в рамках закона. Не находят подтверждения и обвинения МАСС в сепаратизме, поскольку идея провозглашения Сибирской Республики в рамках «Сибирского соглашения» даже не обсуждалась. Единственный раз политическая ситуация в стране обсуждалась на Совете ассоциации во время октябрьского кризиса 1993 г. «Сибирское соглашение» приняло тогда жёсткое заявление, осуждающее попытки раскола России. Сделать это было важно ещё и потому, что в адрес самой ассоциации доносились из столицы обвинения в сепаратизме, в стремлении отколоть Сибирь от России. Не один год пришлось убеждать, что проблема не в отделении некоторых территорий от России, а в том, чтобы выстроить равноправные отношения между регионами и центром. И вскоре после октябрьского путча 1993 г. в Москве политсовет МАСС был расформирован. С этого времени политические вопросы на совещаниях «Сибирского соглашения» больше не ставились, а сама МАСС позиционировалась как инструмент решения исключительно экономических проблем Сибири (Луков 2010: 39–40).

Идеи «номенклатурного областничества» находили между тем новые организационные формы, выразившиеся, в частности, в создании в 1997 г. экс-председателем «Сибирского соглашения» И.И. Индинком межрегионального общественного движения «Сибирская партия». Учредительный съезд состоялся 25 июля 1997 г. в Новосибирске. В планы партии не входило быть многочисленной, основной упор делался на вовлечение в ее ряды управленческой, финансовой и научной элиты. Предполагалось, что людей будет привлекать под ее знамена объединительная идея: «Сильные регио-

ны – сильная Россия!». «Мы не сепаратисты, – говорилось в докладе И. Индинка на учредительном съезде. – Мы за единую великую Россию. А потому заявляем, что именно сейчас наступило время, когда могущество России будет прирастать Сибирью» (Сибирский тракт). Для реализации своих планов И. Индинок намеревался активно сотрудничать с ассоциацией «Сибирское соглашение» и Ассоциацией сибирских и дальневосточных городов, вице-президентом которой И. Индинок являлся. По словам заместителя председателя совета партии В.И. Шамова, Сибирская партия отчасти создавалась в качестве альтернативы «партиям Садового кольца». У Сибири есть свои интересы. Сейчас нужна собственная политическая сила, с которой мог бы считаться Центр. Цели новой партии – чтобы сибиряк жил счастливо на своей земле, чтобы Сибирь не пустела, чтобы в мировом сознании не было отношения к Сибири как к мировой свалке. Сибирская партия предполагала охватить территорию от Урала до Владивостока. К октябрю 1997 г. ее ячейки имелись в Кемерове, Томске, Омске. Символ партии – зеленый медведь – символ скрытой мощи и борьбы за экологию Сибири, как одной из основных задач партии (Погодаев; Погодаев, Грибанова, Коновалова).

В декабре 1998 г. сибирская властная элита предприняла еще одну попытку создать региональное политическое объединение – межрегиональное общественно-политическое движение «Союз ради будущего» (СБР). Учредительный съезд проходил в Томске с участием 52 делегатов от 11 регионов Западной Сибири. В числе почетных гостей были губернатор Томской области В. Кресс, председатель областной думы Б. Мальцев, представитель президента В. Жидких, губернатор Новосибирской области В. Муха. Активное участие в создании этой организации принял бывший губернатор Красноярского края В. Зубов, представители Алтайского края, Хакасии и Эвенкии. Это значит, что «сибирскую идею» готова была подхватить еще одна часть региональной элиты. В перспективе СБР планировала организовать в Государственной думе Сибирскую фракцию (Свинин). Однако идея региональной политической партии в Сибири не прижилась. В ходе укрепления в России вертикали власти публичная деятельность региональной партии стала невозможной.

Заявляя о своей ответственности «за судьбу Сибири», выступая от имени «всей» Сибири, региональные лидеры привыкали идентифицировать себя с Сибирью (пусть даже ситуативно, даже если сибирская идентификация была одной из нескольких). Сибирская номенклатурная идентификация выражалась в формировании особого языка власти (дискурса), наполняемого общесибирскими образами, которые становились мощнейшим средством разрушения советской идентичности и зарождения идентичности региональной. Властная «сибирская идентичность» имела преимущественно политическое значение, поскольку была адресована «вовне» – федеральному Центру и другим регионам. Она была призвана утвердить значимые региональные символы, смыслы, иерархии на федеральном уровне. Региональные элиты стремились встроить тезис о «сибирской уникальности» в федеральный властный дискурс и регулярно его актуализировать. В свою очередь, Центр, заинтересованный в поддержке регионов, воспринимал транслируемые ему образы, что создавало основу для внутриэлитных компромиссов. При этом политическое значение сибирской идентификации властной элиты не стоит преувеличивать. Она была ориентирована не на мобилизацию населения с целью вовлечения их в сепаратистские движения и раскол, а на демонстрацию Центру в периоды обострения взаимоотношений с ним, что такая мобилизация может быть проведена в случае необходимости (Луков 2015: 116–117).

События 1991–1993 гг. в России резко сократили поле для общественной активности, а масштабный кризис 1992–1998 гг. фактически поставил население на грань выживания. Общественная политическая деятельность возобновилась только в 1998 г., когда началась экономическая стабилизация. В 1998 г. в Иркутске образовалась Освободительная Армия Сибири (ОАС), переименованная через два года, по требованию ФСБ, в Областническую Альтернативу Сибири, что позволило сохранить прежнюю аббревиатуру (Сибирское областничество сегодня...).

С массовым распространением Интернета во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. появляются новые формы регионализации общественного сознания. Сибирская тема активно обсуждается в социальных сетях. Возникают взаимосвязанные сибирские сайты, активно распространяющие идеи неорегионализма. Ведущая роль в

актуализации и популяризации «сибирячества» принадлежала в эти годы глобальной социальной сети Livejournal (Живой журнал). Сибирская площадка в Живом журнале была самой большой и влиятельной, тогда как попытки создать сибирские форумы в других социальных сетях («ВКонтакте», Facebook) не были особо успешными и не развивались столь стремительно, как сибирское сообщество в Живом журнале. Обсуждение сибирской темы в Интернете активизировалось весной 2005 г., когда блогер Д. Верхотуров стал выкладывать в Живом журнале фрагменты из своей книги «Покорение Сибири: мифы и реальность». В это же время другой блогер лингвист Я. Золотарев из Томска создал сообщество learn_siberian, в котором стал выкладывать материалы своего проекта создания сибирского литературного языка на основе обработки сибирских говоров (Верхотуров 1).

Новый виток актуализации и политизации сибирской идентичности связан с Всероссийской переписью населения 2010 г. Включение в Перечень возможных ответов о «национальной принадлежности» варианта «сибиряк» послужило поводом проведения в блогосфере акции «Мы – сибиряки». Ее инициаторами выступили участники сетевого сообщества «Настоящие сибиряки», призвавшие жителей Сибири называть себя «сибиряками» и «сибирячками». По их словам, Сибирь рассматривается государством преимущественно как сырьевая колония, а существующие программы развития сибирских регионов ощутимого результата не дают. И если жители Сибири массово отнесут себя к сибирякам, то появится возможность создать национальную общность и получить соответствующие права, которые могут касаться льготных условий ведения бизнеса, развития культуры, сохранения благоприятной экологической среды и т.д. Инициатор акции красноярский блогер А. Коновалов аргументировал ее проведение «необходимостью пробуждения в жителях Сибири самосознания» и прекращения восприятия Сибири Москвой «исключительно как сырьевого источника». Д. Верхотуров в своем блоге призывал: «Это позволит заявить о своем существовании и требовать себе прав ... Мы вправе и можем это сделать. Нужно агитировать всеми возможными средствами за то, чтобы на переписи 2010 года появилось как можно больше сибиряков. Скажи гордо: “Я — сибиряк!”» (Чеснокова). В Томске информаци-

онную кампанию, запущенную А. Коноваловым, подхватили М. Митренина и Д. Эпов, редактор и директор портала *Globalsib.com*: «Сибиряк не является всего лишь обозначением места жительства. Быть сибиряком – означает еще и особый тип личности, на основе которого вполне может сформироваться отдельная национальность... И не исключено, что исследования ближайшего будущего покажут, что для оформления сибирской национальности, или даже нации, существуют реальные предпосылки» (Митренина). В Новосибирске музыкант С. Андриянов, известный как организатор сибирского музыкального этнофестиваля «Тайга» и автор песни «Мы – сибиряки», художники К. Еременко и А. Лоскутов провели пресс-конференцию, где заявили, что будут активно поддерживать идею создания нации сибиряков и призывать остальных жителей региона обозначать себя «сибиряками» при переписи (Ученые назвали...)

Организаторы сообщества представили психологический портрет сибиряка. По их мнению, настоящий сибиряк «гордится тем, что он сибиряк – где бы он ни жил. Сибиряк может чувствовать себя счастливым или несчастным, но в большинстве случаев он ощущает себя свободным (...) Сибиряк – “внутренний анархист”. За анархию он не будет сражаться “ради идеи”, но, по большому счету, для себя лично он не признает безусловных авторитетов и не склонен к бессмысленному подчинению (...) Сибиряки не склонны к конфликтам. Вследствие чего сибирская жизнь довольно спокойна, но по той же причине иногда тормозит в своем развитии; общественность все же недостаточно активна. Может, это происходит еще и потому, что сибиряки – индивидуалисты, не склонные собираться в толпы. Даже в условиях ужесточения формальной власти сибиряк будет выкручиваться и стараться жить по-своему» (Широкова).

Акция получила большой общественный резонанс, продемонстрировав разброс мнений – от утверждения важности проблемы сибирской идентичности до обвинений в «празднике сепаратизма», во «всеобщем разрушении российской государственности». Разделились мнения и научного сообщества. По мнению некоторых ученых, возникновение подобного общественного движения являлось вполне закономерным. «Этого следовало ожидать, – писал профессор Иркутского госуниверситета, доктор философских наук В. Фед-

чин. – Сибирь всегда была удаленным краем, слабо связанным с центром, и население в этом регионе действительно специфичное. Как известно, в Сибирь съезжались каторжники, ссыльные, бунтари. Можно сказать, что население Сибири настроено оппозиционно на “генетическом уровне”. Кроме того, сама метрополия, то есть Москва, никогда не способствовала тому, чтобы сибиряки ее любили, поставив регион в положение своеобразного сырьевого придатка страны» (Широкова). Тенденцию роста сибирской идентичности фиксируют также исследования, проводившиеся сибирскими социологами, историками и этнологами: «В целом, если сравнить данные наших исследований и иркутских социологов¹, и в Западной, и в Восточной Сибири в настоящее время фиксируется сибирская региональная идентичность, общие черты характера, ментальности, культуры» (Дутчак, Кашпур: 124–125). По мнению М. Жигуновой, впервые самоопределение сибиряка в качестве этнического стало встречаться в начале 1990-х гг., на фоне довольно слабо распространенного регионального самоопределения. По ее данным, в 1986–1988 гг. сибиряками себя считали около 15% жителей Сибири, в 1994 г. – около 20%, в 2000 г. – 30%, в 2005 г. – 50%, в переписном 2010 г. – уже 75% (Жигунова: 11–12). По мнению других исследователей, идея признания новой нации – «сибиряков» – не должна рассматриваться всерьез. По словам И. Октябрьской, заведующей отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, этносоциологические исследования, которые регулярно проводятся по всему сибирскому региону, показывают, что жители Сибири не выделяют себя из общероссийского единства, и региональная идентичность «сибиряк» не является доминантной (Ученые считают...).

«Настоящие сибиряки» поддержку брошенного ими призыва записываться «сибиряками» оценили как «самопровозглашение сибиряков как нации», которое подвело черту под длительным вызреванием и формированием сибирской идентичности» (Сибирская декларация...). С обвинениями в сепаратизме они не согласились, приводя следующие аргументы: «1. ... Большинство нормальных сибиряков не мыслят себя в отдельности от России ... Другое дело, что... у регионов должно быть больше прав и свобод – это и есть по-

¹ Имеются в виду исследования Н.В. Сверкуновой (Сверкунова 1996; 2002).

настоящему федеративное государство (коим мы являемся по конституции). 2. Цель нашей акции, прежде всего, обратить внимание на проблемы Сибири... У нас больше нет других рычагов, и мы идем на этот во многом крайний шаг. 3. ...Еще одна цель акции – это пробудить самосознание сибиряков. То есть мы должны понять, что это наша родная земля, и мы должны заботиться о ней...» (Скальский 2).

Во время самой переписи сибирские блогеры сообщали о многочисленных нарушениях, связанных с записью национальной принадлежности «сибиряк», которую переписчики обязаны были указывать со слов опрашиваемых. Нередко переписчики либо зачеркивали сделанную рукой опрашиваемого запись «сибиряк» – «сибирячка», вписывая «русский (ая)», или в качестве компромисса оставляли запись «русский сибиряк»/«русская сибирячка» (Скальский 1). По свидетельству переписчиков, опрошенных одним из авторов (И.Н.), хотя некоторые записывались «сибиряками» под «дружный смех соседей», но были и люди, которые аргументировали свой выбор идентичности тем, что если назваться «сибиряками», то Сибирь получит автономию. Некоторых из тех, кто назвал себя «сибиряками», вопреки инструкции, записывали как «русских». Один такой случай описан томской журналисткой: «В прошлую пятницу случайно встретила во дворе своего дома на проспекте Комсомольском переписчицу. Подошла к ней, предложила присесть на лавочку и переписать мои данные – можно сказать, облегчить женщине жизнь. Сели. Переписываем. Когда доходим до графы “национальность”, прошу записать меня сибирячкой... Переписчица в ответ – удивленные глаза: “Нет такой национальности! Так-то мы все сибиряки...”. И, подумав секунду, пишет в графе “национальность” – “русская”. Даже поспорить не успели...». Были случаи исправлений, когда первоначальная запись «сибиряк» исправлялась на «русский» (Нам 2012: 49).

После того, как перепись закончилась, в Интернете появилась серия публикаций, в которых сообщалось, что сибиряками записались многие, и высказывались предположения, что после подведения итогов встанет вопрос о том, чтобы признать сибиряков новой национальностью. По разным оценкам, которые приводились до того, как были опубликованы итоги переписи, сибиряками запи-

сались от сотен тысяч до нескольких миллионов человек. На сайте Всероссийской переписи населения даже был опубликован фокус-опрос о возможности и необходимости появления новой национальности «сибиряк» (Иткин). Однако после публикации предварительных результатов переписи оказалось, что «сибиряков» было зафиксировано лишь 4166 человек (Итоги 2014), т.е. существенно меньше, чем предполагалось в самых осторожных прогнозах активистов сибирского движения. Тем не менее в ряде публикаций эта ситуация описывалась достаточно оптимистично, указывалось, что по сравнению с переписью 2002 г., когда было учтено всего 10 сибиряков, их стало почти в 412 раз больше (Гражданин). Комментируя итоги переписи, А. Коновалов в интервью «Тайга. инфо» отмечал, «что “сибиряками” себя называли в основном горожане, активные пользователи Интернета. Если к Сибири начнут относиться справедливо, то число “сибиряков” уменьшится, если ничего не изменится, то, уверен, оно только вырастет» («Сибиряков» в России...). Так заложенная в переписной бланк дефиниция идентичности, понимаемая как национальность, способствовала не только актуализации, но и политизации региональной сибирской идентичности. Само присутствие названия «сибиряки» в списке возможных ответов на вопрос о национальной принадлежности стало мощным толчком к возрождению идеи сибирского регионализма (областничества), активно разрабатывавшейся сибирской интеллигенцией во второй половине XIX – начале XX в.

Идеологи «сибирской нации» описывают «сибиряков» как национальную общность, которая существовала всегда, «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и эти особенности отмечались начиная с XVII в. «Наша цель – формирование сибирской нации, которая провозгласила о своем существовании на переписи населения в 2010 году... Правда, это не только национальная самоидентификация, но и территориальная, по месту жительства, однако сам по себе процесс показательный. Большинство жителей Сибири, не относящихся к местным народам, отделяют себя от русских хотя бы местом жительства» (Верхотуров 2).

Одновременно в медийном пространстве появились трактовки сибирской нации как нации политической. «При этом культурное

и языковое своеобразие как основа нациестроения отходит на второй план, а на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание и проблематизация существующих несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом в экономической, социальной и правовой сферах» (Анисимова, Ячевская 2013).

Таким образом, в сибирском движении выделяются два направления – «*националисты*», трактующие категорию «сибиряк» как национальную общность, которая существовала всегда, и «*регионалисты*» («сепаратисты»), рассматривающие «сибиряков» как выражение территориальной идентичности («сибиряк – тот, кто живет в Сибири») и разрабатывающие различные проекты сибирской государственности.

«Сибирские националисты», как они сами себя называют, своей главной задачей считают конструирование сибирской нации, выделяя в качестве ее основных элементов: 1) многокомпонентный состав, включающий сибирских старожилов как «ядро» нации и людей смешанного происхождения, выбирающих самоидентификацию «сибиряка»; 2) сибирский язык (существующий пока в форме письменного литературного языка, составленного Я. Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык) (Верхотуров 3). Описывая «сибиряков», как особую национальность, «националисты» признают, что «пока еще существует в больших масштабах двойная самоидентификация, а сибирская нация имеет крайне размытые и нечеткие границы» (Верхотуров 2).

В октябре 2010 г. «националисты» образовали «Совет сибирского народа» и обнародовали свою программу: минимум – создание сибирской национальной партии и учреждение национально-культурной автономии сибиряков, максимум – «переучреждение Российской Федерации как свободного объединения ее субъектов на основе одного равноправного федеративного договора, создание подлинно федеративного государства; создание единого территориального объединения на территории Сибири» (Программа Совета Сибирского Народа...).

Сторонники регионального патриотизма – «регионалисты» – главную проблему усматривают в «неправильно выстроенных финансовых взаимоотношениях с центром», а ее решение – в предоставлении экономической и политической самостоятельности Сибири («Сибирь – сибирякам»). Они выступают или за создание Сибирской Республики в составе РФ или за создание сибирской государственности в форме Сибирской конфедерации. «Сибирь как уникальная страна, – писал лидер ОАС М. Кулехов, – не может быть построена по "вертикальным" принципам, не может иметь ни единой столицы, ни общесибирской властной системы. По замыслу, Сибирь – это конфедерация, союз Сибирских стран и земель: Байкалии и Приамурья, Якутии и Алтая, Чукотки и Тюмени, Урала и Сахалина» (Кулехов).

В марте 2012 г. группа регионалистов в Новосибирске учредила национально-культурную автономию «Сибирская воля». Ее инициаторы видели свою задачу в том, чтобы «вывести в публичную плоскость вопрос о роли Сибири в становлении российской государственности... Кто такой сибиряк? В каком направлении необходимо развиваться Сибири? Как нам обустроить свою жизнь?» (Широкова). В июле 2013 г. учредители «Сибирской» воли обратились к полпреду президента в Сибирском федеральном округе В. Толоконскому с предложением инициировать процесс объединения сибирских регионов в один макрорегион – Сибирь с расширением налоговых, управленческих и законодательных полномочий субъектов федерации (Митрофанов, Бакаев). Областническая риторика и символика по-прежнему в арсенале необластников. На шествии «За честные выборы» в Новосибирске в феврале 2019 г. была организована отдельная «Сибирская колонна» с бело-зелеными сибирскими флагами и лозунгом, позаимствованным у басков: «Демократия – это право народа на самоопределение» (Герасименко).

Еще один путь конструирования сибирской идентичности – продвижение бренда Сибири. С этой целью в 2013 г. был запущен проект *Gm*Siberian*, направленный на всеобщее объединение информационного пространства Сибири и поддержку образа сибиряка, на то, чтобы сделать Сибирь открытой миру. «Мы здесь живем. И проект «*Gm Siberian*», на самом деле, посвящен не брендингу региона, который, по большому счету, должны заказывать власти. Наша идея

имеет статус такого социального проекта, социальной инициативы... Наши цели совершенно определенные: мы хотим, чтобы Сибирь была более продвинутой и интересной... Мы... пропагандируем тему сибиряка, а не самой Сибири» (Каменецкий).

Сибирь сегодня переживает комплекс проблем, вписывающихся в общий контекст преодоления кризиса общенациональной идентичности, возникшего в результате распада СССР и формирования общероссийской гражданской идентичности. Актуализация и политизация сибирской идентичности в начале 2000-х гг. были связаны с осознанием дисбаланса в отношениях федерального центра и Сибири. «За призывами записываться “сибиряками” крылось не столько стремление разбудить самосознание местного населения, сколько желание дать сигнал центру, что он проводит в отношении Сибири неадекватную политику. Обеспокоенность сибиряков вызывает ресурсное восприятие Сибири, “забвение” ее интересов и рассуждения экономистов, в том числе зарубежных, об “избыточности” населения за Уралом, о сибирском “бремени” или даже “проклятье” для России в ее прошлом и настоящем» (Ремнев: 110; Жигунова, Ремнев, Суворова).

Проявления сибирского регионализма разнообразны. Они возникают на почве различных элементов общественного самосознания – социальных, культурных, этнических, религиозных. Бренд «Сибирь» активно используется на всем пространстве к востоку от Урала, напоминая о себе ярлыками товаров, названиями спортивных команд и бизнес-структур. Особое геополитическое, экономическое и социокультурное качество и значение Сибири стало устойчивым стереотипом в СМИ и вошло во множество социокультурных конструкций (Ремнев: 110). В Красноярске, например, при поддержке местной администрации с 2008 по 2011 г. выходил альманах «Национальность – сибиряк». Сибирская идентичность пока не входит в явное противоречие с общегражданскими ценностями, являясь проявлением «множественной идентичности». Избегание во властном политическом дискурсе тем, относящихся к проблеме взаимоотношения центра и регионов, может способствовать росту центробежных и сепаратистских настроений. Региональная сибирская идентичность, призванная быть залогом сохранения гражданской, национальной, культурной стабильности сибирского социума, может

стать причиной или поводом для развития обозначенных рисков. Чтобы этого не произошло, нужно не ждать, когда территориальные, культурные или этнонациональные идентичности, существующие как элементы сибирской региональной идентичности, перейдут в сферу политической идентичности и во главу угла поставят проблемы, напрямую связанные с вопросом о взаимоотношениях центра и регионов. Важно учитывать, что ценность и стратегическая важность Сибири определяются не только ее ресурсным потенциалом и геостратегическим положением, но и значимостью как ресурса формирования общероссийской гражданской идентичности (Дутчак, Львова, Нам).

Выводы. Реализованный в исследовании подход, основанный на детальном анализе феномена сибирства в различных временных контекстах, дает основания рассматривать «всплески» и «спады» региональной идентичности как результат сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов. Ориентация на использование диалектики короткого и долгого исторического времени в осмыслении данного феномена позволяет сделать вывод о том, что значимость и актуализация в публичном дискурсе сибирского общества региональной идентичности, имеющей глубинные социокультурные основания, во многом определялась конкретными историческими условиями.

Логическим следствием этого вывода является констатация наличия в процессе конструирования региональной идентичности, с одной стороны, некоего инвариантного ядра, сохранявшего устойчивость, несмотря на изменение объективных условий, а с другой – переменных элементов, имевших ситуативную природу. В результате сибирство предстает как система, формирующаяся в каждый конкретный исторический момент из базовых, имеющих ментальные основы, и вариабельных, продиктованных внешними обстоятельствами элементов.

Исследование конструирования сибирской идентичности на разных этапах исторического развития продемонстрировало многообразие его форм, коммуникационных практик и инструментов, а также информационных каналов трансляции смыслов и образов, использовавшихся различными акторами. Весьма подвижным и зависимым от ситуативных факторов являлось и соотношение регио-

нальной идентичности с другими векторами идентификации различных групп общества (гражданской, политической, социальной, национальной, этнической).

Вместе с тем, проведенное исследование позволяет обозначить основные конструкты, сохраняющие устойчивость на протяжении многих десятилетий. К их числу можно отнести: представление о Сибири как об особой территориальной общности, отличной от Европейской России; признание исключительной значимости региона для решения внутренних и внешнеполитических проблем страны; констатацию прямой зависимости успешного развития края от эффективного решения политических, экономических и социальных проблем на уровне государства в целом; акцент на необходимость обеспечения Сибири равноправного статуса в составе России на основе предоставления автономии. Неизменной в различных обстоятельствах остается и общая направленность регионализма как фактора сплочения общества для решения проблем Сибири и, вместе с тем, для консолидированного участия в решении общегосударственных проблем. Будучи направленной на привлечение внимания центра к проблемам региона, интересы которого не учитывались в должной мере, деятельность акторов процесса конструирования региональной идентичности не вступала в конфликт с их общероссийской (гражданской) идентичностью и не предполагала сепаратистских устремлений.

В целом, анализ исторического опыта свидетельствует о значительном интеграционном потенциале сибирской идентичности, эффективное использование которого во многом зависит от «чувствительности» центра к особенностям регионального развития и способности принимать их во внимание при выстраивании долгосрочной стратегии развития страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Альциуллер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. 411 с.

Амур. Иркутск. 1861–1862.

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность как форма политического высказывания // Pro et contra. 2012. С. 62–75. URL: <http://zaimka.ru/anisimova-echevskaya-siberian/> (дата обращения: 15.04.2013).

Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. 674 с.

Величко С.А. Неформальное общественно-политическое движение Сибири, 1985–1991 // Вестник ОГУ. 2005. № 9. С. 14–20.

Верхотуров Д. 1. Краткая история сибирячества в Живом журнале [Электронный ресурс] URL: <http://babr24.com/baik/?IDE=95212> (дата обращения: 15.05.2013).

Верхотуров Д. 2. Долой сибирский сепаратизм! [Электронный ресурс] URL: <http://babr24.com/irk/?IDE=103373> (дата обращения: 15.05.2013).

Верхотуров Д. 3. «Что такое сибирская нация?» [Электронный ресурс] // Илбек Сибирь. Сайт Дмитрия Верхотурова. URL: <http://www.verkhoturrov.info/content/view/1173/54/#comment-395> (дата обращения: 15.05.2013).

Водичев Е.Г. Сибирь в перекрестье идентичностей // Евразия: Региональные перспективы. Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. 185 с.

Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее // Расы и народы. М., 1998. Вып. 24. С. 203–217.

Восточное обозрение. СПб., 1882–1887.

Восточное обозрение. Иркутск. 1888–1906.

Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее // Расы и народы. 1997. Вып. 4. С. 203–216.

Герасименко О. «Как колонией была, так и останется» [Электронный ресурс] // Коммерсант. Власть. 2012. № 15. С. 15. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1907724> (дата обращения: 25.05.2015).

Голос. Газета политическая и литературная. СПб., 1863–1883.

Голос Сибири. Красноярск, 1905–1906.

Голос труда. Томск, 1990.

Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 270. Оп.1. Д. 652. Переписка об общественном движении и прессе в гор. Омске и Степном крае. 9 февраля 1915 г. – 5 января 1916 г.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 357. Резолюции первого областного съезда представителей городов Восточной Сибири. 1916.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 53.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 377; ГАОО. Ф. 270. Оп.1. Д. 652. Л. 7–9.

Гражданин с региональным оттенком [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. URL: <http://expert.ru/siberia/2012/01/> (дата обращения: 15.04.2013).

Головинов А.А. Философское осмысление идеологии областничества: историографический аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4–2. С. 237–241.

Грудинина В. Альманах сибирской национальности // Красноярский рабочий. URL: http://www.krasrab.com/archive/2009/05/14/20/view_article (дата обращения: 30.10.2015).

Дело об отделении Сибири от России: архивная публикация / А.Т. Топчий, Р.А. Топчий; сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002. 388 с.

Добрынина В. Корни и крона // Сибирская газета. 1990. № 39. 5–11 нояб. С. 3.

Дутчак Е.Е., Каптур В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.

Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). С. 41–44.

Енисей. Красноярск, 1900–1905.

Енисейские губернские ведомости (ЕГВ). Красноярск, 1857–1917.

Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск: Изд. Н.П. Литвинова, 1907. 52 с.

Жигунова М. «Разные, но вместе» // Эксперт Сибирь. 2011. № 50 (315). С. 11–13.

Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.

Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917.

Зайнутдинов А.Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2 (61). С. 81–97.

Заявление членов президиумов малых советов Верховных Советов народных депутатов областей, краев и республик Сибири, принятое на совместном заседании в г. Новосибирске 29 сентября 1993 года [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-reading.club/chapter.php/23950/61> (дата обращения: 3.02.2015).

Иркутские губернские ведомости (ИГВ). Иркутск. 1857–1919.

Иткин И. Люди, которые здесь живут, – «другие» [Электронный ресурс] // НГС.НОВОСТИ. URL: http://news.ngs.ru/more/86877/?sms_ss=blogger&at_xt=4da3049f3bff6568%2C0/ (дата обращения: 25.05.2011).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 томах. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: МИЦ «Статистика России», 2012. С. 2914.

Каменецкий А. Ай эм сайберян. После провала лобового сепаратизма в регионах создаются искусственные идентичности [Электронный ресурс] // Proza.ru. URL: <http://topwar.ru/> (дата обращения: 15.04.2013).

Кожевников В.А. Лозунг «автономии Сибири в деятельности антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке: Сб. науч. ст. Хабаровск, 1999. С. 5–21.

Кулехов М. Сибирь в современном мире: куда нам двигаться [Электронный ресурс] // NewsBabr.com. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=95769> (дата обращения: 15.03.2012).

Луков Е.В. Влияние октябрьского политического кризиса 1993 г. на становление Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» // Вестник КемГУ. 2010. № 4 (44). С. 34–41.

Луков Е.В. Формирование организационной структуры Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (октябрь 1990 г. – октябрь 1993 г.) // Вестник ТГУ. История. 2011. № 2 (4).

Луков Е.В. Идентификация сибирской политической элиты (на примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение») // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 113–118.

Митренина М. Перепись-2010: для появления сибирской нации могут найтись реальные предпосылки // GLOBALSIB.COM. URL: <http://globalsib.com/8527/> (дата обращения: 15.03.2012).

Мальшев А.Ю. Сибирская идея [Электронный ресурс] // Политический класс. 2005. № 5. С. 24–30. URL: <http://siu.ranepa.ru/kafedra/?page=69#a4> (дата обращения: 15.04.2015).

Митрофанов Е.Б., Бакаев А.С. Создание макрорегиона Сибирь предложили инициировать полпреду Виктору Толоконскому // Сибинфо. URL: <http://www.sibinfo.su/news/sfo/1/41898.html>; (дата обращения: 25.08.2013).

Межрегиональные организации и движения [Электронный ресурс] URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_16/t1/07.htm (дата обращения: 15.03.2015).

Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. 170 с.

Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам И.В. Новая национальность «сибиряк»: актуализация сибирской идентичности в ходе ВПН-2010 // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 48–51.

Народная трибуна. Томск, 1990.

Некрасов Н.В. Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири // Русская мысль. 1912. Кн. 2. С. 100–113.

Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И. Сибирь: на пути к сепаратизму? // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 20–26.

Новиков С.В. Общественно-политические движения, пресса, избиратель Западнoй Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988–1991 гг. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1999. 142 с.

Перов Б. Сибирская экономика голосует за сибирскую независимость // Сибирская газета. 1993. № 1. Янв. С. 4.

Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Т. 1. 277 с.

Погодаев Н. Новосибирская область в ноябре 1997 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1997/1097/54.html> (дата обращения: 17.09.2015).

Погодаев Н., Грибанова О., Коновалова Н. Новосибирская область в июне–июле 1997 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1997/0797/54.html> (дата обращения: 17.09.2015).

Попов И. Три республики // Сибирская газета, 1990. № 3. 22 янв. С. 4.

Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ея современное состояние и нужды. Сб. статей под ред. И.С. Мельника. СПб., 1908. С. 260–296.

Потанин Г.Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская газета. 1991. № 45. С. 8–9.

Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1993. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/Slovar4.pdf> (дата обращения: 10.12.2015).

Программа Совета Сибирского Народа (ССН) [Электронный ресурс] // Livejournal URL: <http://sibsovet.livejournal.com/8592.html> (дата обращения: 15.03.2012).

Проект основных начал «Положения о земских учреждениях в Сибири» // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 310–316.

Растов Ю.Е., Щербинин Д.И. Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 168 с.

Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.

Речь. СПб., 1907–1917.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 408. Оп. 1. Д. 30.

Русское слово: литературно-ученый журнал. СПб., 1859–1863.

С.-Петербургские ведомости. СПб., 1728–1914.

Пресс-бюллетень Сибирского независимого информационного агентства. 1989. Вып. 36. С. 5

Сверкунова Н.В. Феномен сибиряка // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 90–94.

Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. 192 с.

Северная пчела: газета политическая и литературная. СПб., 1857–1859.

Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1: В революции (1917–1919). Тяньцзинь, 1937. 289 с.

Серов В. Чего я боюсь... Сценарий сибирского переворота // Сибирская газета. 1992. № 12. Март. С. 7.

Серов В. Сибирь просыпается // Сибирская газета. 1992. № 14. Апр. С. 3–4.
Сибирская декларация [Электронный ресурс] // Livejournal URL: <http://real-siberian.livejournal.com/530048.html> (дата обращения: 15.03.2012).

Сибирский тракт. Газета Сибирской партии. 1997. № 1. Дек.

Сибирское областничество сегодня: вести с Байкальского фронта [Электронный ресурс] URL: <http://newsbabr.com/?IDE=38415> (дата обращения: 16.11.2010).

Сибирская газета. Новосибирск, 1989–1993.

Сибирская жизнь. Томск, 1905–1917.

Сибирская мысль. Красноярск, 1916.

«Сибиряков» в России за восемь лет стало почти в 412 раз больше – данные Росстата [Электронный ресурс] // ТАЙГА.ИНФО URL: <http://taiga.info/news/2011/12/20/~106368> (дата обращения: 15.03.2012)

Сибирь – не колония Москвы! [Электронный ресурс] // <http://sibfree.wixsite.com/freesib/about1-c1875> (дата обращения: 15.12.2015).

Скальский А. 1 Тех, кто выбрал себе национальность «сибиряк», зря обвиняют в сепаратизме [Электронный ресурс] // GLOBALSIB.COM URL: <http://globalsib.com/8319/> (дата обращения: 15.03.2011).

Скальский А. 2 Переписчики массово нарушают право граждан на национальное самоопределение [Электронный ресурс] // NewsBabr.com URL: <http://newsbabr.com/?IDE=89036> (дата обращения: 15.03.2011).

Соболевский А. Покорение Сибири Ермаком считать недействительным? // Литературная газета. 1992. № 36. 2 сент.

Сопов С. Сибирское соглашение, или Когда на Москву надежды нет // Сибирская газета. 1990. № 36. 15–21 окт.

Съезды, конференции и совещания классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917– ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. 152 с.

Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1857–1918.

Томская трибуна. Томск, 1989–1990.

Томские губернские ведомости. Томск, 1857–1917.

Ученые назвали «творческим сумасбродством» идею признания нации «сибиряк» [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20100930/280883671.html?in=t> (дата обращения: 10. 04. 2011).

Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 1998. 813 с.

Харусь О.А. Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. №1 (29). С. 15–23.

Харусь О.А. Создание областных союзов городов Сибири: опыт конструирования региональной идентичности в условиях военного времени (1914–1916 гг.) // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 311–315.

Харусь О.А. Сибирские депутаты в Государственной думе: поиск баланса региональных и общероссийских интересов (1906–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 137–141.

Чего я боюсь... Сценарий сибирского переворота // Сибирская газета. 1992. № 12. Март. С. 7.

Чеснокова Т. Настоящие сибиряки и другие эльфы [Электронный ресурс] // РОСБАЛТ. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/10/18/781780.html>: (дата обращения: 25.10.2010).

Шевцов В.В. Предыстория организации «Губернских ведомостей» в Сибири // 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 13–17.

Шевцов В.В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург. 2011. № 3 (92). С. 92–99.

Шиловский М.В. Хроника областнического движения в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1897–1917 гг. Томск, 1994. С. 6–16.

Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск, 1995. 136 с.

Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

Шиловский М.В. Первая русская революция 1906–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.

Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

Шиловский М.В. В. Три редакции сибирского областничества // Сибирская газета. 1992. № 42–43.

Широкова В. Национальность – «сибиряк» [Электронный ресурс] // Интерфакс. Россия URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/view.asp?id=179734> (дата обращения: 15.10.2010).

Shevtsov V.V. The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // Europolis: Journal of Political Analysis and Theory. 2013. Vol. 7, № 1. P. 77–92.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, 1992–2016 гг.

Л.В. Дериглазова, Г.В. Грошева, Д.С. Коньков

Постановка проблемы. В главе представлен процесс формирования и изменения европейской идентичности на уровне Европейского союза (ЕС), отдельных стран ЕС (Германии и Великобритании) и в России в 1992–2016 гг. Нижняя хронологическая рамка определена несколькими крупными событиями, которые продолжают оказывать влияние на процессы, идущие на европейском континенте. На рубеже 1980–1990-х гг. завершились холодная война и идеологическое и военно-политическое противостояние между Востоком и Западом. Страны Восточного блока отказались от продолжения строительства социализма и перешли к радикальным политическим, экономическим и социальным реформам, к рыночной экономике и демократической политической системе. В 1990 г. произошло объединение Германии, а страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) определили вектор своего развития как движение в сторону «объединенной Европы». В 1992 г. двенадцать стран Западной Европы, объединенные в европейские сообщества, приняли решение об углублении интеграции и создании Европейского союза, что было отражено в Маастрихтском договоре.

В рассматриваемый период число стран, входивших в ЕС, увеличилось более чем в два раза – с 12 стран в 1992 г. до 28 к 2013 г. В 2004 г. произошло самое массовое расширение ЕС – на десять стран, восемь из которых представляли страны ЦВЕ из бывшего социалистического лагеря. Кроме того, еще восемь стран – Албания, Монтенегро (Черногория), Турция, Македония, Исландия, Сербия, Босния-Герцеговина и Косово – хотели бы стать членами ЕС (страны-кандидаты или страны, стремившиеся получить такой статус). Начиная с 2004 г. Евросоюз проводил активную политику в отношении стран на юге и востоке от ЕС в рамках своей «Политики соседства». С 2009 г. ЕС предоставлял помощь в проведении реформ и

«европеизации» шести странам бывшего СССР в рамках программы «Восточное партнерство» – Армении, Азербайджану, Грузии, Украине, Белоруссии и Молдове.

Верхняя хронологическая граница исследования обозначена 2016 г. К этому году произошла консервация на высоком уровне трех больших кризисов в европейском строительстве. Первый кризис был порожден расширением европейской интеграции на постсоветском пространстве и был связан со стремлением Украины подписать договор об ассоциации с ЕС осенью 2013 г. События «второго майдана» в Украине зимой 2013/14 г., присоединение Крыма к РФ в марте 2014 г., начало активных боевых действий на востоке Украины в 2014–2015 гг. привели к началу режима санкций ЕС против РФ. Минские соглашения между Украиной и РФ, подписанные в феврале 2015 г. при посредничестве Франции и Германии, не привели к снижению вооруженных столкновений на востоке Украины и не создали реальную перспективу его политического урегулирования. Второй большой кризис связан с массовой миграцией беженцев из стран Африки и Ближнего Востока вследствие непрекращающихся войн на Ближнем Востоке и на Севере Африки в 2015 г. Страны ЕС пытались решить эту проблему как на уровне отдельных стран, куда в первую очередь приезжали мигранты, пересекая Средиземное море (Италия, Греция), так и в целом на уровне Союза по легализации, адаптации и интеграции мигрантов. Дополнительной проблемой, связанной с массовой миграцией, стали обострившаяся проблема безопасности и терроризма на Ближнем Востоке и целая серия террористических атак в европейских столицах и городах. Третий кризис был порожден референдумом о членстве Великобритании в ЕС в июне 2016 г., который завершился победой (52%) сторонников выхода страны из Союза. Против выхода проголосовали 48%. Выход Великобритании из ЕС занял почти четыре года и знаменовал превращение ЕС-28 в ЕС-27 в 2020 г.

Эти три кризиса, по мнению некоторых аналитиков, являются экзистенциальными для ЕС, так как обращены к принципиальным основам этого объединения (Саква 2015). Верхняя хронологическая рамка определяет начало глубоких кризисов как внутри Союза, так и за его пределами по поводу сути и цели интеграционного проекта. Начало выхода Великобритании из ЕС, получившего название

«Брексит», и серьезные разногласия между «новыми странами» – бывшими участниками Восточного блока по поводу миграции, компетенций институтов Союза, отношений с Россией по поводу конфликта в Украине и Крыма – все это вопросы, на которые сейчас ищут ответы политики и простые граждане ЕС.

В рамках данной главы мы сосредоточили свое внимание на периоде, который предшествовал кризисным событиям середины 2010-х гг. Именно в этот период происходили количественные и качественные изменения в европейском интеграционном проекте. К 2013 г. Европейский союз объединил большую часть европейских стран и стал важнейшим фактором, влияющим на все события на европейском континенте. В это время ЕС сохранял позитивную динамику и оказывал существенное влияние на то, что значит быть «европейским» или «принадлежать Европе», что было отражено в стремлении многих стран присоединиться к европейской интеграции. Одновременно на европейском континенте продолжались болезненные процессы дезинтеграции союзных государств – Союзной Федеративной Республики Югославия и СССР.

Авторы главы сделали попытку проанализировать процесс формирования и изменения европейской идентичности в данный период на трех примерах, представляющих собой также разные способы изучения наднациональной идентичности, в нашем случае – «европейской идентичности». Первый кейс анализирует деятельность институтов ЕС по формированию европейской идентичности. Здесь главным актором является само наднациональное объединение, стремящееся сформировать наднациональную идентичность как основу для единства очень разнородного объединения. Мы также сравнили эту внутреннюю для ЕС динамику формирования европейской идентичности с тенденциями изменения европейской идентичности в России.

Второй кейс рассматривает соотношение национальной и наднациональной европейской идентичности на примере Германии. Для Германии участие в европейской интеграции стало способом преодоления исторических травм и антагонизма со странами континента.

Третий кейс обращен к выявлению того, какое место занимают вопросы «общеευропейского исторического наследия» на примере

истории Древнего Рима в школьных программах отдельных стран. Для анализа выбрана Великобритания – страна, которая на протяжении десятилетий демонстрировала минимальный уровень «европейской идентичности» и при этом имела на своей территории аутентичные памятники периода Римской империи.

Выбор кейсов позволяет, по мнению авторов, представить содержательное и методологическое разнообразие в исследовании наднациональной идентичности и ее соотношения с национальной. Кроме того, авторы были движимы стремлением расширить привычный для историков круг источников и методов. Помимо исследовательской литературы, привлекались аналитические доклады, подготовленные по заказу Европейской комиссии – одного из основных институтов Европейского союза, результаты опросов общественного мнения, результаты исследований, проведенных качественными методами, опубликованные документы и речи европейских политиков. Для третьего кейса источниками стали учебники и учебно-методические пособия по истории для средних школ Великобритании. Все это позволило определить особенности формирования европейской идентичности в рассматриваемый период и влияние ЕС на чувство принадлежности к Европе в разных европейских странах.

Изучение европейской идентичности интересно по нескольким причинам. Во-первых, это пример сознательного формирования наднациональной идентичности для народов с большой и богатой историей, разнообразием культурных практик и традиций, языков, со сложной историей взаимоотношений в рамках до сих пор скорее аморфного политического образования. На территории ЕС проживает около 100 этнических групп разного происхождения (автохтонных народов, давних и новых мигрантов), говорящих на трех десятках языков. Во-вторых, формирование идентичности ЕС основано на введении гражданства ЕС как права доступа к общественным благам, сформированным в результате европейской интеграции. Эти достижения европейской интеграции носят наднациональный характер и создают зону символического взаимодействия между жителями ЕС и наднациональными институтами, усиливая когнитивную и эмоциональную связь между людьми и наднациональными институтами.

Авторы не ставят задачу определения содержания «европейской идентичности», что является темой огромного количества публикаций академического, политического, полемического и внедисциплинарного характера. Наша задача заключается в том, чтобы показать, как данное понятие наполнялось определенным смыслом институтами ЕС и национальными институтами стран ЕС в различных контекстах. Мы изучали европейскую идентичность как проект, который реализует Европейский союз, и как реальную самоидентификацию жителей европейских стран. Нашей задачей являлось обнаружение сущностного в конструируемом. Критики деятельности Европейского союза по формированию европейской идентичности часто заявляют о том, что эта деятельность институтов ЕС является попыткой создания сущностного из несуществующего или наполнения смыслом несущественного.

Методологической основой нашего исследования является полидисциплинарный подход, который учитывает положения примордиализма (эссенциализма), конструктивизма и дискурсивного анализа. Примордиализм акцентирует важность этнокультурного разнообразия европейских стран и сохранения национальной идентичности большинства жителей европейских стран как основой идентичности. Конструктивизм позволяет сосредоточить внимание на деятельности институтов ЕС по формированию европейской идентичности как наднациональной. Дискурсивный анализ важен при исследовании текстов учебных пособий. Авторы являются внешними наблюдателями изучаемого явления, не будучи жителями стран ЕС, но вопрос принадлежности России к Европе является предметом дискуссий внутри страны и за ее пределами на протяжении более двухсот лет.

Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности начала привлекать внимание исследователей относительно недавно, что объясняется непродолжительной, но активной деятельностью ЕС в этом направлении. Назовем несколько работ, где предпринимались попытки осмысления деятельности ЕС по формированию наднациональной идентичности. Крис Шор в монографии «Конструируя Европу: культурная политика европейской интеграции» изучал особенности формирования европейской идентичности в пространстве публичной политики, в средствах массовой

информации. Целью этой деятельности было усиление легитимности институтов ЕС, и поэтому формирование европейской идентичности рассматривалось как важный элемент для создания единого политического пространства, которое бы объединило столь разнообразные регионы и страны и укрепило связь между институтами и гражданами ЕС. К. Шор приводит цитату из директивы Европейской комиссии «Телевидение без границ» от 1984 г., которая подтверждает такое целеполагание: «Информация является решающим, возможно наиболее важным, фактором Европейской унификации... Европейская унификация может быть достигнута только, если европейцы захотят этого. Европейцы этого захотят только, если существует такая вещь, как европейская идентичность. Европейская идентичность может быть сформирована, если только европейцы будут адекватно информированы. Однако в настоящее время информация через средства массовой информации контролируется на национальном уровне» (Shore 2000: 45). Национальная идентичность жителей ЕС, транслируемая национальными средствами массовой информации, рассматривалась институтами ЕС как препятствие для создания европейской идентичности.

Антропологический подход к осмыслению того, что значит «Европа и «европейская идентичность», представлен в монографии немецкого этнографа и антрополога Ульриха Коккеля «Переосмысливая Европу: границы, идентичность места и путешествия по спорным землям» (Kockel 2010). Книга основана на изучении идентичности двух европейских народов, у которых она является наиболее комплексной и «вненациональной» – немцев и британцев. Оба национальных кейса совпадают с выбором авторов данной главы. Для Германии усиление европейской идентичности в послевоенный период стало «рецептом» преодоления националистических идей предшествующего периода нацизма. Для Великобритании – это опыт империи и ее трансформации. Идея книги заключается в изучении идентичности у народов, история которых сопряжена с периодической сменой, разрушением или отторжением формальных рамок национальной идентичности в её современном формате национального государства с очерченными границами и выраженными символами национальной идентичности (культура, в том числе религия, традиции, образ жизни, язык) и фиксацией этих символов как

важных атрибутов принадлежности к национальному государству и гражданству. Книга основана на обширном материале полевых исследований с особым вниманием к проявлениям европейской идентичности в фольклоре и традициях у народов, которые живут на пересечении границ национальных государств.

Начало книги У. Коккеля точно передает смысл дискуссий по поводу «Европы» внутри континента и за его пределами: «Давным-давно, хотя и не так давно, существовало место под названием “Европа”, которое некоторые из нас все еще помнят. Как и в других частях мира, здесь были кое-какие проблемы, но многие люди здесь тем не менее были достаточно счастливы, в то время как много других людей отовсюду на протяжении многих лет стремились переехать в Европу, несмотря на то, что, как нам говорят, очень может быть, такого места вовсе и нет на свете, или даже никогда и не было. Хотя не так давно всем казалось совершенно очевидным, где находится Европа и что она такое» (Kockel:1). В этом шутовском и провокационном начале отражен главный посыл книги – поиск смысла, который вкладывают в понятие Европы ученые и народы, живущие или не живущие в Европе. Главным источником споров является проект «объединенной Европы» в рамках Европейского союза, который, по справедливому заключению автора книги, не исчерпывает понимание «европейский», хотя настойчиво претендует на это (Kockel: 2).

Европейская идентичность была в центре внимания большого исследовательского проекта, реализованного в 2005–2009 гг. в рамках Шестой Рамочной Программы ЕС, под названием «Интюн: интегрированные и объединенные: поиск гражданства в еще более близкой Европе» (INTUNE Project). В 2012 г. были опубликованы монографические исследования, представляющие результаты исследований европейской идентичности на четырех уровнях: политических элит (The Europe of Elites ... 2012), масс (Citizens and the European polity 2012), средств массовой информации (European identity. What media say 2012) и вовлеченности в европейскую политику стран, вошедших в ЕС после 2004 г. (The Europeanization of national polities? 2012). Методология исследования включала количественные (массовые опросы общественного мнения) и качественные методы (глубинные интервью с экспертами и политиками), а также

контент- и дискурс-анализ прессы и телевизионных программ в 18 европейских странах. Данные этого исследования заставляют по-новому взглянуть на европейскую идентичность на национальном и наднациональном уровнях.

Анализ уровня элит показал большое разнообразие отношений. Разные подходы к европейской интеграции отмечены у политических и экономических элит: экономические элиты поддерживают углубление интеграции и усиление полномочий наднациональных органов для устранения барьеров в экономической сфере, однако возражали против унификации налогового законодательства, включая порядок социальных отчислений. Для политических элит также была характерна двойственность позиции, но другого свойства: они использовали идею европейской интеграции для получения поддержки на выборах в своих странах, однако на практике в процессе принятия решений на общеевропейском уровне были больше заинтересованы в сохранении межгосударственного подхода и высокой роли национальных правительств в решении общеевропейских проблем. Для политических элит было характерно стремление сохранить компетенции в вопросах, которые касались уровня жизни населения – налогообложение и социальная защита, в то время как население стран ЕС было больше заинтересовано в гармонизации этих сфер через создание единого наднационального пространства. Как отмечено в монографии, «мы видим Европу как полифонический оркестр, который пытается создать гармоничный звук из какофонии многоголосицы национальных мелодий» (*The Europe of elite*: 238).

Анализ прессы и телевизионных программ показал, что образ Европы оставался очень неопределенным, произвольно интерпретируемым как некое географическое пространство или ЕС. Любопытно, что для французского телевидения в большей степени был характерен тон «общеевропейской объединенной идентичности» с ярко выраженной концепцией «коллективного мы», сконцентрированного вокруг Франции. В Великобритании, напротив, Европа нередко изображалась скептически как что-то отстраненное. Сопоставление британской и итальянской прессы показало, что общая европейская история для итальянцев в большей степени была представлена полевым развитием, тогда как для Великобритании – это более

продолжительная история вообще, включая историю европейского колониализма и империй (European identity 2012).

В основе нашего исследования находится понимание идентичности как сложного явления, имеющего множественные и многоуровневые формы (Хунагов 2013: 6–7). Мы учитывали подвижность границ идентичности, их зависимость от конкретных исторических условий, включая периоды «кризисов идентичности», когда обострялись проблемы адаптации и происходил поиск новых форм сосуществования людей в усложняющемся социокультурном пространстве (Астафьева 2010: 259). При изучении европейской идентичности важно учитывать положения эссенциалистского подхода с его опорой на историко-культурные аспекты идентичности и конструктивистского, в рамках которого идентичность рассматривается как конструируемый с помощью политических и идеологических механизмов феномен или как средство достижения целей экономического, политического или иного характера.

Полидисциплинарный подход, который мы выбрали в качестве методологической основы своего исследования, соответствует синтетической парадигме «исторического конструктивизма», которую немецкий социолог Хенрих Бест определил следующим образом: «Мы признаем, что элиты играют ключевую роль в формировании и внедрении массовых политических идентичностей, но мы настаиваем на том, что они не могут управлять населением по своему усмотрению. Идентичность подразумевает последовательность, что несовместимо с идеей неограниченной свободы в формировании массовой идентичности. Таким образом, элиты оказываются в роли «ученика чародея», т.е. продукт их деятельности обладает определенной автономией. Формирование массовой идентичности элитами ограничивается и направляется исторически сложившимися обстоятельствами и практиками, формирующими коллективную память и определяющими условия жизни населения... Принимая во внимание то, что исторические обстоятельства и практики ограничивают произвол элит в формировании коллективной политической идентичности, мы вводим понятие “исторический конструктивизм”, подразумевающий особое внимание к случаям взаимодействия, направленным как сверху вниз, так и снизу вверх, которые лежат в основе

формирования и внедрения массовой политической идентичности» (Best 2012: 58).

Авторы являются историками, и это определило основной исследовательский подход изучения европейской идентичности в контексте европейской интеграции – критический анализ конкретных практик изучаемого субъекта (ЕС) с учетом целеполагания и сопоставления целей и результатов сознательной деятельности по формированию европейской идентичности в рамках европейской интеграции. Нас как историков интересовало, насколько деятельность политических элит, направленная сверху вниз, способна была создавать новую реальность. С другой стороны, нам было интересно изучить то, как национальные практики отражали принятие, модификацию или отторжение общеевропейского посыла, транслируемого из Брюсселя. Решить данную задачу можно было, обращаясь к анализу эксплицитно выраженного чувства принадлежности у представителей политических элит, а также к результатам количественных и качественных исследований общественного мнения в странах ЕС и в России. Сопоставление данных опросов общественного мнения в странах ЕС и в России с динамикой событий позволило выявить факторы, которые влияли на усиление или ослабление чувства наднациональной идентичности и его содержательную интерпретацию.

1.1. Трансформация понятия «Европа» после окончания холодной войны

Европейская идентичность является наднациональной категорией и существует как в странах, входящих в ЕС, но по-разному ощущающих свою принадлежность к этому наднациональному сообществу, так и в странах, не входящих в ЕС и не имеющих перспектив на вхождение. Рассуждения о Европе требуют учета нескольких смыслов этого понятия: 1) географического как части света; 2) политического в виде европейских организаций, действующих на основании договоров, норм, институтов и обязательств; 3) культурно-цивилизационного как некоего воображаемого сообщества (*Imaginable community*), принадлежность к которому не является фиксированной, а скорее относится к сфере самоидентификации

народов, стран и отдельных людей. Географические границы Европы менялись со временем, и до сих пор существуют споры по поводу принадлежности тех или иных стран к Европе. Наиболее спорными и подвижными являются восточные и южные границы Европы, так как помимо географического измерения они затрагивают и культурно-цивилизационную принадлежность. Клаус Эдер определил эти различия как проблему «мягких воображаемых границ» (*soft imaginary boundaries*) Европы, соответствующих географическим и культурно-цивилизационным рамкам, и «жестких институционализованных границ» (*institutional hard boundaries*) Европы в рамках ЕС (Eder 2006: 256).

Отношения между Европой, ЕС и отдельными европейскими странами, включая Россию, можно проиллюстрировать, используя схему подмножеств, предложенных математиком Леонардом Эйлером и получивших название кругов Эйлера. Европа как часть света является частью материка Евразия, а политическая карта Европы включает 50 стран, а также спорные территории, непризнанные или частично признанные государства, карликовые и островные государства. 27 стран входят в Европейский союз, и еще семь стран были официально зарегистрированы как кандидаты на вхождение в ЕС в 2016 г. Еще ряд стран сотрудничали в рамках программ соседства ЕС (Украина, Грузия, Молдова, Армения). Некоторые европейские страны не входили в ЕС, но тесно сотрудничали с ЕС в сфере экономики, политических отношений и вопросов внутренней и внешней безопасности (Швейцария, Норвегия, Исландия). 47 стран Европы были объединены в рамках организации Совет Европы, включая Россию. Россия географически является европейской страной, и ее наиболее важная часть (в политическом, демографическом и экономическом смысле) находится в Европе. Однако большая территория России находится в Азии, и в географическом смысле Россия является скорее «евразийской страной», чем сугубо европейской. Можно также упомянуть Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которая включала в себя все страны Европы, а также США и Канаду. В 2016 г. 27 стран Европы входили в военно-политический союз НАТО, где роль лидера играет географически неевропейская страна – США, и куда входит также Канада.

Визуализация политической архитектуры Европы (*политическая Европа*) в виде кругов Эйлера представляет собой хорошее упражнение для определения границ принадлежности и их пересечения, исходя из формально закрепленного членства стран в этих организациях. Рассматривая эту схему, можно обнаружить «самые европейские страны», которые входят во все эти подмножества (например, Франция, Германия, Италия), и те страны, которые наименее включены в европейские организации (Беларусь). Можно выделить наиболее инклюзивные (включающие) европейские организации – ОБСЕ и Совет Европы, и те, принадлежность к которым ограничена, – НАТО и ЕС. Две последние организации представляют собой наиболее близкие объединения за некоторыми исключениями. Помимо неевропейских США и Канады в НАТО входят Турция, Албания, Норвегия, Исландия, Черногория, но они не входят в ЕС. Однако эти страны либо являются официальными кандидатами на вступление в ЕС (Албания, Черногория, Турция), либо рассматривали такую возможность и отвергли ее (Норвегия и Исландия). Некоторые страны ЕС сохраняли нейтральный статус и не входили в НАТО – Швеция, Австрия, Финляндия, Мальта. В 2000-е гг. 21 страна Европы участвовала в программе НАТО «Партнерство ради мира», включая нейтральные стран ЕС, страны – кандидаты ЕС, страны Восточного партнерства и страны вне формализованных отношений с ЕС (Россия, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан).

Конфигурация всех названных европейских организаций значительно изменилась после 1991 г., задав определенный вектор идентичности через формализацию отношений между странами Европы. Важное значение в этих переменах играл вопрос о символической принадлежности к Европе как к единому ценностному пространству, идеальному сообществу, стремящемуся к идеалам мира, развития, защиты прав человека и обеспечения всеобщей безопасности на принципах сотрудничества, добрососедства и открытости. Эти идеи были выражены лидерами европейских стран в концепциях «Большой Европы» и «Общий дом Европа» на рубеже 1990-х гг. Энтузиазм того времени сохранялся, несмотря на начало вооруженных конфликтов в Европе и на ее периферии, многие из которых были заморожены без осязаемой перспективы разрешения в обозримом будущем. Неразрешенные конфликты с высоким потенциалом эска-

ляции повлияли на то, как понималось политическое пространство Европы и какие способы решения проблем предлагались. В этом смысле вопрос о принадлежности к Европе приобрел ярко выраженный политический и ценностный характер и определялся конкретным выбором политических лидеров и народов, голосующих за или против «идеальной Европы».

В 1990-е гг. совпали во времени и пространстве два больших процесса в Европе, что создало неразделимую динамику событий и взаимозависимость участников этих процессов. Первый процесс – это расширение и углубление европейской интеграции, переход ее на качественно новый уровень, что требовало усиления наднациональных институтов Европейского союза, и начало создания *политической общности европейцев* или своеобразной нации в рамках ЕС. Второй процесс – это дезинтеграция Восточного блока как военно-политического союза и социально-экономической системы, основанной на общей идеологии. Дезинтеграция Восточного блока и стран, входивших в СССР, а также реформы в этих странах создали ситуацию выбора политических, социально-экономических и идеологических оснований и определения ориентиров будущего развития для почти тридцати стран постсоветского пространства. В начале 1990-х гг. в Европе таким ориентиром стал ЕС. Именно в это время ЕС представлялся воплощенным идеалом мирной и процветающей Европы для стран Центральной и Восточной Европы, включая страны бывшего СССР. В договоре о создании Европейского союза (Маастрихтский договор) было записано положение о возможности «любой европейской стране подать заявку на вступление в Союз» (Treaty: 138) без уточнения географических границ. Условия присоединения к ЕС были детализированы Европейским советом в 1993 г. и 1995 г. и получили название Копенгагенских критериев присоединения (Accession criteria). Копенгагенские критерии определили ценностные и нормативные требования к странам-кандидатам, включая их приверженность созданию политического, экономического и монетарного союза¹.

¹ https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/accession_criteria_copenhagen.html

Для России и стран, которые хотели войти в ЕС или тесно сотрудничать с Союзом, этот вектор внутренних преобразований получил название «европеизации» как способ сближения с нормами и стандартами ЕС. Процесс «европеизации», которую реализовывал ЕС, Петр Краточвил определил как «существенное изменение в политике практик и дискурса (как на уровне элит, так и на уровне общества) по поводу собственной идентичности и места в мире, как результат нормативного давления или привлекательности Европейского союза» (Kratochvil 2008: 398). «Европеизация» стран-кандидатов происходила как планомерное изменение законодательства и практик в деятельности публичных институтов перед формальным вхождением в ЕС и усвоение тысяч нормативных актов, регулирующих внутреннюю и международную деятельность, что было названо термином 'acquis communautaire' (достижение сообщества). Согласно условиям присоединения, страны-кандидаты до вступления в ЕС должны согласовать «условия и время принятия, применения и выполнения всех действующих правил ЕС», сгруппированных в 35 «нормативных глав»¹.

«Европеизация» России происходила при активном участии ЕС через программы технической помощи, экспертной и финансовой поддержки реформ административной, судебной и избирательной системы. Россия вошла в Совет Европы в 1996 г. с соответствующими изменениями в правовой сфере и сфере правоприменения. Присоединение России в 2003 г. к Болонскому процессу, направленному на формирование Европейского единого образовательного пространства, потребовало серьезной реформы не только высшего, но и среднего образования страны, что было формально завершено к 2010 г.² В отношении России политика «европеизации» дополнялась политикой «нормализации» страны с отчетливым акцентом на трансформацию бывшего гегемона Восточного блока в «обычное» европейское государство с отказом от былых привилегий и прав как

¹ Chapters of the aquis. https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership/chapters-of-the-acquis_en

² С началом вооруженного конфликта между Россией и Украиной в 2022 г. правительство России заявило о выходе из Болонской системы и Единого европейского образовательного пространства и о выходе из Совета Европы.

в отношениях с ЕС, так и в отношениях со странами бывшего Восточного блока. В отношениях России с ЕС и НАТО достаточно быстро появилось понимание того, что Россия никогда не будет принята ни в один из этих союзов, а всегда будет оставаться вонне как не совсем «обычное» государство. Вхождение России в НАТО в качестве полноправного участника было «невообразимым» как бывшего противника, для ЕС Россия представлялась слишком «большой и другой» страной, которую Союз вряд ли мог «переварить» и которая создала бы серьезный дисбаланс внутри Союза (Marquand 2009: 49).

Таким образом, после окончания холодной войны на европейском континенте произошло существенное изменение смысла, который народы и политические лидеры вкладывали в понятие «Европа». Сутью изменения являлись отход от его географического смысла и усиление значения политико-экономической и символической принадлежности с отчетливыми и фиксируемыми институциональными рамками такой принадлежности. Европейская идентичность в контексте европейских региональных организаций – это не только то, кем осознавали себя жители стран, входящих географически в Европу, а также и то, кем бы они хотели себя ощущать и к какому сообществу хотели бы принадлежать. Чувство принадлежности к Европе не только отражало реально существующее соответствие внутреннего пространства разных стран некому общему «европейскому образцу», но и являлось стремлением различных стран к сближению с «идеальной Европой» в результате вхождения в европейские структуры. Эта закономерность особенно ясно проявилась в период расширения европейских организаций после окончания холодной войны. На рубеже веков ЕС нередко символизировал «идеальную Европу» с отсутствием вооруженных конфликтов внутри и вонне, с высоким уровнем жизни, защищенностью прав граждан и устремленностью в будущее в соответствии с декларируемыми принципами и ценностями.

1.2. Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности

Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности имеет две направленности: 1) внутри ЕС – это

создание политической общности или гражданской нации на уровне ЕС и 2) вовне ЕС – усиление европейской идентичности и привлекательности европейских ценностей в странах – кандидатах на вступление в ЕС и в странах, с которыми Союз устанавливает партнерские отношения. В рамках ЕС целью является формирование гражданской идентичности жителей Союза, которая смогла бы «сцементировать» столь разноликий и разноязыкий союз. Во внешней политике усиление европейской идентичности рассматривается через призму «мягкой силы» ЕС, которая создает положительный образ среди населения и элит стран-партнеров.

Европейская идентичность, как и другие виды идентичностей, включает в себя представления о своеобразии собственного внутреннего пространства, а также о существенных различиях между Европой и остальным миром. При рассмотрении проблемы европейской идентичности неизбежно возникает вопрос: «Можно ли выделить какое-либо отличие идентичности Европейского союза по сравнению с просто "европейской идентичностью"?» Как отмечают многие исследователи, европейская идентичность является сплавом двух противоречивых подходов – культурно-социального и политического, и, следовательно, отличие европейской идентичности от идентичности ЕС сопоставимо с отличием культурной и гражданской идентичностей и заключается в специфике культурно-социологического и политико-правового понимания принадлежности и проистекающей из нее идентичности. Эта противоречивость проявляется в деятельности институтов ЕС по формированию чувства европейской идентичности, во взглядах граждан ЕС и населения стран – кандидатов в ЕС и стран-партнеров на то, что значит «быть европейцем».

Трудно найти концептуальные различия между декларируемыми ценностями Европейского союза и других европейских организаций. Важными составляющими европейской идентичности и идентичности ЕС являются представления о политическом устройстве (демократия и защита прав человека); экономическом (рыночная экономика и свобода предпринимательства); в области социальных отношений (принципы социальной солидарности и сплоченности); во внешней политике (отсутствие вооруженных конфликтов между европейскими странами). Последний тезис сторонников европейской

интеграции подвергается критике в связи с конфликтом на Украине, формальным поводом для которого стал вопрос о подписании договора об ассоциации Украины с ЕС. По мнению британского политолога Ричарда Саквы, ЕС, по сути, разрушил свои основания как «союз ради мира в Европе» и создал новые разделительные линии на континенте (Саква 2015). Начало полномасштабного вооруженного конфликта между Россией и Украиной при поддержке последней всеми странами ЕС в 2022 г. подтверждает логику разделения Европы. Главное различие между принадлежностью к Европе и принадлежностью к ЕС заключается в возможности формализовать последнюю. Принадлежность к ЕС является более узким признаком, который определяется не посредством чувствования, а через вхождение конкретных стран в ЕС и те правовые и практические последствия, которые вытекают из этой принадлежности.

Европейский союз подчеркивает примат экономических оснований своего существования, хотя приобрел со временем ряд структур наднационального или вненационального характера. Идеологи европейского экономического объединения называют главным достижением ЕС сохранение мира в Европе посредством экономической интеграции. Уровень жизни в странах ЕС является одним из самых высоких в мире, что проявляется в макроэкономических показателях и в продолжительности жизни граждан ЕС. Европейский союз обладает рядом характеристик, которые приближают его к федеральному государству: наднациональные институты законодательной, исполнительной и судебной власти; единый внутренний рынок; общая денежная единица, зона евро, которую используют 20 стран; выстраивание общей внешней политики и политики миграционного контроля вовне и безвизового пространства внутри ЕС. Дополнительные возможности наднационального регулирования разных сфер жизни стран ЕС вносит обширное вторичное законодательство, которое насчитывает тысячи резолюций, регламентов, директив и постановлений различных институтов ЕС.

Деятельность ЕС по формированию европейской идентичности в рамках ЕС преследует две взаимозависимые цели: 1) создание единой наднациональной политической общности на основе гражданского толкования нации и 2) усиление лояльности жителей ЕС к этой организации для преодоления кризиса легитимности союза. Эта

цель часто обозначена как преодоление демократического дефицита, то есть разрыва между населением стран ЕС и наднациональными институтами ЕС. Углубление европейской интеграции приводит к вторжению институтов ЕС в сферу компетенций национальных правительств, что создает двойственность: уменьшение компетенций национальных институтов решать конкретные проблемы на уровне страны и создание видимости того, что только институты ЕС могут решить возникающие проблемы европейцев. Особенно ярко эта тенденция проявилась в ходе восточного расширения ЕС за счет стран бывшего социалистического блока в начале 2000-х гг.

Примером осознания проблемы демократического дефицита может служить речь Вацлава Гавела, президента Чехии в 1993–2003 гг., в Европейском парламенте в 1994 г. Он обратил внимание на то, что собственно идентичности ЕС не существовало или многие европейцы ее не ощущали и что такую идентичность необходимо создать для успешного решения задач интеграции Европейского континента. В частности, он отметил: «Нельзя сказать, что Европейский союз не имеет свой собственный дух (spirit), из которого бы исходили все конкретные принципы. Однако ясно и то, что этот дух трудно распознать. Он кажется спрятанным за нагромождениями системной, технической, административной, экономической, монетарной и другой деятельности Союза. Именно по этой причине вполне объяснимо у многих людей сложилось впечатление, что Европейский союз – если выразить простым языком – не больше, чем бесконечные дискуссии о том, сколько моркови можно куда-либо экспортировать, кто определяет это количество, кто это проверяет и кто на деле наказывает нарушителей подобных договоренностей. На мой взгляд, наиважнейшая задача, с которой сейчас столкнулся Европейский союз, это новое и действительно ясное понимание европейской идентичности, новое и действительно ясное определение европейской ответственности, усиливающей интерес к каждому аспекту европейской интеграции во всех ее проявлениях для современного мира и воссоздание ее идеи или, если хотите, ее харизмы» (Havel 1994).

Начиная с 1990-х гг. Европейский союз формирует «европейскую идентичность», нередко претендуя на то, что «идентичность ЕС» и есть та самая наднациональная, общая идентичность жителей

Европы, которая создает новую политическую реальность – гражданскую нацию европейцев (Fligstein 2008). Целенаправленная деятельность европейских институтов по формированию европейской идентичности заключалась в том, чтобы понятие «Европы» ассоциировалось в первую очередь с Европейским союзом. Институты ЕС рассматривали процесс формирования европейской идентичности как важное направление современной политики ЕС для успешного решения вопросов интеграции. Осознанное отношение к созданию европейского единства отражено в речи Роберта Шумана 9 мая 1950 г., которая является важным политическим манифестом о необходимости объединения Европы после окончания войны. В речи отмечалось, что «единая Европа не может быть создана внезапно, в один момент, или согласно какому-либо единственному плану. Она будет построена благодаря конкретным достижениям, которые впервые создадут фактическое единство» (The Schuman Declaration).

Европейский союз довольно долго развивался в соответствии с логикой экономического и политического целеполагания, и европейская идентичность воспринималась как некая данность, которая способствует достижению поставленных политических и экономических задач. Существование такого представления облегчалось наличием «железного занавеса» и возможностью формировать идентичность на противопоставлении. Однако политические изменения в Европе заставили по-новому взглянуть на содержание общеевропейского проекта, его цели, задачи и принципы объединения.

Именно после подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и принятия принципиального решения о возможности вхождения стран Центральной и Восточной Европы в Европейский союз на Копенгагенском саммите в июне 1993 г. деятельность ЕС по формированию европейской идентичности стала более системной и целенаправленной. Главным мотивом такой деятельности явились изменение внешней среды ЕС и растущая гетерогенность внутреннего пространства. ЕС стремился совместить без противопоставления и соподчинения национальную и наднациональную идентичность граждан ЕС, выделяя важные объединяющие элементы идентичностей. Наряду с идеей минимального вмешательства институтов ЕС в деятельность национальных правительств, развивалась правовая база формирования общего гражданства ЕС. Так, в 2000 г. в рамках сам-

мита в Ницце была принята Хартия основополагающих прав граждан ЕС, которая была включена в Лиссабонский договор 2007 г. Попытки ЕС создать единую наднациональную правовую базу взаимоотношений между гражданами стран – членов ЕС и институтами ЕС можно интерпретировать как действия, направленные на формирование гражданской нации и соответствующей ей идентичности ЕС.

Деятельность институтов ЕС в 1990-е и 2000-е гг. была направлена на создание активного поля символического взаимодействия между гражданами европейских стран, популяризацию и распространение знаний о конкретных положительных действиях ЕС, которые оказывают влияние на жизнь европейцев (когнитивно-эмоциональных аспектов идентичности). Одним из примеров является популяризация общеевропейских символов: флага, гимна, Дня Европы. Объединяющим символом, которым ежедневно пользуются европейцы, стало введение в оборот единой европейской валюты (евро) в 2002 г. Конкретными формами символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС можно считать Шенгенскую зону безвизового передвижения, введение единого образца медицинской карты, водительского удостоверения, Единое европейское пространство высшего образования и специальные программы, которые финансировал ЕС для сохранения объектов культурного наследия, музеев, студенческой мобильности, развития науки. Особое место занимала образовательная деятельность, направленная на введение курсов, посвященных истории и современному положению ЕС, в университетах и школах через программы Темпус, Жана Монне, Эразмус и другие.

Европейский союз инициировал программы, мероприятия и различные виды деятельности в области культуры, образования, политики, которые были призваны усилить положительный образ объединенной Европы. В 2007 г. Европейский парламент принял решение о создании музея под названием Дом Европейской истории, который был открыт в мае 2017 г. в Брюсселе. ЕС финансово и организационно поддерживает исследования, посвященные европейской интеграции, и некоторые европейские ученые даже отказывались от участия в грантовых программах ЕС ради сохранения независимости в своих оценках объекта исследования.

В 1993 г. был создан общеевропейский канал «Евроньюс» с вещанием в разных форматах на 11 языках. Целью канала, заявленной на его официальном портале, являлся ответ на «потребность упрощения новой наднациональной самоидентификации народов континента с ростом влияния Европейского союза» (Euronews). Были созданы специальные программы, в которых обсуждались проблемные вопросы европейской интеграции, например «Ты говоришь» (Utalk), «Я говорю» (Italk), «Ты вправе» (Righton) и «Поколение Y» (Generation Y).

Приведем пример двух сюжетов программы «Utalk», посвященных европейской идентичности и деятельности ЕС. В программе от 15 августа 2012 г. молодая француженка задала вопрос: «Сейчас много говорят о европейском самосознании. Нам предлагается чувствовать себя сначала европейцем, а уже потом, к примеру, французом. Так вот, что понимается под европейским самосознанием?» Отвечая на этот вопрос, профессор Паскаль Делвит из Свободного университета Брюсселя сказал, что в ЕС «немало поклонников идеи формирования европейского самосознания, эта идея пропагандируется как на общесоюзном уровне, так и на уровне отдельных стран», однако это не означает, что «принадлежность к Большой Европе должна затмить национальный паспорт». Делвит отметил, что должно существовать параллельное восприятие себя европейцем и гражданином отдельной страны, отдельного региона, подобно США, и подчеркнул важность статуса европейского гражданина. Он также сослался на примеры общеевропейской символики, которые закрепляют идею принадлежности к ЕС, этому многокомпонентному образованию (флаг, гимн, евро, шенгенское пространство, попытка создать некую социальную модель европейского гражданина) (Европа солидарной молодежи 2013).

На вопрос студента из Греции: «Как можно мотивировать молодых, с тем чтобы они встали на позиции европейской солидарности, единого европейского взгляда?» – ответила Вивьен Рединг, тогда вице-президент Европейской комиссии, комиссар по делам правопорядка, прав человека и гражданства. По ее мнению, расширению знаний о Европе среди молодых европейцев должна помочь программа студенческого обмена «Эразмус», которая формирует эмоциональное, положительное восприятие европейского единства. Она

также привела пример проекта «Культурная столица Европы», в 2014 г. это был город Салоники в Греции. По словам Рединг, такие мероприятия являются «стимулом для тех, кто следит за культурной жизнью Европы, приехать в Салоники, познакомиться с этим прекрасным древним городом. Еще раз ощутить, что такое Европа во всем ее культурном, языковом многообразии» (Европейское самосознание 2012).

По поводу концепции, содержания и будущего гражданства ЕС велись споры в обществе, среди политиков и экспертов. Суть споров можно коротко определить тремя проблемами: 1) насколько гражданство ЕС и институты ЕС обеспечили реальное воплощение прав граждан Союза; 2) насколько была возможной реализация и корректировка содержания прав граждан Союза без существования адекватного механизма представительства и политического участия через партийную политику и выборы на наднациональном уровне; 3) насколько было возможно на практике достичь одного уровня обеспечения прав граждан в условиях существенных различий в их наполнении в странах ЕС. Активно обсуждаемой являлась тема обязанностей граждан ЕС по отношению к наднациональным институтам или проблема совмещения прав и обязанностей гражданина ЕС, без чего не может существовать гражданство любого уровня (Hansen, Hager 2010: 2).

Концепция гражданства ЕС воплощала сложность и недостаточную прозрачность установок, заложенных в договорах Союза. Равенство всех жителей стран – членов ЕС и принцип недискриминации для обеспечения мобильности «людей, товаров и услуг» являлись изначальной установкой интеграционного объединения. В практической плоскости гражданство ЕС обещало европейцам сохранение их прав при трансграничной мобильности в рамках ЕС, особенно прав, связанных с социальным обеспечением (доступ к социальным службам, образованию, медицинскому обслуживанию, социальным выплатам, связанным с работой, ее потерей или отсутствием, пенсионное обеспечение и т.д.). Однако выполнение данных положений на практике наталкивалось на различия в механизмах реализации прав и в объеме этих прав в разных странах, что создавало постоянное противоречие между ожиданиями и реальностью. Эти сложности осознавались как на уровне масс, так и на уровне

элит. Лиссабонский договор основан на ряде компромиссов, в том числе и по вопросу о гражданстве и правах граждан ЕС. Так, в основной текст договора не вошла Хартия основных прав гражданина ЕС, однако, согласно статье 6 договора, «Союз признает права, свободы и принципы», которые были определены в Хартии, и указывает, что «Хартия будет иметь такую же юридическую силу, как и Договоры Союза». Далее в статье договора сказано, что «положения Хартии ни в коем случае не будут продолжением компетенций Союза, как это определено в Договорах» (Treaty of Lisbon 2007). Некоторые исследователи полагали, что это положение является подтверждением того, что реализация прав граждан осталась ответственностью национальных правительств в соответствии со сложившейся практикой, то есть статья 6 «является политическим заявлением, но не имеет юридической силы» (Blanke, Mangiameli 2013: 307).

В то же самое время Лиссабонский договор, не отменяя и не заменяя национальные конституции, создал основу для толкования законов на основе права ЕС и появления прецедентов применения вторичного права ЕС вопреки положениям национального законодательства. Фритц Шарпф, профессор института социальных исследований имени Макса Паланка в Кельне, полагал, что «вертикальная интеграция через право», которую использовали институты ЕС (Комиссия и Суд), посредством правоприменительных методов и регулирования, координации и сближения национального права имела далеко идущие последствия для создания единообразного поля прав и их толкований, что пока было недостаточно признано и оценено в рамках всего Союза. Причем в отличие от национальной системы конституционных судов и законодательных ветвей власти, институты ЕС действовали в рамках совершенно другой логики, без опоры на представительство граждан через политический процесс, что является основой сохранения баланса между различными ветвями власти в демократических странах. Ф. Шарп утверждал, что европейские институты подчиняются телеологической логике «партийности», целью которой являлась целенаправленная трансформация ранее существовавшего социального и институционального баланса без необходимого широкого политического согласия по этому поводу со стороны европейского общества (Scharpf 2009: 12, 17).

Таким образом, в основе идентичности ЕС лежала идея «размытой государственности» с опорой на гражданство ЕС, а культурные, этнические и языковые особенности народов, населяющих Европу, должны были создать «этническую и культурную мозаику» или «единство в разнообразии». Деятельность ЕС по формированию идентичности ЕС была направлена на сочетание элементов культурно-социальной и политической, гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС и повышения влияния Союза на повседневную жизнь европейцев. Начиная с 1992 г. главным элементом европейской идентичности стала идея гражданства ЕС для создания гражданской политической общности и усиления лояльности граждан стран ЕС идее европейской интеграции и наднациональным институтам Союза.

1.3. Результаты деятельности институтов ЕС по формированию европейской гражданской идентичности

В конце 1996 г. Европейская комиссия, возглавляемая Жаком Сантером, инициировала кампанию под названием «Граждане в первую очередь» (Citizens first) в преддверии празднования 40-летия Римских договоров, положивших начало европейской интеграции. Главной целью кампании было распространение информации о правах европейцев, которые «живут, работают или учатся» в стране ЕС, но не в стране их происхождения. В 1998 г. были опубликованы результаты исследования о знании европейцами их прав как граждан ЕС, что показало довольно низкий уровень владения такой информацией. Согласно опросу, в 1997 г. только 17,6% респондентов отметили, что они «хорошо информированы» о своих правах, и почти 74% респондентов ответили, что они «не чувствуют себя хорошо информированными». Через год после начала кампании количество респондентов, которые чувствовали себя «хорошо или очень хорошо информированными», увеличилось до 22%, хотя количество тех, кто отрицательно ответил на этот вопрос, увеличилось совокупно до 75,6% (42,8% – «не очень хорошо информированы» и 32,8% – «совсем не информированы» о своих правах) (Citizens first 1998: 4).

С 2010 г. по заказу Европейской комиссии проводились ежегодные исследования под названием «Европейское гражданство» на

основе массовых опросов общественного мнения жителей стран ЕС (см., например, European citizenship 2014). В ежегодных докладах публиковались результаты замеров формирования гражданской идентичности ЕС. Осенью 2014 г. были опубликованы результаты исследования, проводившегося под названием «Обещания Европейского союза». Это исследование осуществлялось качественными методами: фокус-группы и интервью с экспертами, представлявшими средства массовой информации, бизнес и сферу культуры шести стран ЕС (Италия, Германия, Дания, Португалия, Финляндия и Польша). Выборка стран отражала, по мнению авторов доклада, «разные стадии развития ЕС и обеспечила широкую географическую репрезентацию» (The promise of the EU 2014).

Выводы и оценки, приведенные в докладах, можно сопоставить с другими исследованиями и статистическими данными, что позволяет сделать вывод о закономерностях формирования наднациональной идентичности ЕС в рассматриваемый нами период 1992–2016 гг. Опросы общественного мнения демонстрировали разный уровень одобрения жителями ЕС действия европейских институтов. Результаты опросов позволяют проанализировать существующие различия между ожиданиями жителей ЕС и их отношением к наднациональным институтам. Не подвергая сомнению объективность и методологию проводимых опросов общественного мнения, можно выйти за временные рамки указанных исследований, чтобы увидеть успешность концепции гражданства ЕС и ее реализации. Архив исследований на данную тему, размещенный на сайте Европейской комиссии, позволяет это сделать с достаточной ретроспекцией.

В докладе 2014 г. «Европейское гражданство» были даны оптимистические оценки динамики самоощущения европейцев как граждан ЕС. Исследование было проведено накануне и вскоре после первых прямых выборов в Европейский парламент в мае 2014 г., что оценивалось институтами ЕС как одно из проявлений общеевропейского гражданства. В исследовании были заданы три темы, которые, по мнению авторов методики, позволяли проанализировать содержание темы европейского гражданства: «Чувствуют ли себя европейцы европейскими гражданами? Знают ли они свои права как европейских граждан? Есть ли у них ожидания в отношении информации по этому поводу и в каких конкретных сферах?». Второй

блок вопросов был связан с оценкой «достижений ЕС». Нужно было назвать «наиболее позитивные результаты ЕС» и те достижения ЕС, от которых европейцы получали наибольшую пользу. Третий блок вопросов был обращен к «ценностям ЕС», которые европейцы должны были оценить как «наилучшим способом представляющие ЕС» (European Citizenship 2014: 3). Европейцам предлагали отвечать именно на вопрос о «европейском гражданстве» и о «европейской идентичности», а не о гражданстве ЕС и соответствующей идентичности. Таким образом, институты ЕС использовали понятие «европейский» как синоним «принадлежащий/относящийся к Европейскому союзу», фактически подменяя понятия.

Согласно приведенным в исследовании данным, 65% ответивших чувствовали себя гражданами ЕС, что на 6% выше показателя осени 2013 г., 34% сказали, что они «не чувствуют себя гражданами ЕС», что на 6% ниже, чем в опросе, проведенном осенью 2013 г. Заключительный комментарий отчета гласил, что опрос показал самый высокий уровень чувства европейского гражданства за все время проведения подобных опросов с весны 2010 г. (European Citizenship 2014: 5) Однако если мы проанализируем весь период проведения опросов, то увидим, что средний показатель составлял 61–62%, а самый низкий пришелся на осень 2013 г. (59%), что позволило в отчете отметить «небывалый рост» в 6%.

В 25 странах ЕС более 50% респондентов отметили чувство «европейского гражданства», и только в трех странах (Болгария, Греция и Италия) этот показатель не превысил 50%. (В 2014 г. в ЕС входили 28 стран. – *Авт.*) Самые высокие показатели самосознания «европейского гражданства» были отмечены в 8 из 28 стран: Мальта – 87%, Люксембург – 85%, Германия – 79%, Финляндия – 79%, Австрия – 77%, Польша – 77%, Швеция – 77% и Эстония – 76%. На Кипре и в Великобритании этот показатель едва превысил 50% (53 и 52% соответственно). Для всех стран с низким уровнем европейского самосознания характерен раскол мнений, когда полярных позиций придерживается значительная часть респондентов. Нет-результат, т.е. разница между теми, кто чувствует себя «европейским гражданином», и теми, кто такими себя не ощущают, составляет для Болгарии – 7%, Греции – 2%, Италии – 3%, для Кипра и Великобритании – 6% (European Citizenship 2014: 6). Такой разрыв ил-

люстрирует раскол общества по этому признаку, где отрицательный результат показывает преобладание отсутствия ощущения себя «европейским гражданином» (Болгария, Греция, Италия), а положительный – небольшое преобладание тех, кто «европейским гражданином» себя чувствует.

Самым интересным в этом отчете является разбивка ответов респондентов по возрастному, профессиональному, образовательному уровню и уровню доходов, или социально-демографический анализ. Здесь мы можем увидеть, что политика, которую реализовывали институты ЕС на протяжении 20 лет, дала ощутимые плоды. Данные опросов выявили группы, которые в большей или меньшей степени осознавали себя «европейскими гражданами». Согласно результатам опросов, *«европейскими гражданами» считали себя те, кто был молод, образован, предприимчив и имеет уровень доходов выше среднего.* Наименьший уровень европейского самосознания был выявлен среди людей с низким уровнем доходов. Эта категория «тех, кто испытывал сложности в покрытии своих расходов», составила в 2013 г. – 41% и в 2014 г. – 44%. Среди респондентов с низким уровнем образования («прекратили обучение в возрасте 15 лет или ранее») европейским самосознанием обладали лишь 46% в 2013 г. и 51% в 2014 г. Среди тех респондентов, кто «почти никогда не испытывал трудности с оплатой своих счетов», «европейскими гражданами» себя чувствовали 71% респондентов в 2014 г., что на 6% выше, чем в 2013 г. Среди тех, кто продолжал получать образование после 20 лет, что соответствует законченному среднему и начальному высшему образованию, 73% респондентов чувствовали себя «европейскими гражданами» (European Citizenship 2014: 7).

Высокий уровень европейского самосознания был характерен для молодых людей: в возрастной группе 15–24 года этот показатель составил 75%, что на 11% больше по сравнению с 2013 г. В возрастных группах 25–39 лет и 40–54 года показатель европейского самосознания составил 65%. Высокий уровень европейского самосознания был характерен для экономически активных граждан ЕС: самозанятых – 72%, менеджеров – 76% и инженерно-технических работников – 66%. Среди безработных респондентов уровень европейского самосознания составлял 56% против 42% тех, кто не ощущает себя гражданином ЕС (European Citizenship 2014: 7).

Особенно высокий уровень европейского самосознания был отмечен среди студентов (78%), причем этот показатель являлся высоким и в тех странах, где общество было разделено почти поровну по этому вопросу (Великобритания – 80%, Италия – 62% и Греция 63%) (European Citizenship 2014: 8–9). Приведенные данные, несомненно, коррелировали с активной политикой ЕС по развитию европейской системы высшего образования и студенческой мобильности через специальные программы, финансируемые ЕС. Несмотря на то, что в целом транснациональная мобильность труда в ЕС составляла около 3,3% от общей численности населения (Crude rate 2014), студенческая мобильность увеличилась почти в два раза с 2003 по 2011 г. – 2,2% и 4,1% соответственно. Интересно, что для четырех стран, куда приезжало учиться наибольшее количество студентов из других европейских стран, был характерен высокий рост европейского самосознания среди студентов: Франция – 72%, Великобритания – 80%, Германия – 95% и Италия – 62%. Учитывая, что количество студентов в ЕС в 2012 г. составляло почти 109 млн человек (Number of students 2014), или почти 20% населения ЕС, этот ресурс, несомненно, привлекал особое внимание институтов ЕС для формирования активных и лояльных граждан ЕС.

Данные исследования также показали, что ориентация институтов ЕС на «совмещение без замены» гражданства ЕС и национального гражданства была правильной, так как отражала чувства европейцев, где национальное гражданство оставалось приоритетным для большинства. Почти 40% европейцев отмечали, что они чувствуют себя гражданами собственной страны, и только 2% ответивших «чувствовали себя только гражданами ЕС». Совмещение национального гражданства и гражданства ЕС было отмечено у большинства респондентов, однако формулировка «чувствуют себя гражданами своей страны и ЕС» собрала 51%, в то время как на первое место гражданство ЕС поставили лишь 6% респондентов. Лишь в двух странах ЕС – Люксембурге и Швеции – 11 и 10% респондентов указали на то, что они чувствуют себя в первую очередь гражданами ЕС. В аналитической части доклада было отмечено, что «европейским самосознанием» обладали 59% респондентов, что объединяло три группы: тех, кто ставил на первое место «национальное гражданство», – 51%, тех, кто выделял «европейское гражд-

данство», – 6% и тех, кто считал себя только «европейскими гражданами», – 2% (European Citizenship 2014: 10–11). Наиболее высокие показатели европейского самосознания, при сохранении приоритета национального гражданства, были отмечены для учащейся молодежи старше 20 лет (59–60%), самозанятых (61%), менеджеров (60%) и людей, которые «никогда не имели проблем с оплатой своих счетов» (54%) (European Citizenship 2014: 13).

Опросы показывали постоянный рост уровня знаний своих прав как граждан ЕС среди европейцев. В 2016 г. количество респондентов, кто утвердительно ответил на этот вопрос, впервые превысило 52%, в 2014 г. – 48% знают и 50% не знают свои права. Этот показатель улучшился по сравнению с 2010 г. и, несомненно, по сравнению с концом 1990-х гг. Лучше всего свои права знают жители Финляндии (77%), Люксембурга (72%), Португалии (68%), Германии (68%), Эстонии (67%), Швеции (67%) и Австрии (66%). Хуже всего знали свои права жители Италии (37%), Франции (38%), Греции и Болгарии (43%). Во всех странах ЕС большинство респондентов указали, что они «хотели бы лучше знать свои права как граждан ЕС», – 75%. Самый высокий уровень «желания знать» был отмечен на Кипре (88%), Мальте (78%) и в Румынии (76%), а также среди учащейся молодежи и студентов (75%) (Standard Eurobarometer 85: 27–32).

Наибольший интерес вызывали следующие права: право на труд в другой стране ЕС (36%), право на получение медицинской помощи в другой стране ЕС (35%), право на проживание в другой стране ЕС (31%) и право на получение консульской защиты во время нахождения вне территории ЕС. В первую очередь, «желание знать свои права работать вне страны гражданства» было отмечено в восточных и южных странах ЕС, уровень жизни в которых ниже общеевропейского (Дериглазова 2014: 119, 129, 132): Болгария (50%), Словакия (50%), Хорватия (50%), Венгрия (49%), Румыния (49%), Литва (47%), Польша (46%) и Эстония (42%). (EU citizenship report 2010: 25–28). Право на работу в другой стране ЕС имело приоритетное значение для молодых людей в возрасте 15–24 лет (52%), студентов (49%) и безработных (56%) (European Citizenship 2014: 29).

Опросы общественного мнения показывали, что европейцы среди «достижений» ЕС отмечали два основных – «свобода движения

людей, товаров и услуг» (56%) и «мир между народами ЕС» (54%). Причем первое достижение наиболее высоко было оценено в странах с более низким уровнем жизни, где этот показатель превысил 70% (Болгария, Чехия, Хорватия, Литва, Латвия, Словакия) (Standard Eurobarometer 85: 4, 6). Отвечая на вопрос: «Какие ценности наилучшим образом представляют Европейский союз», респонденты назвали «мир» (37%), «права человека» (34%) и «демократию» (30%). Среди других значимых ценностей были названы: «верховенство права» (18%), «свобода личности» (17%), «уважение человеческой жизни» (16%), «уважение других культур» (14%) и «солидарность, поддержка других» (13%) (European Citizenship 2014: 47). В опросе 2016 г. респонденты также отвечали на вопросы, связанные с кризисом беженцев, 2015 г., усилением государственного регулирования и ухудшением уровня жизни. Результаты опроса показали, что в 21 стране ЕС большинство респондентов полагали, что уровень жизни был раньше выше. Среди стран, для которых данная проблемы была наиболее явной, – Греция (90%), Кипр (83%), Португалия (79%), Венгрия (77%) и Италия (72%), Все эти страны наиболее пострадали от экономического кризиса 2008–2012 гг. Самыми благополучными странами, где только меньшинство жителей полагали, что раньше уровень жизни был выше, были Дания (23%), Нидерланды (26%), Швеция (29%) и Финляндия (31%) (Standard Eurobarometer 85: 2016: 51)

Сопоставление результатов массовых опросов и опроса, проведенного качественными методами исследования в 2014 г., подтверждает ранее выявленные и устойчиво сохраняющиеся тенденции. Исследование также показало, что респонденты наиболее высоко ценили достижения ЕС в сфере экономической интеграции и обеспечения свободы передвижения людей. Среди негативных аспектов ЕС были названы «слишком большое количество регламентаций со стороны ЕС, которые являются неэффективными и вмешиваются в компетенции национальных властей», «неспособность властей ЕС защитить внутренний рынок от импорта дешевых товаров, что ведет к падению качества продуктов», «обеспокоенность слабой защищенностью границ ЕС от массовой трудовой миграции, что приводит к дополнительной нагрузке на службы социального обеспечения без соответствующих вложений». В целом, большинство респонден-

тов отметило, что выгоды от существования ЕС превышают негативные аспекты интеграции (The promise 2014: 4–5).

Можно отметить изменения в методике замеров чувства принадлежности к ЕС. Так, в 2000-е гг. вопрос о европейской идентичности не разделял принадлежность к Европе и ЕС, в начале 2010-х гг. такое разделение появляется в опросах Евробарометра как измерение чувства «гражданства ЕС» (см., например, Standard Eurobarometer 85). Результаты опроса 2016 г. показывают наличие чувства гражданства ЕС у 66% опрошенных, что являлось максимальным показателем за все время включения такого вопроса в опросники с 2010 г. При этом в целом динамика не демонстрирует резких колебаний показателей, за исключением времени острых кризисов в ЕС, которые сопровождаются падением положительного отношения к Союзу. Рис. 1 иллюстрирует эти изменения в 2010–2016 гг. (Standard Eurobarometer 85: 14–15).

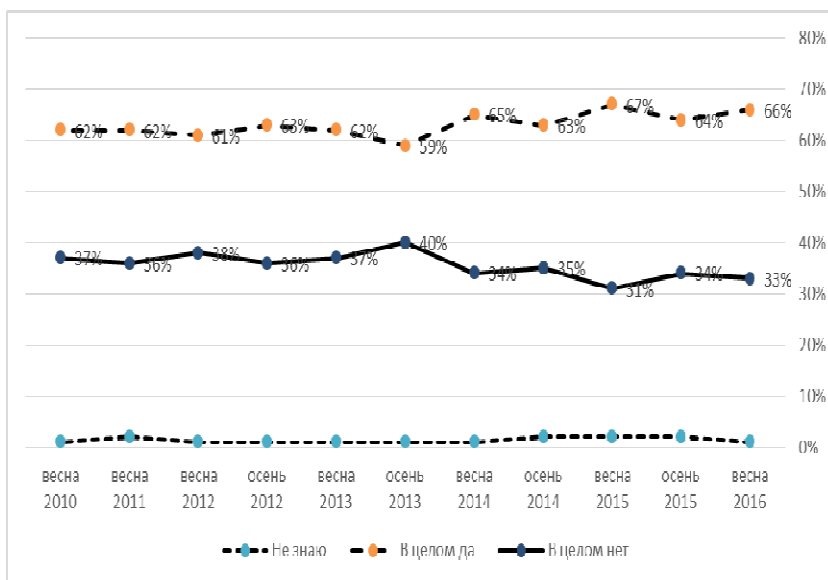

Рис. 1. Ответы на вопрос «Ощущаете ли вы себя гражданином ЕС?», 2010–2016 гг.

Согласно анализу социодемографических данных респондентов, наиболее выраженным чувство гражданства ЕС было отмечено у молодых людей, рожденных после 1980 г. (76%), у людей с высоким уровнем образования (76%), экономически благополучных (71%), среди тех, кто относил себя к среднему классу и выше (84%), среди «еврооптимистов» (83%) и тех, кто положительно относился к ЕС (87%) (Standard Eurobarometer 85: 17).

Результаты схожего опроса общественного мнения по поводу чувства принадлежности к ЕС и Европе, проведенного весной 2018 г., показывают дальнейшую трансформацию методики замеров. Теперь вопрос о европейской идентичности сформулирован двумя вариантами: «чувство принадлежности к ЕС» и «чувство принадлежности к Европе». Результаты этих замеров обнаруживают две тенденции: сохранение различия между принадлежностью к Европе и к ЕС и усиление «евроскептических» настроений в странах с высоким уровнем жизни, таких как Нидерланды, Финляндия, Австрия, Швеция и Дания. В целом, во всех странах ЕС превалирует чувство принадлежности к своей стране (93%), достигая максимального значения в Греции, Кипре и Португалии (99%). Уменьшение европейской идентичности было заметно на пике экономического кризиса 2008–2011 гг. в этих странах ЕС, наиболее пострадавших от кризиса. Сравнение трех типов принадлежности – к своей стране, ЕС и Европе – показывает, что принадлежность к Европе жители стран ЕС оценивают выше, чем принадлежность к ЕС, и эта разница иногда составляет 30% (Дания) и более (Швеция); что жители таких «классических стран» Европы, как Греция, Италия, Кипр, чувствуют себя в меньшей степени принадлежащими к Европе, чем уже выходящая из ЕС Великобритания. Рис. 2 иллюстрирует эти данные по результатам замеров, произведенных весной 2018 г.

Приведенные данные созвучны выводам полевых исследований У. Коккеля, который выделил четыре типа носителей европейской идентичности, формируемых в результате реальной жизни современных европейцев и складывающихся из соотношения национальности, гражданства и индивидуального самоощущения: 1) сторонники европейской интеграции, 2) оседлые европейцы, 3) мигранты из неевропейских стран и 4) «внутренние мигранты». Четвертый идеальный тип представляет, по мнению Коккеля, «личность отчуж-

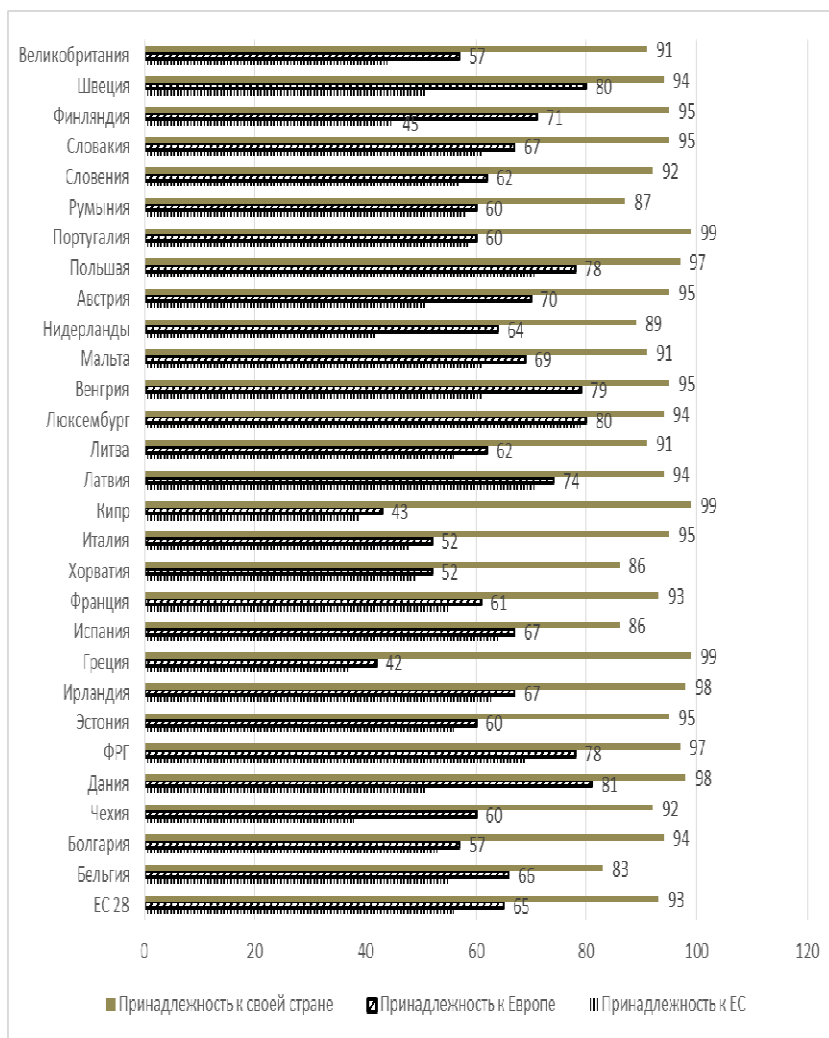

Рис. 2. Результаты замеров принадлежности к «своей стране», к Европейскому союзу и Европе в 28 странах ЕС (в процентах). Март 2018 г.

Источник информации: Standard Eurobarometr 89. European citizenship. Spring 2018. P. 8.

денную» – это состояние «внутриевропейского мигранта» или гражданина ЕС, который живет вне страны своего происхождения (Kockel: 22–25). Именно для преодоления «отчуждения» личности Европейский союз стремится сформировать гражданство ЕС с упором на культурное гражданство. Экономическая интеграция в Европе, ставшая способом преодоления опасных националистических тенденций, создает, по мнению Коккеля, «основополагающий парадокс», который разрушает современное государство и формирует многочисленный класс «отчужденных мобильных граждан» Европы (Kockel:120). Массовые опросы показывают, что чувство «принадлежности к ЕС» или «гражданства ЕС» уступает чувству «национальной принадлежности» у большинства «оседлых европейцев». У сторонников европейской интеграции и «внутренних мигрантов», тех, кто пользуется достижениями европейской интеграции – общим рынком, свободой передвижения, возможностью жить и работать в любой стране ЕС, свободой предпринимательства, возможностью получать образование в любой стране ЕС, – чувство принадлежности к ЕС выше, как и в целом позитивное отношение к будущему Союзу.

Таким образом, для европейцев, живущих в странах ЕС, европейская идентичность и идентичность ЕС являются различными категориями, и наднациональная идентичность остается вторичной по отношению к национальной и местной идентичности. Выход из ЕС Великобритании как результат проведенного в 2016 г. референдума подтверждает валидность проводимых исследований мнений жителей европейских стран. Можно утверждать, что политическая нация в рамках ЕС все еще формируется, но пока не является существующей данностью и что идентичность ЕС не заменила чувства европейской идентичности как неполитической принадлежности у жителей стран ЕС.

1.3. Отношение россиян к Европейскому союзу и Европе

Изучение отношения россиян к Европе в 1992–2016 гг. показывает, что чувство европейской идентичности было связано с характером взаимоотношений между ЕС и Россией (Semenenko 2013: 103). В начале 2000-х гг. многие россияне полагали возможным

вступление России в Европейский союз и считали, что это отвечает экономическим и политическим интересам страны. Опросы ВЦИОМ накануне Восточного расширения ЕС в 2004 г. показывали, что россияне почти в равных долях поддерживали вступление России в ЕС и формирование партнерских отношений (показатели колебались в пределах 30–35%). Доля противников партнерских отношений России с ЕС колебалась в пределах от 20 до 14%. Опросы показывали, что степень поддержки вступления России в ЕС зависела от уровня образования, и почти 40% респондентов с высшим образованием поддерживали данную опцию. Партийная принадлежность респондентов показывала, что сторонники интеграции были представлены партией «Единая Россия» (Пресс-выпуск 76. ВЦИОМ). Ответы на вопрос о голосовании на референдуме о вступлении России в ЕС показывали еще большую степень поддержки идеи: в 2001 г. «за» проголосовали бы 55% респондентов, против – 21%, в 2003 г. 60% – «за» и 14% – «против» и в 2004 г. 45% – «за» и 30% – «против» (Пресс-выпуск 70. ВЦИОМ).

Несмотря на постепенное осознание невозможности вступления России в ЕС, положительное отношение к ЕС у большинства россиян сохранялось и после первого большого кризиса 2008 г., связанного с августовской войной в Грузии. Полное осознание невозможности такого развития (64%) было отмечено в исследованиях Левада-центра в сентябре 2014 г., тогда как в октябре 2010 г. большинство респондентов (56%) полагали, что «России следует стремиться в будущем к вступлению в ЕС», против высказались 23% респондентов, в 2013 г. количество сторонников и противников такой траектории развития страны было приблизительно равным (Пресс-выпуск. Россия и ЕС. Левада-центр. 19.09.2017). Рис. 3 иллюстрирует эту динамику мнения россиян по поводу возможного вступления в ЕС.

С 2014 г. отношения россиян к ЕС определялись режимом взаимных санкций и растущей напряженностью по линии восточной границы после присоединения Крыма и продолжавшегося вооруженного конфликта в Восточной Украине. Большинство россиян понимали, что возможности вступления России в ЕС не существует. В целом, представленный график отражает диаметрально измененные отношения россиян по этому вопросу. Исследования Левада-центром отношений россиян к ЕС зафиксировали все кризисные

точки и их полный переворот от 2003 г. к 2014 г. В сентябре 2018 г. 39% респондентов отмечали «хорошее» отношение к ЕС и 45% – «плохое» (рис. 4). (Отношения к странам. Левада-центр. 2018).

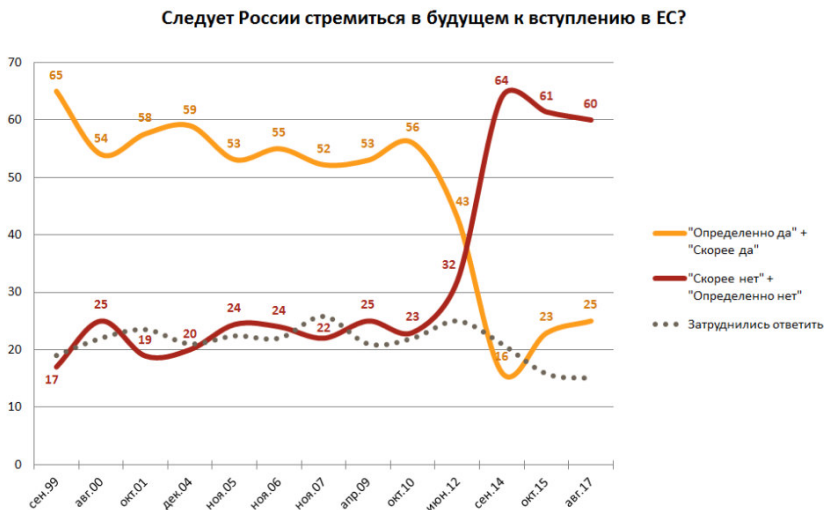

Рис. 3. Следует ли России стремиться в будущем к вступлению в ЕС? 1999–2017 гг.

Среди событий, которые оказали негативное влияние на отношения россиян к ЕС, была война в Грузии в августе 2008 г., затем произошло некоторое восстановление положительного отношения. Резкое ухудшение отношений происходит в конце 2013 г. и в начале 2014 г., что связано с событиями в Украине, включением Крыма в состав России и началом режима санкций между ЕС и Россией весной–летом 2014 г. До 2013 г. россияне не были склонны винить ЕС в ухудшении отношений на постсоветском пространстве. Отношения России и ЕС явно влияли на восприятие россиянами России как европейской страны. В декабре 2008 г. 56% респондентов полагали, что Россия является европейской страной и 32% респондентов были с этим не согласны, в сентябре 2009 г. это соотношение было 47%

против 36%, в октябре 2015 г. – 32% против 59% и в августе 2017 г. 44% против 48% (Россия и ЕС. Левада-центр. 19.09.2017).

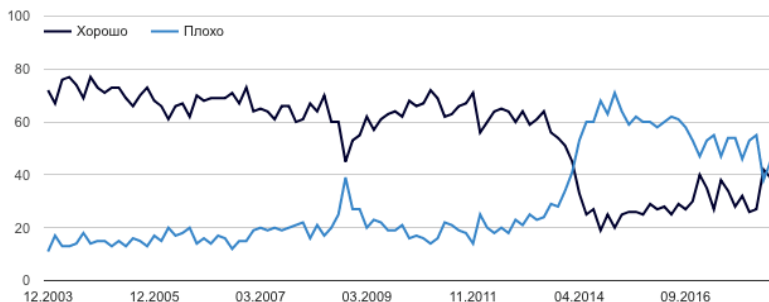

Рис. 4. Отношение к ЕС, 2003–2018 гг.

Результаты исследований качественными методами отношения российской политической элиты к политике «европеизации и нормализации» России под воздействием ЕС показывали в целом негативное отношение. Политика ЕС вступала в противоречие с чувством «величия» страны и рассматривалась как не соответствующая и не приемлемая для России (Kratochvil 2008: 417). Массовые опросы общественного мнения и качественные исследования показывали сохранение чувства величия страны у россиян на протяжении всего постсоветского периода.

Данные исследований отношения россиян к ЕС в рамках европейского проекта, реализованного в августе 2015 г., показали, что положительный образ ЕС был связан с экономическим сотрудничеством, торговлей, научным и образовательным обменом. Россияне дали негативные оценки ЕС в сфере политических отношений, особенно на постсоветском пространстве. Россияне оценивали ЕС как «высокомерного, агрессивного и лицемерного игрока» с очень плохим отношением к России. Россияне также полагали, что ЕС не был способен решать свои внутренние проблемы, что ЕС зависим от США в области технологического развития и не являлся самостоятельным и полноценным международным актором (Analysis of the Perception of the EU 2015).

Негативные оценки ЕС некоторые исследователи интерпретировали как связанные с психологическим чувством «неполноценности» или несоответствия России «идеальной Европе» (Гудков 2015). Ольга Гуляева по результатам своего исследования отмечала, что Европа для России – «это образец индивидуальных свобод, социальных норм и ценностей. ЕС является примером экономической модернизации, экономического динамизма и развития. В то же самое время политические отношения ЕС и России характеризуются антагонизмом, типичным для отношений между великими державами, и создают контекст принадлежности России к Европе, но не являющейся Европой. Для России Европа остается привлекательной и пугающей, призывающей и отталкивающей, враждебной и воодушевляющей» (Gulyaeva 2013: 188).

Если рассматривать “европейскость” как траекторию развития страны, направленную на увеличение свобод, мира и процветания, то можно сказать, что эта идея оставалась привлекательной для многих россиян. Проблема состояла в том, что для большинства россиян ЕС больше не был воплощением «идеальной Европы» и не рассматривался как партнер в приближении к «идеальной Европе».

Восточное расширение ЕС создало новые разделительные линии в Европе, хотя изначально это не подразумевалось и не планировалось. Расширение ЕС за счет стран бывшего Восточного блока стало трактоваться как однозначная победа «идеальной Европы» над тоталитарной идеологией СССР, добавив в актив ЕС еще одну победу – над «советским тоталитаризмом» и вклад в разрушение «разделительных линий в Европе». Такая трактовка европейского интеграционного процесса неизбежно создавала символическое отторжение России как страны – правопреемницы СССР и укрепляла образ страны, несущей исключительную ответственность за преступления советской эпохи, в то время как другие страны Восточного блока и бывшего СССР стали рассматриваться как жертвы советского режима. Такая упрощенная бинарная трактовка истории не могла не подпитывать конфликтующие нарративы о прошлом и будущем европейского единства. Восточное расширение военно-политического союза НАТО, которое предшествовало вступлению стран бывшего Восточного блока в ЕС, быстро восстановило традиционное восприятие потенциального врага НАТО в лице России в значительной

степени под воздействием новых стран – членов НАТО. Замороженные или приглушенные конфликты на пространстве реформирующейся Европы стали частью новой политической конфигурации и новых союзов для решения этих конфликтов военными, политическими или экономическими средствами.

Процесс «европеизации» России, несомненно, состоялся с точки зрения сближения нормативного пространства, деятельности публичных институтов с принципами и нормами ЕС. Однако практика деятельности публичных институтов и властных отношений по-прежнему зависела от традиций России и представляет известную проблему «демократического транзита» и «авторитарного наследия». Процесс «нормализации» России в рамках изменившейся системы международных отношений в Европе оказался неуспешным, так как на уровне политических элит и общества в России и вне ее страна воспринималась как «великая держава», которая стремилась к сохранению и воспроизводству всех элементов «величия». Использование Россией военной силы для решения конфликтов, усиление «вертикали власти», ослабление институтов гражданского общества и ограничение международного сотрудничества привели к однозначному отторжению ее как «нормальной европейской страны» у европейцев (Averre 2009; Naukkala 2015; Headley 2012; Tumanov et al. 2011). По мнению Ричарда Саквы, попытки ЕС «нормализовать» Россию можно было сравнить с решением проблемы Германии в XX в. в рамках европейской интеграции, однако, по ироничному замечанию Стивена Коткина, в отличие от Германии «российская исключительность не была выбита бомбами» (Kotkin 2016). Постсоветскую Россию нередко противопоставляли либеральной Европе и отказывали ей в принадлежности к этому «идеальному сообществу» (Laruelle, Marlene 2016).

Ухудшение отношений между ЕС и Россией привело к усилению антиевропейских настроений в российском экспертном сообществе в пользу наращивания силового потенциала, обеспечения суверенитета страны как гарантии ее безопасности и необходимости поиска иных партнеров для экономического развития (Караганов 2018). Трансформация Европы после окончания холодной войны началась с осознания общности устремлений всех стран к идеальной мирной и процветающей Европе без разделительных линий, но за-

вершилась на практике реконfigurацией военных и политических союзов с очерченными границами, перспективами развития, переоценкой стран-союзников и потенциальных противников. Политика «европеизации» как сближение с нормами и принципами действия Европейского союза неизбежно порождает конфликты как внутри реформируемых стран, так и между странами по поводу того, какой нарратив прошлого и будущего Европы будет определяющим и какие страны являются «европейскими». Трансформация Европы прошла путь от признания символической общности разных стран как основания для сближения, продолжилась в реформировании европейского политического пространства и завершилась символическим размежеванием вследствие нового военно-политического баланса сил. Причем на одной стороне оказались страны ЕС и те страны, которые хотели бы вступить в ЕС, а на другой – Российская Федерация с явно осознаваемым комплексом проблем и конфликтов.

2. Эволюция европейской идентичности в ФРГ

2.1. Проблемы формирования европейской идентичности немцев по материалам современной российской и немецкой историографии

Стремление институтов ЕС сформировать общеевропейскую идентичность его граждан нередко сталкивается с реальностью культурного и национального многообразия и той ролью, которую сохраняют национальные и локальные (региональные) виды идентичности у жителей стран Европы. Немецкое общество являет собой яркий пример особого пути формирования европейской идентичности, обусловленного исторической судьбой германского государства и немецкой нации, отношением к проблеме исторической преемственности и актуальными проблемами современного развития.

Особое значение в качестве объяснительной модели при изучении рассматриваемой проблемы имели понятия «кризиса национальной идентичности немцев» как способа преодоления исторических травм немецкого народа и «цивилизационного раскола немецкой нации» (западные и восточные немцы, немцы – переселенцы из стран постсоветского пространства).

Выявление закономерностей эволюции европейской идентичности в Германии и ее национальной специфики основано на анализе работ российских и немецких авторов. Тема эволюции идентичности немцев в отечественной историографии представлена отдельными сюжетами о соотношении национального и европейского уровней идентичности немцев (Миллер 2005; Орлов 2012; Кириллина 2013; Лёзина 2013 и др.), о периодизации процесса формирования послевоенной немецкой идентичности, основанной на понимании немецкой нации как этнокультурной общности, обращении к проблемам нацистского прошлого и «разделенной нации» в период существования ГДР и ФРГ (Кауганов 2013; Тюкаркина 2013 и др.), о трансформации национального сознания немцев в контексте международных отношений и проблем европейской интеграции (Рогожин 2011; Синдеев 2014; Пименова 2012 и др.). Более общий характер имеет исследование Д.А. Попцова (2015), в котором рассматривается проблема соотношения европейского и национального уровней в структуре идентичности немцев от основания Германского государства до настоящего времени. Однако характеристика общих тенденций не позволила автору уделить более детальное внимание специфике формирования европейской идентичности немцев во второй половине XX – XXI в.: остались незатронутыми вопросы о влиянии интеллектуального дискурса и позиции государства, «цивилизационного раскола» немецкой нации и пр. на формирование европейской идентичности немцев.

При освещении вопроса о влиянии исторической памяти и исторической политики в Германии второй половины XX – начала XXI в. на процессы трансформации национальной идентичности немцев использовались труды германских исследователей А. Асман (2014), Ш. Бергера (2012), Б. Бонвеча (2007), Ю. Шерер (2010), П. Шульце (2007) и др. Важным источником при проведении исследования являлись результаты опросов общественного мнения немцев службой изучения общественного мнения ЕС – «Евробарометр». Проработана статистическая база Евробарометра за 1990–2015 гг. на предмет формирования европейской идентичности, соотношения национальной и европейской идентичности немцев и исследования смыслов и интерпретаций, что есть для немцев Европейский союз и гражданство Евросоюза. Несмотря на отсутствие в

базе Евробарометра сведений о соотношении национальной и европейской идентичности за 1990–1992 гг., 2005–2009 гг. и 2011 г., в целом, удалось выявить динамику формирования европейской идентичности немцев и характерные черты этого процесса, а также соотношение европейского и национального уровней идентичности немцев на современном этапе.

Осуществлялась корреляция сведений, полученных на основе анализа научной литературы, со статистическими данными Евробарометра. Например, в упоминавшейся выше работе Д.А. Попцова (2015) представлен анализ материалов Евробарометра (1990–2014), однако в задачи исследователя не входило сопоставление данных по Западной и Восточной Германии; при обращении к статистическим данным не поднимается вопрос о региональных различиях формирования европейской идентичности немцев; в статье не содержатся данные за 2015 г. Кроме того, можно не согласиться с категоричностью некоторых выводов, сделанных на основе статистики Евробарометра: «<...> на протяжении 8 лет можем наблюдать *поочередную смену форм идентичности* в среде немецкого населения. Почти за 10 лет немцы успели поменять европейскую форму идентичности на национальную, а с 2001 г. вновь вернуться к европейской» или «<...> начиная с 2001 г. чувство двойной идентичности (национальной и европейской) у граждан ФРГ приобрело достаточно прочные основы и не сдает своих позиций уже на протяжении 14 лет и при этом имеет тенденцию к росту, тогда как *национальная идентичность приходит в упадок*» (Попцов 2015: 266–267) (*выделено автором*). Особое внимание было уделено проблеме формирования европейской идентичности у немецкой молодежи с опорой на данные массовых опросов, проведенных Евробарометром в 2015–2016 гг.

В работе были использованы материалы полевого исследования по проблеме формирования европейской идентичности русскоязычных немцев – переселенцев из стран бывшего Советского Союза (Россия, Казахстан, Кыргызстан), проведенного в 2014 г. в федеральной земле Баден-Вюртемберг ФРГ.

В данном разделе сделана попытка посмотреть на то, как в исследовательской литературе обсуждается проблема идентичности немцев в послевоенный период. На основе анализа современной российской и немецкой историографии мы попытаемся выделить те

факторы, которые, по мнению исследователей, оказывали влияние на формирование национальной и наднациональной идентичности немцев. Выделенные факторы мы соотнесем с данными массовых опросов общественного мнения, которые проводит статистическая служба ЕС Евробарометр. Дополнительным аспектом исследования идентичности немцев будет показ того, что собой представляет идентичность немецкой молодежи.

Становление европейской идентичности немцев в современной российской и германской историографии теснейшим образом связывается с проблемами трансформации немецкой нации и формирования национального самосознания. Заданность этих процессов в немалой степени определяется природой немецкой нации, в основе которой лежит сильная региональная принадлежность к этнокультурной и исторической общности и только потом – к централизованному государству. Как отмечается, эта особенность предопределена историческими условиями создания германского государства – достаточно поздним объединением германских земель (княжеств) в рамках Германской империи в 1871 г. Это способствовало глубокому укоренению принципа децентрализации в политической культуре германского государства и общества. Несмотря на усилия государства по культурной гомогенизации населения бывших княжеств в рамках единого немецкого общества, регионализм был и остается важным фактором, оказывающим влияние на процессы формирования национальной идентичности немцев. Выделяется еще одна особенность – незавершенность формирования немецкой нации, обусловленная кризисами национального самосознания немцев после Первой и Второй мировых войн, политического разделения нации в рамках ФРГ и ГДР и ее объединения в границах современной Германии.

Содержание первого этапа (1945–1990 гг.) характеризуется банкротством идей немецкой нации и особого национального пути, сформулированных на рубеже XVIII–XIX вв. немецкими философами (Г.И. Гердером, И.Г. Фихте и др.), переработанных и дополненных имперскими и шовинистскими концепциями национал-социалистов, и поисками новой идентичности.

Поражение во Второй мировой войне и крах Третьего рейха рассматриваются в исследованиях как причина, обусловившая силь-

нейший кризис немецкой нации, связанный с утратой идентичности. Распад политического и идейного единства страны и образование в 1949 г. двух германских государств – ГДР и ФРГ, усилили этот процесс. По мнению П. Шульце, в ситуации идеологического вакуума «денацифицированные» западные немцы нашли выход в обращении к европеизму, в котором они прятали свою идентичность, «скомпрометированную фашизмом» (Шульце 2007: 181). Под знаком вытеснения вины за преступления национал-социализма и забвения прошлого находились и восточные немцы, приступившие после образования ГДР к строительству «немецкой социалистической нации». Восточные немцы интегрировались в идеологические, экономические и военно-политические структуры восточноевропейского социалистического содружества. Становление самосознания западных немцев происходило под влиянием активно развивающихся процессов западноевропейской интеграции, в которых ФРГ, будучи участником Римского договора 1957 г., играла немаловажную роль. Образование двух германских государств, разошедшихся к противоположным полюсам послевоенного мирового порядка, разделило немецкую нацию на две непримиримые с идеологической точки зрения части. Как отмечает А.А. Рогожин, в условиях отсутствия единого немецкого государства произошло усиление региональной идентичности. Патриотизм, направленный на исторически сложившийся регион с его культурными особенностями, становится в послевоенный период важнейшим источником для сохранения чувства преемственности традиций (Рогожин 2011: 100).

В качестве важного фактора, оказавшего сильное влияние на формирование послевоенной идентичности немцев в Западной Германии, исследователи выделяют научные и политические дискуссии, развернувшиеся вокруг концепта немецкой нации и ее недавнего исторического прошлого, что заложило основы для успешного формирования европейской идентичности. Исследователи отмечают, что до начала 1960-х гг. становление национальной идентичности проходило под знаком стратегии замалчивания, вытеснения и «защиты» от «коллективной вины»; акцентировался собственный статус «жертвы». Последующий период, продолжавшийся до 1985 г., характеризовался возрастанием самокритики, ужесточением мер по отношению к нацистским преступникам в виде публичных

судебных процессов (Кауганов 2013: 60–62; Лёзина 2013). Начало следующего этапа исследователи связывают с разгоревшимся в ФРГ «Спором историков» (1986–1987) о переосмыслении «вопроса о вине» и немецкой ответственности. В этот период развернулись дебаты вокруг вопроса о необходимости обретения западногерманским обществом «здоровой» национальной идентичности и освобождении от «бремени» неудобного прошлого. Группа консервативных историков во главе с Э. Нольте настаивала на идентификации с национальной, а не с европейской историей и на историзации периода Третьего рейха. Главным аргументом их противников стал тезис о недопустимости релятивизации Холокоста как центрального события немецкой истории. Ю. Хабермас и его сторонники настаивали на том, что именно перемещение осознания Катастрофы в центр коллективной идентификации немцев послужило демократизации западногерманской политической культуры и способствовало превращению Федеративной Республики в открытое современное общество. Ю. Хабермас разработал концепцию «конституционного патриотизма», подразумевающую формирование постнациональной модели идентичности, основанной не на этнокультурных и исторических факторах, а на универсалистских принципах правового государства и ценностях европейской демократии (подробнее см.: Грошева 2014 Б: 58–60).

Обращение к европеизму стало не только предметом интеллектуальных дискуссий в послевоенной ФРГ. О формировании достаточно устойчивой европейской идентичности у западных немцев могут свидетельствовать материалы Евробарометра. С 1974 г., времени начала проведения опросов общественного мнения под эгидой Еврокомиссии, до 1990 г. поддержка западными немцами членства в ЕЭС составляла от 45 до 65% (Standart Eurobarometer 33). Согласно статистическим данным, в среднем, около половины жителей ФРГ выступали за интеграцию государства в европейские институты.

Материалы историографии позволяют связать объединение ГДР и ФРГ в 1990 г. с очередным кризисом национального самосознания немцев, началом нового этапа трансформации национальной идентичности, а также выявить дополнительные факторы влияния на становление европейской идентичности немцев.

Как отмечает Л.В. Коротецкая, в объединенной Германии возникают дискуссии о поиске новой идентичности, в ходе которых четко определились два подхода к толкованию немецкой идентичности: с точки зрения гражданской нации (*Staatstriirgernation*) и «народной нации» (*Volksnation*). Западную интеллигенцию продолжали волновать теоретические построения возможной немецкой идентичности как постнациональной, для восточной важнее было осознание себя как части единого немецкого народа, признание социокультурной и этнической общности с западными немцами (Коротецкая 2012: 95). Сторонниками объединения в Восточной Германии велась политическая пропаганда, основанная на идее о том, что выбор социалистического пути оказался гибельным для ГДР; использовался лозунг «Мы – один народ», который был обращен к западногерманскому населению и правительству ФРГ. Объяснить этот феномен можно как инструменталистскими установками восточных немцев, их стремлением к более обеспеченному существованию в рамках капиталистической ФРГ, так и актуализацией чувства принадлежности к некогда единой немецкой нации. В этой связи вызывает интерес интервью первого представителя ФРГ в ГДР Г. Гауса, опубликованное в 1981 г. в газете «Die Zeit». В интервью отмечалось, что интеграционные процессы повлияли на Восточную Германию меньше; ГДР сохранила «некоторые консервативные ценности последней сотни лет немецкой истории» и выглядит «более немецкой», чем Федеративная Республика (цит. по: Петелин 2007: 149). Необходимо отметить, что призывы к консолидации нации наталкивались на негативную и скептическую реакцию со стороны Западной Германии; восточных немцев обвиняли в разрушении концепции постнациональной идентичности, ориентированной на общеевропейские политические и культурные ценности (Коротецкая 2012: 95).

Недостаточно изученной в российской историографии остается проблема соотношения европейского и национального уровней идентичности еще одной категории этнических немцев – переселенцев из бывшего СССР и стран Восточной Европы, начавших прибывать на историческую родину после падения Берлинской стены и объединения Германии. Широко исследуются проблемы интеграции и национальной идентификации переселенцев; отмечается, что, по-

падая в новые социокультурные условия, вступая во взаимодействие с этнически родственными им немцами, они осознают себя «другими», испытывают чувство некоторой изолированности, психологического самоощущения «чужих» (Супрун, Кулигина 2012). Результаты полевых исследований, проведенных Г.В. Грошевой в 2014 г. в Филлинген-Швеннингене (федеральная земля Баден-Вюртемберг), показывают, что европейский уровень в структуре идентичности подавляющего большинства опрошенных русскоязычных немцев занимает важное место. Часть русскоязычных немцев могут сохранять идентичность, сформировавшуюся в стране происхождения, но при этом разделяют идею своей принадлежности к Европе в целом. Другая часть, напротив, активно стремится интегрироваться именно в «национальную Германию», иногда предпочитая её идеям «европейства», но не отвергая их (Полевые Г.В. Грошевой 2014).

Германские и российские исследователи уделяют внимание и международному измерению актуализировавшейся в объединенной Германии проблемы соотношения европейской и национальной идентичности. Отмечаются опасения руководства ряда европейских стран по поводу того, что объединение Германии превратит ее в новую «сверхдержаву», станет основой для возрождения германского национализма и имперских амбиций, подорвет стабильность и безопасность на континенте (*Deutsche Einheit*: 4–20). Как пишет С. Погорельская, Федеративной Республике вновь пришлось демонстрировать мировой общественности свою приверженность общеевропейским ценностям, готовность к сотрудничеству с другими национальными государствами и активному участию в процессах европейской интеграции (Погорельская 2000: 91). По мнению Ю.А. Благовой, став «ядром и локомотивом европейской интеграции», Германия постепенно превратилась в «мягкого гегемона» Европы, что вызывает соответствующие опасения европейских стран и на современном этапе (Благова 2012: 19).

Актуализация проблемы национального самосознания в объединенной Германии под воздействием обозначенных выше внутренних и внешних факторов не прошла бесследно. 1990-е гг. ознаменовались изменениями в немецкой исторической политике. Правоцентристы и левоцентристы, столкнувшиеся в споре историков в 1980-х гг., признали, что немецкое историческое сознание нуждается в некото-

рой «ренационализации», при этом национал-социализм должен оставаться центральным пунктом немецкого исторического сознания, а достижения ФРГ после 1949 г. следует толковать как запоздалую, но успешную вестернизацию немецкого мышления (Бергер 2012: 52–53). Некоторые историки выступили с призывом развивать «демократический патриотизм», формирование немецкой нации с твердой европейской ориентацией и западными ценностями (Jarausch 1995: 581). Можно вполне согласиться с И.И. Глебовой, утверждающей, что ФРГ продемонстрировала успешный пример изменения роли памяти в легитимации политического строя, включения в нормативный фундамент коллективной идентичности преступного прошлого. Это, по мнению исследователя, стало одним из оснований политического консенсуса, в рамках которого были осуществлены отход от идеи «особого немецкого пути», интеграция в европейский мир и стабилизация новой германской демократии» (Глебова 2006: 130).

Постановка вопроса о «нормализации» исторического сознания в интеллектуальном дискурсе имела свои следствия. Как показывают А.А. Рогожин и Ю.А. Благова, с середины 2000-х гг. в Германии начинает осуществляться государственная политика, содействующая актуализации национальной идентичности немцев и консолидации немецкой нации. В самоидентификации немцев с момента воссоединения происходят существенные изменения; они все больше осознают себя как единая нация, которой есть чем гордиться (Рогожин 2011: 102; Благова 2012: 19–20). Однако «тьень нацистского прошлого» вынуждает современных немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Протесты против нового немецкого дискурса о прошлом раздаются не только со стороны сторонников самоцензуры в самой Германии, но и за ее пределами. Процессы «нормализации» национального самосознания немцев происходят под строгим контролем мировой общественности (подробнее см.: Грошева 2014 Б: 62–63).

2.2. Соотношение европейской и национальной идентичности немцев по материалам Евробарометра (1990–2015 гг.)

Статистические данные Евробарометра в целом отражают выделенные выше тенденции. Как отмечалось ранее, до воссоединения немецкой нации в 1990 г. членство в европейском сообществе подерживало около половины населения ФРГ. После объединения ситуация складывается следующим образом. С 1993 по 1999 г. число жителей Германии, заявивших только о своей национальной идентичности, составляло от 29% (1994 г.) до 49% (1998 г.)². Самые низкие показатели приходятся на 1994 (29%) и 1995 г. (38%), в остальные годы они оставались стабильными – в среднем 46%. При этом у западных немцев этот показатель составил 45,4%, у восточных – 53,4%.

В 1990-е гг. доля населения Германии с двойной идентичностью (национальной и европейской), по данным Евробарометра, с превалированием национальной в среднем составляла 37,9% (западные немцы – 39,1% , восточные – 36,7%). В 1993–1995 г. этот показатель составлял 43%, во второй половине 1990-х он снизился до 35% ($\pm 2\%$). Двойную идентичность с превалированием европейской демонстрировали в среднем 7,8% немцев, за исключением 1994 г. – 15% (западные немцы – 15%, восточные – 12%). Число немцев, заявлявших только о европейской идентичности, в среднем составило 5% ($\pm 1\%$), за исключением данных 1993–1994 гг. – 8 и 9% (Standart Eurobarometer 40–52).

В 2000–2004 гг., 2010, 2012–2015 гг. показатели по вопросу соотношения европейской и национальной идентичности несколько изменились. Доля носителей только национальной идентичности в среднем по стране составила 34% (наблюдается тенденция к ослаблению: 38% и 40% в 2000–2001 гг.; 30 и 25% в 2014–2015 гг.). О двойной идентичности с превалированием национальной заявили 50,1% жителей Германии (тенденция к усилению: 46% и 43% в 2000–2001 гг., 60% и 58% в 2014–2015 гг.). Показатели по двойной идентичности с превалированием европейской несколько увеличились и составили в среднем 9,2% (в 2015 показатель увеличился до 12%). Носителей только европейской идентичности стало меньше – 4,1% опрошенных; на протяжении периода отмечается дальнейшая

тенденция к снижению показателя: 5 и 4% в 2000–2001 гг., 2% в 2014–2015 гг. (Standart Eurobarometer 54, 56, 57, 60, 62, 73, 77, 79, 82, 83). Сравнить показатели в Западной и Восточной Германии за период с 2000 по 2015 г. не представляется возможным, поскольку такие сведения в Евробарометре имеются только за 2000–2003 гг., далее представлены общие сведения по стране. Имеющиеся данные свидетельствуют о сохранении тенденции 1990-х гг. У восточных немцев остаются более высокими показатели по национальной идентичности и более низкими – по формам идентификации с европейской составляющей в структуре идентичности.

В целом, согласно статистическим данным, в 1990-е гг. происходит уменьшение числа носителей национальной (по средним показателям – на 12%) и европейской (на 1,5%) идентичности и усиление двойной идентичности с превалированием национальной (на 12,2%) и с превалированием европейской (на 1,4%). Необходимо отметить, что число немцев, имеющих только европейскую идентичность, за период 1993–2015 гг. никогда не превышало отметки 9% и к 2014–2015 г. снизилось до 2%. Самый высокий показатель двойной идентичности с превалирующей европейской составил 15% (1994 г.). В среднем, на протяжении всего рассматриваемого периода эти показатели держатся на отметке 5% ($\pm 1-2\%$) и 10% ($\pm 1-3\%$), что свидетельствует о важности национальной составляющей в идентичности немцев. Однако если суммировать данные по формам идентичности с европейской компонентой, получится достаточно высокий показатель – 62,4% населения Германии, так или иначе заявляющих о своей принадлежности к европейскому политическому и культурному сообществу. Эти показатели соотносятся с данными Евробарометра по вопросу о поддержке членства в ЕС. Начиная с 1991 г. средний показатель держался стабильно на отметке 50% и выше, достигнув в 2010 г. 64% (Standart Eurobarometer 36, 38, 40, 42, 43, 44, 47)³. Отчасти усиление позиций европейской идентичности можно объяснить влиянием её «инструменталистской» составляющей, основанной на оценке людьми издержек и приобретений от принадлежности к общему европейскому пространству (Семененко 2008: 93). Действительно, членство в ЕС полностью отвечает стремлению современных немцев к благосостоянию и безопасности.

Согласно исследованиям ряда российских авторов, значительную роль в структуре идентичности современных немцев продолжает играть региональная идентичность, основанная на сохраняющемся своеобразии историко-культурных и ментальных характеристик жителей германских земель. Как отмечается, это своеобразие находит отражение в их постоянном подчеркивании своей самостоятельности, в том числе и на политическом уровне (Орлов 2012: 27–30; Рогожин 2011: 100–101; Тюкаркина 2012). В частности, федеральные земли с 1992 г., согласно новой редакции статьи 23 Основного закона ФРГ, имеют право на самостоятельное участие в процессе европейской интеграции (п. 6) (Grundgesetz 2014: 8). Отсутствие статистических данных, основанных на систематических опросах общественного мнения, не позволяет определить действительную роль региональной идентичности немцев в формировании общеевропейского самосознания. Данные Евробарометра за 1996 г. свидетельствуют о достаточно высоком уровне поддержки ЕС даже в тех федеральных землях, самобытность которых выражена на уровне названия. При этом достаточно большой является и разница в показателях. В Свободном ганзейском городе Бремен о поддержке ЕС заявило 68% жителей, в Свободном ганзейском городе Гамбург – 51%, в Свободном государстве Тюрингия – 46%, в Свободном государстве Бавария – 47%, в Свободном государстве Саксония – 37% (Standart Eurobarometer 1996, 5). В Баварии и Саксонии, наиболее отличающихся выраженными историко-культурными характеристиками, эти показатели оказались ниже по сравнению с указанными землями, однако в общем списке регионов они занимают не последние позиции (разброс в показателях составляет от 68 до 32%). Это позволяет предположить, что уровень поддержки ЕС в землях зависит не только от историко-культурных, но и от социально-экономических особенностей развития регионов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы об особенностях формирования и эволюции европейской идентичности немцев. Материалы российской и немецкой историографии показывают, что исследователи обсуждают особую роль кризисов в исторической судьбе немецкого государства и их влияния на становление национального самосознания и европейской идентичности немцев. Поражение Германии во Второй мировой войне и

банкротство германской национальной идеи исследователи характеризуют как стимулы для «бегства от прошлого» и долговременную базу для расширения и воспроизводства в общественном сознании европейской идеи. Исследователи полагают, что распад государственного единства Германии в 1945–1949 гг. вследствие поражения в войне сыграл противоречивую роль. В Западной Германии он усилил дрейф общественного сознания к принятию и утверждению европейской идентичности. В Восточной Германии надолго заморозил эти процессы, чем породил определённые сложности в рецепции этой идеи на востоке объединённой Германии на рубеже XX–XXI вв. В настоящее время можно наблюдать отдалённые последствия этих событий в виде политических и научных дискуссий по поводу «ре-национализации» и «нормализации» национального самосознания немцев, внутри- и внешнеполитических спекуляций, связанных с ним.

Материалы исследования позволяют сделать выводы о неоднозначном влиянии объединения Германии на процессы становления европейской идентичности. С одной стороны, объединение ГДР и ФРГ серьёзно усилило позиции идеи германского национального единства в противовес идее единства общеевропейского – за счёт бывших граждан ГДР, изначально более далёких от идеи единой Европы, но активно стремящихся к интеграции в общую Германию, с другой стороны, укрепило общеевропейский элемент в самовосприятии западных немцев, достаточно быстро осознавших свою культурно-цивилизационную непохожесть на новых сограждан из восточных земель. Добавило противоречий и появление в объединённой Германии большого числа этнических немцев-переселенцев, прибывших из стран постсоветского пространства. Результаты полевых исследований по русскоязычным немцам свидетельствуют о проблемах определения своей национальной идентичности, но весьма определенном позиционировании себя в качестве европейцев. Однако реальное влияние культурно-цивилизационного раскола немецкой нации (западные и восточные немцы, немцы – переселенцы из стран СНГ и Восточной Европы) на процессы становления европейской идентичности ещё предстоит изучить.

В исследованиях по проблеме соотношения национального и европейского уровней идентичности немцев значительное внимание

уделяется фактору целенаправленного давления на Германию и её общественное сознание со стороны как германской интеллектуальной элиты, так и внешних сил с целью недопущения возрождения имперских амбиций, связанных с идеями ре-национализации немецкого самосознания. Влияние этого фактора характеризуется как серьёзное препятствие становлению и развитию национальной идеи Германии и тем самым работает на снижение ее конкуренции с идеей европейской идентичности, способствующее утверждению последней. Вместе с тем, нет оснований полагать, что указанное давление не может вызвать обратной реакции.

Отмечается и фактор присутствия локальных (региональных) идентичностей в Германии, существующих со времён раздробленности, сумевших в своё время вписаться в имперское политическое единство и, без видимых потерь, переживших Германскую империю и Веймарскую республику, Третий рейх и послевоенный раскол ГДР и ФРГ. Эти идентичности, согласно статистическим данным, достаточно нейтральны по отношению к проблеме становления европейской общности, не препятствуют этим процессам, но и активно не содействуют им.

В целом по стране, согласно статистическим данным Евробарометра, с 1990-х гг. происходят уменьшение числа носителей национальной и европейской идентичности и усиление двойной идентичности с превалированием национальной и с превалированием европейской. Однако сохраняются существенные различия в показателях по Западной и Восточной Германии, где показатели по европейской идентичности значительно ниже.

2.3. Европейская идентичность молодежи ФРГ

Молодежная политика ФРГ считалась одной из наиболее активных среди стран ЕС и соединена с молодежной политикой ЕС (Грачев). Начиная с 2002 г. ЕС реализовывал специальную молодежную стратегию, главной целью которой являлись повышение гражданской активности молодежи, усиление социального единства европейского общества и учет молодежных проблем в программах развития ЕС. По данным статистики за 2016 г., молодое поколение европейцев представляло значимую долю в составе населения ЕС (28

стран) – 17, 4% (88 654 431 чел. (Youth population) из 510 278 701 чел. (Population)). В документе Европейской комиссии отмечалось, что «социальный и человеческий капитал молодежи является одним из величайших активов будущего Европы» (Communication from the Commission: 2). По мнению Е.Н. Грачева, развитость молодежной политики Германии и Франции была обусловлена двумя факторами: во-первых, тем, что молодежь составляет значительную часть населения этих стран, во-вторых, стремлением преодолеть влияние непростого исторического прошлого, уделяя «приоритетное внимание вопросам возвращения нового поколения в духе примирения, дружбы и принадлежности к единой цивилизационной общности» (Грачев: 134–135). Численность молодежи в Германии, по данным Федерального статистического ведомства Германии на 2016 г., составляла 8 746,9 тыс. человек, или 10,6 % от общей численности населения страны (82 521,7 тыс. человек) (Bevölkerung nach Altersgruppen).

ФРГ активно участвовала в формировании и реализации молодежной политики ЕС. Так, например, деятельность Европейского молодежного парламента с 2004 г. была проектом немецкого фонда «Молодая Европа» имени Х. Шварцкопфа, основанного в Гамбурге в 1971 г. Целью фонда являлось содействие развитию политически сознательных молодых людей и ответственных личностей с целью укрепления европейского политического мышления и взаимопонимания между народами, борьбы против правого экстремизма, антисемитизма и расизма. Фонд распространял информацию о процессе принятия решений в Европе и предоставлял молодежи возможности принять участие в политическом процессе (Schwarzkopf-Stiftung Junges Europa). Европейский молодежный парламент в Германии (отделение ЕМП), осуществлявший свою деятельность с 1990 г., среди своих основных целей провозглашал поддержку развития общей европейской идентичности и гражданской ответственности молодежи как части европейского общества (Das Europäisches Jugendparlament in Deutschland).

Молодежная политика являлась предметом особого внимания правительственных и региональных властей Германии. В стране существовала сеть государственных структур, действующих на основе двух федеральных законов: «О помощи молодежи и детям» и «О защите молодежи». За формирование молодежной политики в

Германии отвечало Министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи. Согласно законодательству, местные органы власти также ответственны за работу с молодежью и были обязаны создавать службы по делам молодежи. Ключевыми инструментами проведения молодежной политики Германии выступали федеральные и земельные советы по делам детей и молодежи, а также два межрегиональных объединения: Германский федеральный совет молодежи и Совет политической молодежи. Кроме государственных структур к реализации молодежной политики были привлечены многочисленные общественные организации. Правительство ФРГ активно привлекало к осуществлению молодежной политики и саму молодежь, выделяя значительные средства из федерального бюджета на проведение мероприятий в рамках молодежной политики. Активную деятельность в стране осуществляла молодежная организация межгосударственного уровня – Французско-немецкое бюро молодежи (OFAJ), созданное в 1963 г. и финансируемое обоими государствами (Грачев: 135–137).

Целенаправленная молодежная политика на разных уровнях – наднациональном (европейском) и национальном германском (федеральном и региональном) – способствовала формированию у германской молодежи высокого уровня осознания принадлежности к общеевропейскому пространству. В ходе опросов общественного мнения, проводившихся в 2016 г. службой «Евробарометр», на вопрос «Вы чувствуете себя гражданином ЕС?» 83% молодых жителей Германии в возрасте 15–24 лет ответили «абсолютно “Да”»; по населению в целом этот показатель был ниже и составил 78%. Среди респондентов, образование которых завершилось в 20 лет и позднее, показатель оказался выше – 85%. В среде студенческой молодежи Германии гражданами ЕС чувствовали себя 91%. Таким образом, проявление наднациональной европейской идентичности было выше у молодежи с более высоким уровнем образования. Высокий уровень самосознания германской молодежи как граждан ЕС уступил показателям только в одной стране ЕС – Ирландии (возраст «15–24» – 89%, студенты – 94%) и на ряд пунктов выше, чем в целом по ЕС (возраст «15–24» – 77%, студенты – 83%), Франции (возраст «15–24» – 78%, студенты – 87%) и Великобритании (возраст «15–24» – 70%, студенты – 82%). Германия по указанным показате-

лям находилась на втором месте в ЕС. На поставленный вопрос «абсолютно “Нет”» ответили лишь 17% в возрасте 15–24 лет и 9% студентов (в целом по стране – 21%, по ЕС – 33%) (Standard Eurobarometer 85: 19). Сравнивая с показателями исследований Евробарометра 2014 г., можно констатировать ослабление в молодежной среде чувства европейского гражданства: для молодежи в возрасте 15–24 лет на 5% (2014 г. – 88%), для студентов – на 4% (2014 г. – 95%) (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 9). Можно предположить, что снижение данных показателей было обусловлено усилением кризисных явлений в ЕС в экономической, финансовой и миграционной сферах.

О знании своих прав как граждан ЕС заявили 69% германской молодежи в возрасте 15–24 лет; среди студентов этот показатель составил 75%; в целом по стране – 68%, по ЕС – 52%. Французские (58%) и британские студенты (70%) знают права граждан ЕС меньше. Доля молодежи Германии, заявившей о том, что они абсолютно не знают своих прав как граждан ЕС, среди возрастной категории «15–24» составила 30%, среди студенческой молодежи – 25% (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 31). При этом сообщили, что хотели бы узнать о правах граждан ЕС, 77% молодежи от 15 до 24 лет и 81% студентов Германии (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 32). И по этим показателям ФРГ оставила позади Францию, Великобританию и ЕС в целом, что демонстрирует особую приверженность германской молодежи европейской идее.

С идеей европейского гражданства в самосознании германской молодежи конкурирует национальный уровень идентичности. Только по национальной принадлежности в 2016 г. себя определили 31% молодых людей в возрасте 15–24 лет и 18% студентов. В целом по стране этот показатель составил 29%; по ЕС – 39%. О двойной идентичности «национальной и европейской (с превалированием национальной)» заявили 54% молодежи в возрасте 15–24 лет и 60% студентов Германии (по стране в целом – 56%, по ЕС – 51%) (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 25). В 2014 г. соотношение носителей национальной и двойной (с превалированием национальной) идентичности в возрастной группе 15–24 лет было в пропорции 30 и 48%, среди студентов – 18 и 64%. По сравнению с 2014 г. мы наблюдаем снижение показателей по «только национальной» иден-

тичности молодежи и увеличение показателя на 4% по двойной идентичности с превалированием национальной среди студентов (Standard Eurobarometer 81. European citizenship: 14). Это позволяет говорить о некотором ослаблении национальной составляющей идентичности молодежи.

Двойная идентичность – европейская и национальная с превалированием европейской – была характерна лишь для 13% молодежи 15–24 лет и 18% студентов. Для населения ФРГ в целом этот показатель составил 11%, для населения ЕС – всего 6% (для группы 15–24 года – 8%, для студентов – 11%). Хотя в целом доля носителей двойной идентичности с преобладанием европейской у германской молодежи невелика, она значительно превосходила как общеевропейские показатели, так и показатели остальных стран ЕС. Носителями только европейской идентичности обозначили себя 1% молодых жителей Германии 15–24 лет и 1% студентов (в целом по стране показатель равен 2%, по ЕС – 2%) (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 26).

Суммируя показатели 2016 г., можно отметить, что носителями национальной идентичности были 98% молодежи (15–24 года), при этом только «национальная» идентичность была у 31% респондентов, двойная с превалированием «национальной» – у 54% и двойная с превалированием «европейской» – у 13%. Однако в этой же возрастной категории было 68% носителей европейского уровня идентичности: европейская с превалированием «национальной» – 54%, национальная с превалированием «европейской» – 13% и только европейская – 1%. Эти показатели выше, чем в среднем по ФРГ и по ЕС в целом. Около 70% молодежи Германии считали себя европейцами, так или иначе соотносят себя с единой европейской общностью.

Европейская идентичность и гражданская идентичность жителей ЕС базировались на представлениях о Европейском союзе, о достижениях и проблемах ЕС, степени удовлетворенности жизнью в европейском сообществе и поддержке членства в ЕС. Материалы Евробарометра позволяют охарактеризовать мнение по этим вопросам в молодежной среде немецкого общества. Отвечая на вопрос «Что означает ЕС для Вас персонально?» весной 2016 г., жители Германии из списка предложенных ответов в качестве приоритетных вы-

брали «свобода путешествий, учеба и работа в любой стране ЕС» (58%), «евро» (51%), «мир» (42%), «бюрократия» (42%). Мнения германской молодежи в 2016 г. были показаны по двум позициям: «свобода путешествий, учеба и работа в любой стране ЕС» и «евро» (это первые две позиции по процентным показателям результатов опросов как по Европе в целом, так и по Германии). Доля германской молодежи (15–24 года), выбравшей первую позицию, составила 54%, что ниже среднего показателя по стране; доля студентов – 69%, что было значительно выше показателей по стране и ЕС (в целом по населению – 50%, для студентов – 64%). Европейский союз ассоциировался с «евро» у 47% молодежи (15–24 года) и у 48% студентов (Standard Eurobarometer 85: 70). Результаты опроса показали, что германская молодежь связывала ЕС в первую очередь со свободой передвижения, обучения и трудоустройства в рамках общества.

Знание о принципах функционирования ЕС были выявлены в ответах на следующие вопросы. С утверждением «Я понимаю, как работает ЕС» весной 2016 г. согласились 58% молодежи (15–24 года) и 61% студентов. По Германии в целом этот показатель составил 60%, по ЕС – 54% (Standard Eurobarometer 85: 112).

Наиболее позитивными результатами деятельности ЕС молодежь Германии в возрасте 15–24 лет и студенты считали: мир между государствами – членами ЕС – 64 и 69% (средний показатель по стране и ЕС – 71 и 55% соответственно); свободу перемещения людей, товаров и услуг – 45 и 45% (средний показатель по стране и ЕС – 63 и 56%); евро – 40 и 37% (средний показатель по стране и ЕС – 37 и 25%); программы студенческого обмена, такие как «Эразмус», – 28 и 39% (средний показатель по стране и ЕС – 15 и 23%) (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 12-13).

Эти результаты показывали особую важность для германской молодежи таких ценностных категорий, как «мир» и «мирное сосуществование», что обусловлено новейшей историей страны. Хотя молодежь, родившаяся в послевоенные десятилетия, по этой позиции демонстрировала показатели ниже средних по стране, но они значительно превышали средние показатели по ЕС и сопоставимы только со статистикой по Франции (молодежь 15–24 лет – 63%, сту-

денты – 69%, средний показатель по всему населению – 64%) (Standard Eurobarometer 85. European citizenship: 12).

К преимуществам Европейского союза, по результатам опросов 2017 г., жители Германии отнесли: уважение ЕС к демократии, правам человека и верховенству права (47%); экономическая, промышленная и торговая мощь ЕС (31%); содействие ЕС миру и демократии за пределами своих границ (27%); хорошие отношения между государствами – членами ЕС (25%) (Special Eurobarometer 467: 7).

Результаты опросов в Специальном Евробарометре 467 позволяют представить мнения европейцев по четырем проблемам как основным вызовам ЕС: безработица, социальное неравенство, миграция и безопасность. Мнения молодежи (15–24 года) и студентов представляют следующую иерархию и показывают, что основные проблемы для ЕС германская молодежь в первую очередь связывала с социальным неравенством и безопасностью (в том числе с учетом миграционного фактора):

– социальное неравенство: 51 и 57% (средний показатель по стране и ЕС – 50 и 36%);

– вопросы миграции: 39 и 44% (средний показатель по стране и ЕС – 39 и 34%);

– вопросы терроризма и безопасности: 28 и 19% (средний показатель по стране и ЕС – 34 и 32%);

– безработица: 27 и 28% (средний показатель по стране и ЕС – 30 и 39%) (Special Eurobarometer 467: 14–15).

По результатам опросов 2017 г. абсолютно удовлетворены своей жизнью в ЕС были 86% молодежи (15–24 года) и 89% студентов Германии (средний показатель по стране и ЕС – 89 и 78%). Эти показатели превышали данные по Франции (77 и 87%, средний показатель по стране – 81%) и были сопоставимы с показателями по молодежной возрастной категории Великобритании (88% и средний по стране – 69%). Были абсолютно не удовлетворены своей жизнью в Евросоюзе 10% молодежи Германии в возрасте 15–24 лет (остальные возрастные категории демонстрируют уровень от 4 до 7%) и 7% студентов. Результаты опросов свидетельствовали о более высокой степени неудовлетворенности молодежи жизнью в ЕС по сравнению со старшими поколениями. Степень удовлетворенности жизнью

германской молодежи в ЕС была лишь немного ниже, чем удовлетворенность жизнью в собственной стране (молодежь в возрасте 15–24 лет – 92%, студенты – 93%, средний показатель по стране – 95%) (Special Eurobarometer 467: 38).

Результаты опросов Евробарометра на 2016 г. показывали, что среди германской молодежи склонны доверять институтам ЕС 41% респондентов в возрасте 15–24 лет и 49% студентов (Standard Eurobarometer 85: 88). Результаты полевых исследований 2017 г. показывали, что большинство германской молодежи было абсолютно согласно с утверждением: «Проект Европейского союза открывает перспективы для будущего европейской молодежи»: 77% – молодые люди 15–24 лет, 81% – студенты (средний показатель по стране – 76%, по ЕС – 66%). Менее оптимистична в этом отношении молодежь Франции (54 и 59%, средний показатель по стране – 61%) и Великобритании (65 и 70%, средний показатель по стране – 53%) (Special Eurobarometer 467: 61).

В 2016 г. респондентам предлагалось оценить перспективы будущего в ЕС для своей страны. Необходимо было согласиться или опровергнуть утверждение «(Вашей стране) было бы легче смотреть в будущее, находясь вне ЕС». Категорически против этого утверждения высказались 67% молодежи в возрасте 15–24 лет и 72% студентов. Согласились 20 и 12% соответственно. В среднем по ЕС показатели для молодежи 15–24 лет и студентов составили 29 и 25%. Германская молодежь оказалась настроенной менее оптимистично по сравнению с французской (22 и 15% соответственно) и более оптимистично по сравнению с британской (32 и 35% соответственно). Средний показатель по стране по сравнению с показателем по ЕС также был ниже – 25 % против 33% (Standard Eurobarometer 85: 77).

В 2017 г. на вопрос «Что было бы полезным для будущего Европы?» молодые европейцы 15–24 лет и студенты ответили следующим образом: сопоставимый уровень жизни (51 и 53%), сопоставимый уровень образования (41 и 46%), четко определенные внешние границы (21 и 18%), экономическое правительство для ЕС (19 и 19%), общая армия (13 и 11%), введение евро во всех странах ЕС (13 и 12%) (Special Eurobarometer 467: 72).

Разбивки указанных показателей по странам в отчете Специального Евробарометра 467 «Будущее Европы. Социальная сфера» нет.

Приводится лишь пример по показателю «Сопоставимые стандарты жизни». Этот показатель отметили 45% молодых людей в возрасте 15–24 лет и 49% студентов Германии (средний показатель по стране – 46%, по ЕС – 52%) (Special Eurobarometer 467: 73).

Представленная выше иерархия ответов молодежи совпадала в целом по ЕС с выбором старшего поколения. Результаты опросов по отдельным странам, как показал пример Германии, могли отличаться. Жители этой страны выстроили свои ответы в следующем порядке: сопоставимый уровень образования (50%), сопоставимый уровень жизни (46%), четко определенные внешние границы (27%), общая армия (27%), экономическое правительство для ЕС (14%), введение евро во всех странах ЕС (13%). Для немцев на первом месте вновь оказались проблемы образования. Проблемы социального равенства и обеспечения безопасности, экономические вопросы ушли на второй план. Судя по ответам германской молодежи на сходные вопросы, ее позиция и предпочтения могли обусловить особенности общих результатов по Германии.

Большая часть молодого поколения имела представление о деятельности ЕС, ассоциировала Союз со свободой передвижения, обучения и трудоустройства в рамках сообщества. К важнейшим преимуществам ЕС относил уважение демократии и прав человека и содействие миру внутри союза и за его пределами. Угрозы для ЕС германская молодежь, в первую очередь, связывала с проблемами социального неравенства и безопасности (с учетом миграционного фактора). Большинство представителей молодого населения Германии было уверено в перспективах пребывания ФРГ в ЕС. Германская молодежь демонстрировала более высокую степень еврооптимизма по сравнению с представителями старшего поколения ФРГ, молодежью большинства других европейских стран и жителями объединенной Европы в целом.

3. Общеввропейские институты и изменения в школьных курсах национальной истории (на примере Великобритании)

Исследования воздействия на национальное самосознание через учебники по истории появляются в 2000-х гг. Это связано с распространением понимания идентичности как динамичной системы. По-

добные социально-антропологические исследования рассматривают постколониальные или постсоциалистические прецеденты (Nation-Building... 2009; Designing History... 2011; The Politics of Educational Reform... 2012; Connecting Histories of Education... 2014). Большой интерес исследователей привлекала образовательная политика в области национальной истории западноевропейских стран (School and Nation... 2013). Обращение со стороны европейских политиков к историческим прецедентам как к основе формирования европейской идентичности оценивалось исследователями неоднозначно. П. Катценштейн (Katzenstein) и Дж. Чекел (Checkel) подчеркивали релятивизм и ситуативность идентификаций с историей (Checkel, Katzenstein 2009: 213–226), И.П. Каролевски (Karolewski) уточнял, что подобные проекты со стороны политических элит ЕС противоречивы, манипулятивны и зачастую не соответствовали национальным мемориальным практикам (Karolewski 2010: 70–71), а Й. Йоханссон (Johansson) сомневался в их изначальной работоспособности, поскольку эти проекты были основаны на декларативном и нереалистичном лозунге «Единство в многообразии» (Johansson 2007: 173–175). Ч. Боттичи (Bottici), не отрицая существующих сложностей, подчеркивал, что появление дискурса по поводу общей исторической памяти способствовало оформлению соответствующей идентичности (Bottici 2008: 54–55).

Римская империя формально признана структурами Евросоюза как одна из ключевых исторических точек в формировании общеевропейской цивилизации. В 2011 г. Парламент и Совет ЕС по инициативе Европейской комиссии приняли решение о создании знака Европейского наследия (European Heritage Label) (DECISION No 1194/2011/EU...). Предполагалось, что этим знаком будут отмечаться места, способные усилить в гражданах ЕС чувство принадлежности к единой Европе (европейскую идентичность) через культурную память (Хальбвакс 2007; Ассман 2004: 44–45; Рикер 2004: 548–553). Эти места должны быть связаны с ключевыми общеевропейскими ценностями. Весной 2014 г. состоялось первое вручение знака Европейского наследия (4 sites are awarded...). Одним из четырех отмеченных мест памяти был археологический парк Карнунт в Австрии – реконструированный лагерь римского легиона (Archaeo-

logischer Park Carnuntum). Таким образом, правительство ЕС признало римское историческое наследие основой единой Европы.

Обращаясь к анализу курсов национальной истории Великобритании в контексте взаимодействия с общеевропейскими программами и институтами, необходимо обозначить специфику среднего образования в этой стране. Учебная программа формируется и контролируется соответствующим министерством в правительстве страны, хотя и, по сравнению с Россией, весьма рамочно. Это позволяет говорить об общегосударственных тенденциях и приоритетах в данной сфере. Поэтому наш фокус исследования сосредоточен именно на среднем образовании Великобритании. При этом акцент сделан на отображение в образовательной системе Великобритании римского наследия как фундамента одновременно и британского общества, и современной единой Европы (что является аргументом включения Великобритании в европейские интеграционные процессы).

В связи с этим возникает вопрос, существуют ли образовательные стратегии британского правительства, предполагающие трактовку римской цивилизации как объединителя Европы, включая Англию (Скотт 2005). При этом необходимо иметь в виду, что, как подчеркивается многими исследователями, британское общество традиционно дистанцируется от континентальной Европы, подчеркивая особую судьбу и историческую роль Островов (McComas 2005: 85; Spiering 2004: 150; Kumar 2003). Рассмотрению британской системы среднего образования был посвящен ряд отечественных работ (Вяземский 2010; Зубкова 2003; Зарецкая 2001; Пучков 2007; Бунькова 2009). Однако эти работы носили описательный характер и не прослеживали связь между политикой британского правительства и содержанием образования.

В 1988 г. британский парламент принял закон о реформе образования (Education Reform Act 1988). Реформа подразумевала создание национального рейтинга школ. Для обеспечения рейтингования требовалось унифицировать образовательные стандарты. Весь период обучения был разделен на ключевые этапы; создан национальный учебный план, в котором описывалось примерное содержание дисциплин по ключевым этапам обучения.

История должна была изучаться на протяжении всех четырех ключевых этапов, то есть с 5 до 16 лет. Однако только на втором и третьем этапах планом были определены конкретные тематики для изучения (*National Curriculum in England: history programmes of study*). Акцент в обучении сделан на национальной истории. История Рима была представлена в разделе «Римская империя и завоевание ею Британии». Эта тема являлась обязательной для второго ключевого этапа (7–11 лет). Было рекомендовано освещать следующие моменты: римское вторжение в Британию; сопротивление бриттов; романизация острова. Все учебники следовали этой рекомендации. Однако различные авторы и издательства привносили собственные акценты в образ римской цивилизации в Британии. Достоинства отдельных изданий определялись не объемом предлагаемых учащимся знаний, а особенностями оформления материала, доступностью и легкостью усвоения его детьми. Ниже рассмотрены несколько британских учебных пособий по истории римской Британии для второго ключевого этапа школьного образования, изданных в 1989–2014 гг. При рассмотрении учитывались: 1) внешние характеристики издания, 2) наличие исторического образования у автора, 3) соотношение и особенности текстуальной и визуальной компонент (что является существенным с точки зрения степени и специфики воздействия на читателя), 4) особенности структурного и тематического построения нарратива, 5) определение роли римского начала в культуре Британии IV–V вв., 5) наличие прослеживаемой связи между римским прошлым и актуальным национальным настоящим (историческая память).

В 1989 г. в издательстве Ladybird Books вышла книга Тима Вуда «*The Romans*». Несмотря на обобщающее название, данная книга (или, скорее, брошюра) была посвящена конкретно вопросу присутствия римлян в Британии. Ladybird Books – британская книгоиздательская фирма, основанная в 1867 г. и специализировавшаяся на детской литературе (в 1972 г. она была поглощена концерном Pearson Group). Одним из наиболее известных проектов Ladybird, приобретшим культовый статус, стала серия массовых богато иллюстрированных и дешевых 56-страничных книг в мягкой обложке, в которых в популярной занимательной форме наполовину визуального, наполовину текстуального повествования излагались различные

образовательные темы, в том числе исторические. Книга «The Romans» полностью соответствует этому формату. Она описывает культуру и повседневность римлян в Британии с помощью детализированных графических и акварельных иллюстраций, которые и являются главным фокусом внимания в книге; текстуальная информация выступает в качестве сопровождения и пояснения (ее автор является популяризатором, но профессионально с исторической наукой не связан). Содержательно брошюра охватывает полный спектр соответствующих тем Национального учебного стандарта: жизнь римлян и бриттов до контакта, походы Рима на Британию и сопротивление местных кельтов, Адрианов вал, римские дороги, бани, дома, школы и виллы, что позволяет говорить о целенаправленной ориентации издателей на использование данной книги в качестве учебного пособия. В нарративе выдерживается позиция благожелательной корректности по отношению к римлянам, равно как и к бриттам. Характерно, что для определения местного населения не используется термин «варвары» (это касается кельтов, бриттов, скоттов, ирландцев, саксов), хотя он встречается при упоминании падения Римской империи в результате нашествия других племен (Wood 1994: 48–49). Завоевание Британии и восстания бриттов против римского господства описаны максимально нейтрально (Wood 1994: 12, 22). Книга завершается обзором ухода римлян из Британии и их наследия в культуре местных жителей. Подчеркнуто, что римляне привнесли много позитивных нововведений в жизнь коренного населения. В частности, отмечены общее повышение уровня жизни благодаря урбанизации, развитие торговли и введение римского законодательства, позволяющего решать споры мирным путем (Wood 1994: 25, 30, 52). Однако степень непосредственного влияния римского образа жизни на последующую историю Британии представлена как ничтожная. С уходом римских легионов констатируется умирание городов и исчезновение римских порядков и культурных паттернов (Wood 1994: 49).

Предметно на учебной школьной литературе в период после Второй мировой войны специализировалось издательство Heinemann (под маркой Heinemann Educational Books), и это направление сохранялось, несмотря на вхождение издательства в состав Reed International в 1987 г. Выпущенная в 1995 г. в рамках данного проек-

та книга «Roman Britain» структурно идентична рассмотренной выше книге, вплоть до тематического содержания глав. Текст также написан не профессиональным ученым-историком. Нарратив максимально прост для усвоения, однако, при наличии сопоставимого большого объема иллюстраций, текстуальной информации структурно значительно больше, и она является более детализированной и разнообразной. Это позволяет сделать относительно большой формат издания, при сохранении стандартного для этого издательства объема книги – 48 страниц. Ключевые элементы нарратива стабильны, соответствуя стандарту (Williams 1997: 3). Учебник, предложенный Heinemann, более четко артикулировал оценки исторических событий. Автор избегает именовать бриттов варварами, но дает это определение саксам, ютам и англам как завоевателям (Williams 1997: 42). Влияние римлян на жизнь в Британии названо цивилизующим, в подтверждение чего перечислены реалии, связанные с римским наследием, – дороги, строения, города, амфитеатры, развитие торговли и установление правового мира (Williams 1997: 22). При этом в тексте указывается на неоднозначность роли римлян в Британии – сначала это все-таки порабощение и разорение, но затем установление мира и распространение благ средиземноморской цивилизации в виде поощрения сельского хозяйства и развития городов (Williams 1997: 22). Констатируется, что в 410 г. Римская Британия полностью приходит к своему концу из-за ухода легионов и вторжения на смену им варваров – англо-саксов (Williams 1997: 43). Из контекста можно понять позицию, что в дальнейшей истории Британии образ жизни римлян был совершенно забыт и никакой роли не сыграл.

Еще одно издание под названием «Roman Britain», посвященное истории римской Британии, было выпущено в 1996 г. (и переиздано в 2003 и 2015 гг.) издательством Evans Brothers. Книга так же, как и рассмотренные выше, предназначена для второй ключевой стадии образования (о чем сообщается на обложке) и выстроена по требованиям национального стандарта. Объем традиционно небольшой – 32 страницы. Издание отличается от ранее рассмотренных тем, что автор текста – Фелисити Хебдитч – являлась преподавателем классических языков и археологии в средней школе и в Кембриджском и Лондонском университетах, о чем сообщается в аннотации. В тексте

заметен приоритет научности, информативности и точности выражений над развлекательностью и занимательностью. Книга иллюстрирована в основном фотографиями реальных исторических памятников и артефактов, что также придает изданию большую научность. Ф. Хебдитч максимально нейтрально описывает процесс завоевания Британии римлянами и сопутствующие восстания, не упоминая о жертвах и репрессиях. Точно так же, останавливаясь на позитивных аспектах, она повествует о романизации бриттов. По сути, весь соответствующий текст сводится к рассказу о достоинствах римских дорог и городов с банями, водопроводом и канализацией (Hebditch 2004: 12–13). Противопоставление городского образа жизни Рима и традиционной культуры бриттов не переходит в учебнике в оппозицию цивилизация – варварство. Определяя варваров как людей, живших за пределами границ Римской империи и совершавших набеги с целью грабежа на ее территорию, Ф. Хебдитч таким образом позиционирует варварство как образ архетипического агрессивного Чужого. Изображая бриттов как относительно мирный и впоследствии романизированный народ, автор избегает негативного сравнения. В то же время пикты, скотты, саксы названы в одном ряду с готами и вандалами как варвары-разорители империи, а бритты в противостоянии с ними семантически объединены с римлянами как защитники мира и закона (Hebditch 2004: 27). Исход этого противостояния определен как уничтожение римской культуры варварами. Далее автор учебника посвящает отдельную главу римскому наследию в истории и культуре Британии, чем смягчает драматизм своего заключения. Раздел о наследии построен вокруг взаимосвязи британской и европейской идентичности. Указано на преемственность в языке, приведены примеры английских слов латинского происхождения. Далее отмечается сохранение на территории Европы римского законодательства – и особенность Британии в этом смысле, поскольку она построила свою юридическую систему на основе саксонского права. Но здесь же автор, намеренно нивелируя слова о специфике Британии, переходит к теме христианской церкви, которая «продолжала связывать Британию с остальной Европой» (Hebditch 2004: 29). Учебник завершается, как и ранее нами рассмотренные, списком рекомендуемых для посещения мест. Их несколько больше, чем в других учебниках (Hebditch 2004: 31).

В 2010-е гг. следует отметить учебное пособие «Roman Britain» 2013 г. издательства Usborne Publishing. Пособие по истории римской Британии снабжено многочисленными красочными иллюстрациями, отличающимися выраженной лубочностью. Текст также имитирует сказочный нарратив, написан намеренно упрощенным языком. Автор текста Рут Броклхерст – редактор издательства. Основные содержательные элементы учебника повторяют подобные им от других издательств. Значительный объем учебника (64 страницы, что превышает средний размер подобных изданий в два раза) обусловлен не более детальным рассмотрением ключевых тем, а большим их количеством – так, отдельно рассматриваются Лондон, бани, спорт, взросление (Brocklehurst, Wheatley 2013: 4). Истории быта и повседневности посвящена почти половина содержания учебника. Влияние римлян по контексту определяется как цивилизующее, однако здесь интересен аспект применения понятия «варвар» к автохтонному населению Британии. Р. Броклхерст относит его к бриттам, в отличие от других авторов, но подчеркивает, что это была позиция римлян. Автор учебника немедленно опровергает эту позицию, указывая на процветающую культуру бриттов, развитие ремесел и активную торговлю с континентом (Brocklehurst, Wheatley 2013: 8). В учебнике нет раздела, рассматривающего роль римского наследия в британской культуре; нет и классического списка мест культурной памяти, рекомендованных для посещения школьниками. Последний заменен на технологию Quicklinks, означающую сопровождение издательством учебника ссылками на веб-сайты, посвященные истории римской Британии.

Рассмотрим учебное пособие по истории римской Британии, выпущенное в 2014 г. относительно небольшим независимым издательством CGP Books, под названием «Romans in Britain» (Copley 2014). Собственно учебник (Study Book) представлял собой лишь часть учебного комплекса, состоявшего также из рабочей тетради (Active Book) и книги для учителя (Teacher Book). Традиционное сочетание ярких иллюстраций и сопровождающего текста максимально адаптировано для целей обучения – ключевые слова в предложениях подчеркнуты, названия и имена собственные выделены цветом, абзацы для запоминания помещены в рамки, все иллюстрации сопровождаются вопросами, стимулирующими самостоятельное

мышление и вырабатывающими навыки анализа (по два-три вопроса на страницу). Нарратив, хотя и содержит все основные разделы, свойственные для учебников других издательств, очень лаконичен, имеет тезисный характер. Кроме того, заметно некоторое сокращение доли истории романо-бриттской повседневности в пользу истории римского завоевания. Также отсутствуют разделы о римском наследии и о мемориальных местах на территории Британии. Отчасти это компенсируется в книге для учителя. Среди так называемых «extension ideas», то есть советов по углублению знаний учеников, упоминается о возможности посещения музеев и исторических реконструкций. Однако ни отдельного списка, ни адресов таких музеев не приводится (Copley, Park 2014).

Музеи Великобритании также участвуют в образовательном процессе, в основном через организацию исторических перфомансов и мастер-классов. Но этим ассортимент образовательной программы музеев не исчерпывается. Так, пособие для посетителей по римской Британии, предлагаемое Британским Музеем, немногим уступает специализированным учебникам (The British Museum. Roman Britain). Оно представляет собой рекомендации для учителей по ведению тематического урока с использованием экспонатов музея для заданий школьникам. Информация о римской Британии изложена предельно конспективно. Отсутствуют какие-либо оценочные высказывания. В тексте основное внимание обращено на археологические реконструкции артефактов римской культуры; приведены названия мест, где сохранились наиболее репрезентативные останки римских строений. Уход римлян из Британии и появление англосаксов представлены как естественная смена одного образа жизни другим, равноценным с археологической точки зрения. Тесты и задания, формы для которых также включены в данный проспект, сформулированы как вопросы, касающиеся конкретных экспонатов музея. Эти задания направлены на формирование первичных навыков научного исследования.

Суммируя черты рассмотренных выше учебников и учебных пособий, можно выделить следующие их характеристики:

1. Изучение истории в британской образовательной программе начинается раньше по сравнению с аналогичными российскими

стандартами (в 7–8 лет, а не в 11–12), что определяет адаптацию материала для младшего школьного возраста.

2. Многочисленные иллюстрации в большей или меньшей степени идеализированы и воспроизводят архетипический взгляд на римскую культуру, существующий в современном массовом сознании. Более академически ориентированное пособие опирается в изложении материала на фотографии артефактов (Hebditch 2004). Но таким образом история перформатируется как предмет изучения археологов, а не источник идентичности.

3. Описание завоевания римлянами Британии и порядков, которые были установлены в результате завоевания, в большинстве учебников выдержано в нейтральном стиле. Выделяются приводимые в некоторых текстах цитаты из сочинения Тацита, гиперкритичные по отношению к римлянам (Williams 1997: 18; Hebditch 2004: 15; Braund 2013: 167–169). Данное противоречие объясняется тем, что эти цитаты являются ныне крылатыми выражениями и используются, дабы познакомить с ними учеников.

4. Противопоставление римлян как носителей цивилизации и бриттов как сравнительно малоцивилизированного народа присутствует в каждом из рассмотренных учебников, однако нивелируется различными методами. Заметно признание культурного превосходства римлян и одновременно нежелание презентовать бриттов как уступающих Риму в общественном развитии. Отсюда представление культур римлян и бриттов как независимых друг от друга и равноценных. При этом показывается, что римская культура мало повлияла на бриттов и быстро исчезла после ухода римлян с островов. Авторы применяют термин «варвары» к англам и саксам, вкладывая в это недвусмысленное негативное значение. Таким образом, позитивная идентичность Британии связана здесь только с кельтским прошлым.

5. Место Рима в культурной памяти британцев выявляется через разделы учебников, посвященные римскому наследию. Не все учебники включают в себя этот раздел. Римское наследие в современной культуре подробно рассмотрено только в одном из изданий (Hebditch 2004: 29). В нем отмечены лингвистические, религиозные, архитектурные традиции, обязанные своим происхождением римскому завоеванию. Там же постулируется установление связей с обще-

европейским культурным и историческим багажом. Однако это издание является скорее исключением из правила. Большинство учебников указывает, что переселение англосаксов в Британию означало полное исчезновение римских традиций.

6. Актуализация памяти о римском присутствии в Британии достигается в учебниках за счет указания мемориальных мест и музеев, рекомендуемых школьникам для посещения. Несмотря на отдельные совпадения, списки не дублируют друг друга, организованы с разной степенью продуманности и никак не регламентированы по содержанию и структуре. В наиболее поздних учебных пособиях они отсутствуют, заменены ссылками на интернет-ресурсы (не всегда рабочими) (Brocklehurst, Wheatley 2013) или рекомендациями для учителей (Copley, Park 2014). В то же время памятники римской эпохи присутствуют во всех графствах Англии и Уэльса (Luell 1912), что делает именно историю мест перспективной с точки зрения интеграции римского наследия в британскую национальную идентичность.

Исходя из особенностей рассмотренных учебников, можно сделать вывод, что в 1990–2010-е гг. большинство издательств Великобритании не ставило перед собой задачу представить британскую историю как часть истории общеевропейской цивилизации. Британская культурная идентичность отождествляется с кельтской традицией; римское завоевание представлено как флуктуация, не оставившая значимых следов, кроме дорог и крепостей. Таким образом, романский мир оказывается чужеродным, в некоторых случаях даже противопоставленным британскости.

В текстах учебников отсутствуют оценочные суждения как негативного, так и позитивного свойства, что коррелирует с ценностями культурной политики ЕС. Единственное исключение из этой тенденции представляет учебник, автором которого является преподаватель классических языков. Однако это исключение, которое подтверждает общее правило: период римского присутствия в Британии трактуется в начальном школьном образовании как преходящий исторический эпизод, сам по себе занимательный, но не оказавший влияния на британскую национальную идентичность.

На третьей ключевой стадии обращение к истории Древнего Рима национальным учебным планом не предусматривается, но до

определенного времени были возможны экскурсии по выбору ученика, затрагивающие эту тему. В учебном пособии 1999 г. указывается на возможность выбора изучения Римской империи в категории «Эпоха или поворотная точка в европейской истории до 1914 года» (Lane, Lane 1999: 6). Издательство Оксфордского университета выпускает ориентированные на школьников второго и третьего ключевых этапов книги, посвященные древним цивилизациям, которые рекомендует использовать для самостоятельных работ. Ряд таких книг был издан в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и выходил под заголовками «На пороге истории (On the Threshold of History)», «Греки (The Greeks)» и «Римляне (The Romans)» в рамках проекта *Rebuilding The Past* (Burrell 1988, 1990, 1991). В 1994–1995 гг. эти книги были объединены под названиями «Оксфордская древняя история для детей» и «Оксфордская первая древняя история» (Burrell 1997, 1999). Реконструкция повседневности – заявленный приоритет данного издания, и его влияние прослеживается в большинстве разделов.

В 2004–2005 гг. это же издательство выпустило новую серию книг о древнем мире для школьников под названием «Мир в древности» (*The World in Ancient Times*), в которой изменило цели освоения истории. Акцент был смещен с истории как объекта познания на историю как процесс познания. Соответственно, изменилась и содержательная часть книг – количество иллюстраций значительно сократилось в пользу увеличения текста, а текст, в свою очередь, приобрел событийную направленность (Mellor, McGee 2004). Рональд Меллор, автор этого издания, – профессор Калифорнийского университета Лос-Анджелеса и признанный специалист в римском источниковедении. Все эти инновации сделали издание более академичным и сложным для восприятия, отчего несколько вырос рекомендованный возрастной порог – старше 11 лет, что соответствует третьей ключевой стадии.

Завершающие главы оксфордских учебников специально посвящены наследию Рима в современной культуре (Burrell 1999: 314–315; Mellor, McGee 2004: 173–176). Для издания 1999 г. характерно сухое перечисление римских артефактов, сохранившихся в современной культуре (Burrell 1999: 314–315). Учебник 2004 г. опирается на те же примеры, однако они включены в артикулированный идей-

ный дискурс, рамки которого заданы в первых строках главы – города и империи подобны людям: они со временем сильно меняются, но при этом сохраняют самость. Такой смысловой посыл открывает возможность говорить о Риме как об актуально существующем культурном феномене, оказывающем повседневное влияние на евро-американское пространство.

Идея присутствия римской цивилизации в евроатлантической культуре развивается в обращении к концепции гражданского долга. Данный посыл приобретает персональную направленность на читателя благодаря абзацу, в котором образ римского духовного наследия переводится из исторического дискурса в дискурс родственных связей с помощью метафоры завещания старой тетушки. Этот троп не просто актуализирует память о Риме, но дополняет ее личной ответственностью за исполнение завещания – то есть за соблюдение гражданских норм (Mellor, McGee 2004: 175).

Рассматриваемая далее тема, казалось бы, резко меняет проблематику текста, контрастируя с проводимой до этого линией духовной преемственности. Речь идет об использовании латинских слов в английском языке. Но следует заметить, что в качестве примера латинизмов приводятся не бытовые обиходные термины, а социально и государственно значимые: библиотека, нация, фабрика, победа. Также указывается, что латынь послужила основой для многих европейских языков (перечислены все языки романской группы). В результате устанавливается смысловая ассоциация англо-саксонской и континентальной европейской культур в общности идеологической гражданской доминанты (Mellor, McGee 2004: 176).

В редакции национального учебного плана 2013 г. уже отсутствует возможность изучения древних цивилизаций; ее заменяет региональная история (local history) (National Curriculum in England: history programmes of study). Эта трансформация учебного плана отражает курс на приоритетность национальной истории. В 1993 г. преподавание национальной истории в пропорциональном соотношении составляло 2/3 всего курса истории на третьем ключевом этапе; 1/6 приходилась на историю Европы и 1/6 – на историю неевропейских обществ (Lane, Lane 1999: 6). По состоянию на 2013 г. соотношение изменилось – 5/7 курса посвящено национальной истории, 1/7 – локальной истории, 1/7 – мировой истории. Как можно

заметить, история Европы как отдельный блок убрана, и акцент еще более, нежели раньше, сместился на изучение истории Великобритании. Эти изменения объяснимы в свете, с одной стороны, последовательного евроскептицизма Дэвида Кэмерона (премьер-министра с 2010 г.), а с другой – роста популярности микроистории и истории мест в экспертной среде.

В возрасте 14–16 лет ученики британских школ сдают экзамен на получение всеобщего сертификата о среднем образовании (General Certificate of Secondary Education, GCSE). Итоговая аттестация школьников проводится негосударственными организациями, поэтому программа выпускных экзаменов по дисциплине может содержать иные по сравнению с национальным учебным планом тематики. В 2009 г. экзаменационный совет «Экзамены Оксфорда, Кембриджа и Королевского общества искусств» (Oxford, Cambridge and RSA Examinations, далее – OCR) впервые ввел в предложенную выпускникам программу экзамена GCSE вопросы по древней истории (GCSE. Ancient History – J151, J051 (from 2009)).

В качестве цели введения тематики Рима в экзамене GCSE OCR указано стремление к пониманию роли римлян в развитии Европы (GCSE. Ancient History). Тем самым, в отличие от национального учебного плана, римская история актуализируется через ее значение в общем европейском контексте. Такая формулировка наводит на мысль о попытке выхода OCR из рамок национальной и локальной памяти к евроинтеграционной парадигме. Однако при рассмотрении конкретных вопросов и требований к ответам, представленных в программе экзамена, можно понять, что заявленная цель исключительно декларативна, и на самом деле в экзамене реализуются иные приоритеты.

В соответствии с программой экзамена при ответе от учащегося требуется знание социальных, экономических, организационных, военных особенностей жизни Рима в соответствующие периоды, а также умение обоснованно критиковать и анализировать исторический источник (последнему аспекту уделено особое внимание) (GCSE. Ancient History. A032. The rise of Rome. Specimen Paper). Все эти знания, умения и навыки соответствуют требованиям к историко-антиковеду, однако никак не помогают понять европейскую зна-

чимось римской цивилизации, то есть достичь заявленной цели введения истории античности в экзамен.

Таким образом, на формирование образа Римской империи в среднем образовании Великобритании оказывает влияние комплекс факторов. Национальный учебный план, введенный и корректируемый правительством Великобритании, задает рамки и единые требования по ключевым темам. Большинство школьных учебников не рассматривает как значимое присутствие римской культуры в британской истории и не связывает романо-европейское наследие с идентичностью британцев. Иная ситуация просматривается только в учебниках издательств Evans Brothers Limited и Oxford University Press в середине 2000-х гг., написанных учеными и преподавателями высшей школы. Благодаря наличию глав, предметно рассматривающих наследие римской цивилизации в современности, история Рима актуализируется. При этом, однако, используются примеры, отсылающие к англо-саксонскому или, в более общем случае, евроатлантическому фреймам, но не к собственно европейскому. Система британской итоговой аттестации школьников по истории не включает вопросы по древней и средневековой истории – за исключением Оксфордского экзаменационного совета. Однако и в случае Оксфорда, несмотря на декларирование значимости римской истории для развития Европы в целом, реальные требования к ответам подразумевают изучение Рима только как предмета исторической науки, в рамках замкнутого академического знания. Можно заключить, что, несмотря на европейское признание значимости римской цивилизации для формирования единой Европы, в британском среднем образовании этот тренд существует эпизодически или декларативно.

Выводы. С начала 1990-х гг. понятие «Европы» перестало носить преимущественно географический и культурно-цивилизационный смысл и обрело большее значение в сфере политической экономики, правовых обязательств и символической принадлежности, определяемых институциональными рамками политических организаций, что способствовало созданию новых разделительных линий в Европе. Проблема европейской идентичности, перейдя в плоскость политики и права, перестает быть темой сугубо схоластических споров, так как ответ на вопрос о принадлежности

или непринадлежности к Европе означает сегодня определенный политический и даже идеологический выбор, который делают страны, политические лидеры и народы. Именно поэтому так важно видеть, как соотносятся разные категории европейской принадлежности, что влияет на это чувство и какие последствия выбора в пользу «Европы» или отказа от такого выбора могут быть для политических элит и народов, живущих в Европе географической.

Изучение европейской идентичности, ее существования и формирования институтами ЕС, несомненно, должно строиться на понимании того, что мы имеем дело с метафизическим объектом исследования. Как подчеркивает С.В. Соколовский, «одной из фундаментальных проблем, связанных с концептом идентичности как тождественности, является установление ее характера» и признание того, что «тождественность никогда не бывает абсолютной», а «неабсолютная, т.е. релятивная тождественность, образуемая на основе абстракции отождествления, позволяет лучше справляться с практическими задачами» (Соколовский 2015: 12). Изучение европейской идентичности также невозможно без признания метафизики отношения целого и частного, то есть тех вопросов, которые С.В. Соколовский называет вполне практическими: «Кто выступает в качестве субъекта национального самоопределения – народ, население, согражданство, парламент, правительство, верховная власть? Может ли быть суверенитет парциальным, т.е. делиться между разными из названных выше субъектов? От решения лишь по видимости далеких от практики вопросов метафизического характера зависят вполне конкретные политические решения и, в конечном итоге, не только форма правления, но и качество нашей жизни» (Соколовский 2015:18).

В отношении Европейского союза как актора, формирующего коллективную политическую идентичность, можно привести саркастическое определение Делла Сала как политической сущности, которую можно описать как «поствестфальскую, постмодернистскую, постнациональную, многоуровневую, в определенных смыслах выходящую за уровень понимания способа управления, и даже постонтологическую (Della Salla). В то же самое время Европейский союз, его политические и экономические элиты, жители стран ЕС являются объективной реальностью, и их идентичность в большей степени

определяется национальным гражданством. Как совершенно справедливо указывает Х. Бест, мы должны признавать возможность различной «тождественности», характерной для национальных и наднациональных элит и масс.

Согласно эмпирическим данным массового изучения содержания европейской идентичности в 18 странах ЕС, для национальных политических элит в большей степени характерна «приверженность идее национального государства, являющегося плодом их собственных трудов или трудов их предшественников, а также привычным полем действия, по сравнению с экономическими элитами, которые в большей степени выступают международными игроками, вовлеченными в международные процессы... Население («массы») может больше, нежели элиты, тяготеть к эссенциалистскому подходу или аскриптивным критериям национальной идентичности» (Бест: 60).

Пример, подтверждающий мысль Х. Беста, можно найти в государственной образовательной политике Великобритании, в которой, несмотря на стремление Европейского союза к формированию единой «постнациональной» идентичности, прослеживается тренд на обособление национальной истории, отражая скептическое отношение к евроинтеграции в целом. События 2016 г., когда граждане Великобритании проголосовали с минимальным большинством за выход из ЕС, могут рассматриваться как подтверждение слабой укорененности европейской идентичности среди британцев, что фиксировалось на протяжении четырех десятилетий членства страны в ЕС.

Главными акторами формирования европейской идентичности в Германии выступают государство и немецкая интеллектуальная элита, предпринимающие усилия по формированию чувства принадлежности немцев к общеевропейской общности. На европейском уровне государство активно идет на углубление процессов интеграции, передачу части национальных полномочий на уровень общеевропейских институтов, стремясь «надстроить» европейскую идентичность. Среди современных факторов формирования европейской идентичности необходимо назвать сохраняющийся культурно-цивилизационный раскол немецкой нации (западные и восточные немцы, этнические немцы – переселенцы из стран постсоветского пространства) и фактор присутствия локальных (региональных) идентичностей в Германии, существующих со времён ее раздроб-

ленности. Важным является и внешнеполитический фактор, выражающийся в целенаправленном давлении на Германию и воздействии на её общественное сознание с целью недопущения возрождения имперских амбиций, связанных с идеями ренационализации немецкого самосознания. В целом можно сделать вывод о том, что, несмотря на противоречивый характер факторов, влияющих на формирование и эволюцию европейской идентичности в Германии, большинство из них задают некое равновесие между общеевропейской и национальной («германской») идентичностью и обуславливают двойную идентичность – одновременно германскую и европейскую, что подтверждается статистическими данными Евробарометра.

Молодежная политика Европейского союза и Германии способствовала формированию европейского гражданского самосознания и европейской идентичности германской молодежи. Уровень европейского самосознания германской молодежи как граждан ЕС значительно выше, чем в ведущих европейских странах и в целом по ЕС. ФРГ по указанным показателям находится на втором месте в ЕС. Чем выше уровень образования германской молодежи, тем более склонна она к проявлению наднациональной, европейской идентичности. В среде германской молодежи доминирует позитивное восприятие Европейского союза. Молодые жители Германии выражают удовлетворенность жизнью в ЕС и относительное доверие к его институтам.

Отношения ЕС и Российской Федерации зависели от их ориентированности на сотрудничество или конфронтацию. Углубление сотрудничества в 1990-е и начале 2000-х гг. отражалось на позитивном отношении большинства россиян к ЕС и европейской интеграции в целом. Рост конфликтности между ЕС и РФ привел к опрокидыванию показателей положительного и отрицательного отношения россиян к ЕС в 2014 г. С этого момента ЕС перестает рассматриваться как партнер и ориентир для будущего развития страны, и все меньшее число россиян идентифицируют себя как европейцев, а Россию как европейскую страну.

Используя таксономию, предложенную Х. Бестом (59), можно утверждать, что приоритет национальной идентичности на уровне масс происходит из когнитивно-эмоциональной природы этого чув-

ства принадлежности, коренящегося в аскриптивных основаниях прошлого и настоящего. Институты Европейского союза создают новую реальность через проектно-волевою деятельность, основанную на приобретаемых признаках (гражданство ЕС) и нацеленную на осознание общей судьбы и цели европейских народов в будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 258–281.

Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 33–60.

Бест Х. Элиты и население в формировании политической идентичности: межкультурное исследование // Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 495 с.

Благова Ю.А. Проблемы национальной самоидентификации в объединенной Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 25 (658). С. 9–22.

Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): Сборник статей / Под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. С. 8–24.

Бунькова Л.А. Образование как одно из приоритетных направлений социальной политики лейбористского правительства Тони Блэра в Великобритании // Образование и наука. 2009. № 7. С. 88–94.

Вяземский Е.Е. Современная система образования в Великобритании // Проблемы современного образования. 2010. № 6. С. 68–84.

Глебова И.И. Травматическое прошлое и национальная политическая культура // Политическая наука. 2006. № 3. С. 114–139.

Грошева Г.В. К вопросу о периодизации процесса трансформации национальной идентичности в Германии второй половины XX – XXI в. (По материалам российской историографии) // Сибирские исторические исследования. 2014А. № 1. С. 33–48.

Грошева Г.В. Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014Б. Вып. 3. Рубрика: Антропология. С. 57–67.

Гудков Л.Д. Россияне разлюбили Европу. Как антизападный разворот российской политики повлиял на массовое сознание // Новая газета. 2015. 4 дек.

Дериглазова Л.В. Социальная политика в условиях расширения ЕС на Восток // Восточное направление процесса расширения ЕС: проблемы и перспективы / Отв. ред. Лицарева Е.Ю. Томск: Изд-во Том ун-та, 2014. 382 с. С. 97–135.

Европа солидарной молодежи: что может помочь? // Utalk. 31.05.2013. URL: <http://ru.euronews.com/2013/05/31/building-a-common-european-vision> (дата обращения: 26.10.2015).

Европейское самосознание сродни американскому / Utalk. 15.08.2012. URL: <http://ru.euronews.com/2012/08/15/european-citizenship-the-death-of-nations> (дата обращения: 26.10.2015).

Зарецкая С.Л. Школьное образование в Великобритании: реформы финансирования и управления // Экономика образования. 2001. № 2. С. 20–31.

Зубкова И.А. Отвечая на вызовы века: современная парадигма школьного исторического образования в Великобритании // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 328–332.

Индикаторы. Отношения к странам. Левада-центр. 2018. <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>

Караганов С.А. «Мы исчерпали европейскую кладовую». Огонек. 2018. № 34.

Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник / Под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73.

Кириллина А.С. Европейская идентичность немцев // Дневник АШПИ. 2013. № 29. С. 210–216.

Коротецкая Л.В. Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов // Полис. 2012. № 1. С. 92–99.

Кортунов А.В. Вернется ли Россия в Европу? РСМД. Аналитические статьи. 17.08.2018.

Лёзина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия [Электронный ресурс] // Отечественный записки. 2013. № 6 (57). URL: www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya (дата обращения: 20.08.2015).

Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. 2005. № 3. С. 66–75.

Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии // Аналит. обзор / Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; отв. ред. В.П. Любин. М., 2012. 76 с.

Пименова Е.В. Преодолеть историю: бренд «Германия» и лидерство в Европе // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 22–33.

Погорельская С. Германия на рубеже веков. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 89–95.

Полевые материалы Г.В. Грошевой (Филлинген-Швеннинген, Федеративная Республика Германия, ноябрь 2014 г.).

Попцов Д.А. Специфика европейского и национального уровней в структуре идентичности немцев (историко-статистический аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 9 (162). С. 262–269.

Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): Сборник статей / Под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. 340 с.

Пресс-выпуск 70. Россия–Европа: в преддверии саммита в Ирландии. ВЦИОМ. 24.03.2004. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3357>

Пресс-выпуск 76. Единая Россия» стремится в Европу. ВЦИОМ. 26.04.2004. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3405>

Пресс-выпуск. Россия и Евросоюз. Левада-Центр. 19.09.2017. <https://www.levada.ru/2017/09/19/16628/>

Пресс-выпуск. Россия и ЕС. Левада-центр. 19.09.2017. <https://www.levada.ru/2017/09/19/16628/>

Пучков П.А. История в системе школьного образования Великобритании // Преподавание истории в школе. 2007. № 2. С. 37–41.

Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Рогожин А.А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 1(19). С. 98–103.

Саква Р. Украинский кризис и кризис Европы // Сибирские исторические исследования. 2015. № 3. С. 8–39.

Семененко И.С. Метаморфозы европейской идентичности // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 3. С. 80–96.

Синдеев А.А. Европейский вызов в истории Германии // Электронный научно-образовательный журнал История. 2014. № 3 (26). URL: <https://history.jes.su/s207987840000723-4-1> (дата обращения: 20.08.2015).

Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.

Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 8–22.

Супрун Н.И., Кулигина Т.И. Следы советского прошлого в сознании и поведении российских немцев в Германии // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции «Язык, культура и общество в современном мире» (Нижний Новгород, 28–30 мая 2012 г.). Нижний Новгород, 2012. С. 73–75.

Токаркина О.М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности // Мир и политика. 2012. № 12 (75). URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 20.08.2015).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хунагов Р.Д. Множество идентичностей в глобализирующемся мире // Власть. 2013. № 2. С. 4–8.

Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // ПЕРСПЕКТИВЫ. Фонд исторической перспективы. URL: www.perspektivy.info/print.php?ID=48576 (дата обращения: 20.08.2015).

Шульце П. Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 177–184.

Archaeologischer Park Carnuntum // www.carnuntum.co.at URL: http://www.carnuntum.co.at/home?set_language=en (accessed: 15.08.2015)

Averre D. ‘Competing Rationalities: Russia, the EU and the “Shared Neighbourhood”’, // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. No. 10. P. 689–713.

Best H. ‘Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities. A Cross-Cultural Investigation’ // O. Gaman-Golutvina and A. Klemeshev (ed.), Political Elites in New and Old Democracies (Kaliningrad: Baltic Federal University Press). 2012. P. 304–317.

Best H., Lengyel G. and Verzichelli L. (ed.). Europe of elite. A Study into the Europeaness of Europe’s Political and Economic Elites. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Bevölkerung nach Altersgruppen, Familienstand und Religionszugehörigkeit. Statistisches Bundesamt URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/AltersgruppenFamilienstandZensus.html> (accessed: 22.12.2017).

Bottici C. Europe, war and remembrance // The Search for a European Identity. London: Routledge, 2008. P. 45–58.

Braund D. Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola. Routledge, 2013. 232 p.

Brocklehurst R., Wheatley A. Roman Britain. London: Usborne Publishing Ltd, 2013. 63 p.

Burrell R. On the Threshold of History. Oxford: Oxford University Press, 1988. 128 p.

Burrell R. Oxford Children’s Ancient History, 1999. 320 p.

Burrell R. Oxford First Ancient History. Oxford: Oxford University Press, 1997. 320 p.

Burrell R. The Greeks. Oxford: Oxford University Press, 1990. 112 p.

Burrell R. The Romans. Oxford: Oxford University Press, 1991. 112 p.

Checkel J.T., Katzenstein P.J. Conclusion – European Identity in Context // European Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 213–227.

Citizens and the European Polity: Mass Attitudes Towards the European and National Politics / Edited by David Sanders, Pedro Magalhaes, and Gabor Toka. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Co-creating European Union Citizenship. Policy review. 2013. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1c538746-ab53-4dd5-ab6d-4dfe7eaa81ff> (accessed: 14.02.2023).

Communication from the Commission to the European Parliament, The council, The European economic and social committee and The Committee of the regions. European Commission. Brussels, 15.9.2015. P.2. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-429-EN-F1-1.PDF> (accessed: 20.12.2017).

Connecting Histories of Education: Transnational and Cross-Cultural Exchanges in (Post)Colonial Education. NY: Berghahn Books, 2014. 262 p.

Copley J. Romans in Britain. Study Book. Broughton House: CGP Books, 2014. 42 p.

Copley J., Park A., Little S. Romans in Britain. Teacher Book. Broughton House: CGP Books, 2014. 39 p.

Crude rate of net migration plus adjustment. EU. Eurostat. 07.10.2014. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsdde230> (accessed: 26.10.2015)

Das Europäisches Jugendparlament in Deutschland e.V. URL: <https://www.eyp.de/ueber-uns/europaeisches-jugendparlament/> (accessed: 22.12.2017).

Decision n. 1194/2011/EU of the European Parliament and of the Council of 16 November 2011 establishing a European Union action for the European Heritage Label // EUR-LEX.EUROPA.EU URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32011D1194&from=EN> (accessed: 15.08.2015).

Della Sala V. Political Myth, Mythology and the European Union // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol. 6, No 1. P. 1–19.

Deriglazova L.V. Russia and the European Union in Eulerian Circles of “Europe” // Russia in Global Affairs. 2018. № 4. P. 8–30. DOI: 10.31278/2618-9844-2018-16-4-8-30.

Designing History in East Asian Textbooks: Identity politics and transnational aspirations. London: Routledge, 2011. 305 p.

Deutsche Einheit und europäische Erwartungen: die Sicht der Nachbarn / Das Vereinigte Deutschland in Europa. Deutschland&Europa. Heft 40. Juli 2000, pp. 4–20. URL: http://www.deutschlandundeuropa.de/40_00/Dtineu.pdf (accessed: 18.08.2015).

Eder K. Europe's borders: The narrative construction of the boundaries of Europe // *European Journal of Social Theory*. 2006. № 2. P. 255–271.

Education Reform Act 1988 // WWW.LEGISLATION.GOV.UK URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/40/pdfs/ukpga_19880040_en.pdf (accessed: 15.08.2015).

EU Citizenship Report 2010. Dismantling the obstacles to EU citizens' rights. European Commission. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/files/com_2010_603_en.pdf (accessed: 26.10.2015).

Euronews. URL: <http://www.euronews.com>

European Identity. What the Media Say / Edited by Paul Bayley and Geoffrey Williams. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Flash Eurobarometr 62. Citizens First. EOS. Gallup Europe. 15.06.1998. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_62_en.pdf (дата обращения: 16.10.2015).

Fligstein N. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future Europe. Oxford: Oxford University Press, 2008. 278 p.

Four sites are awarded the European Heritage Label // EC.EUROPA.EU URL: http://ec.europa.eu/culture/news/2014/20140303-sites-awarded_en.htm (accessed: 15.08.2015).

GCSE. Ancient History - J151, J051 (from 2009). WWW.OCR.ORG.UK URL: <http://www.ocr.org.uk/qualifications/gcse-ancient-history-j151-j051-from-2009/> (accessed: 15.08.2015).

GCSE. Ancient History // WWW.OCR.ORG.UK URL: <http://www.ocr.org.uk/Images/71497-specification.pdf> (accessed: 15.08.2015).

GCSE. Ancient History. A032. The rise of Rome. Specimen Paper // WWW.OCR.ORG.UK URL: <http://www.ocr.org.uk/Images/72985-unit-a032-the-rise-of-rome-specimen.pdf> (accessed: 15.08.2015).

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 2014, 50 p. / Das Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf> (accessed: 10.08.2015).

Gulyaeva O. Russian Vision of the EU in its Interactions with the Neighbourhood // *Baltic Journal of European Studies*. 2013. Vol. 3, No. 3(15). P.175–194. DOI: 10.2478/bjes-2013-0026

Hansen P., Hager S.B. The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. NY, Oxford: Berghahn Books, 2010. 250 p.

Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-term Crisis in EU–Russia Relations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 22, No. 1. P. 25–40.

Havel V. Speech made to the European Parliament in Strasbourg on March 8th, 1994. URL: <http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=221ajprojevy.html&typ=HTML> (accessed: 19.10.2015).

Headley J. Is Russia Out of Step with European Norms? Assessing Russia's Relationship to European Identity, Values and Norms Through the Issue of Self Determination // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, No. 3. P. 427–447.

Hebditch F. Roman Britain. London: Evans Brothers Limited, 2004. 31 p.

Huistra P., Molema M. and Wirt D. Political Values in a European Museum // *Journal of Contemporary European Research*. 2014. 10 (1). P. 124–136.

INTUNE Project. Integrated and United: A Quest for Citizenship in an Ever Closer Europe. URL: <http://ukcatalogue.oup.com/category/academic/series/politics/intune.do> (accessed :17.10.2015)

Jarausch Konrad H. Normalisierung oder Re-Nationalisierung? Zur Umdeutung der deutschen Vergangenheit // *Geschichte und Gesellschaft*, 21. Jahrg., H. 4, Probleme der englischen Sozialgeschichte. Oct. - Dec., 1995. P. 571–584.

Johansson J. Learning to Be(come) A Good European: A Critical Analysis of the Official European Union Discourse on European Identity and Higher Education. Linköping: Linköping University, 2007. 356 p.

Karolewski I.P. Citizenship and Collective Identity in Europe. Oxon: Routledge, 2010. 156 p.

Kockel Ullrich. Re-Visioning Europe: Frontiers, Place Identities and Journeys in Debatable Lands. UK. Palgrave Macmillan, 2010. 225 p.

Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics. Putin Returns to the Historical Pattern // *Foreign Affairs*. 2016. May/June 2016.

Kratochvil P. The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (The Lack of) Europeanisation // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60, No. 3. P. 397–422.

Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 253 p.

Lane P., Lane C. History: Key Stage 3 Study Guide. London: Letts, 1999. 200 p.

Laruelle M. (2016) Russia as an anti-liberal European civilisation // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015.* / Eds. Pål Kolstø, Helge Blakkisrud. Edinburgh University Press. Macmillan, 2016.

Lyell A.H. A Bibliographical List Descriptive of Romano-British Architectural Remains in Great Britain. Cambridge University Press, 1912. 156 p.

Marquand J. Development Aid in Russia: Lessons from Siberia. London: Palgrave, 2009.

McCormac U. Being in Europe: pluralism and patriotism in England and Scotland // *Changing Face of European Identity*. Oxon: Routledge, 2005. P. 64–90.

Mellor R., McGee M. The Ancient Roman World. Oxford: Oxford University Press, 2004. 192 p.

Mobility of students in Europe. Eurostat. 07.10.2014. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=0&language=en&pcode=tps00064> (accessed: 26.10.2015).

Nation-Building, Identity and Citizenship Education: Cross-Cultural Perspectives. Berlin: Springer, 2009. 201 p.

National Curriculum in England: history programmes of study // WWW.GOV.UK URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (accessed: 15.08.2015).

Number of students by level of education, orientation, sex and NUTS 2 regions. Eurostat. 12.11.2014. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/hui/setupDownloads.do> (accessed: 26.10.2015).

Population on 1 January // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&pcode=tps00001&tableSelection=1&footnotes=yes&labeling=labels&plugin=1> (accessed: 20.12.2017).

Scharpf F.W. The Asymmetry of European Integration or why the EU cannot be a “Social Market Economy”. KFG Working Paper Series. № 6. Sept. 2009. URL: http://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/publications/working_paper/WP_06_September_Scharpf1.pdf (accessed: 26.10.2015).

School and Nation: Identity Politics and Educational Media in an Age of Diversity. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2013. 136 p.

Schwarzkopf-Stiftung Junges Europa. URL: <https://schwarzkopf-stiftung.de/about/die-stiftung/>

Semenenko I. The Quest for Identity. Russian Public Opinion on Europe and the European Union and the National Identity Agenda // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol.14, No.1. P. 102–122.

Shore Cris. Building Europe: The Cultural Politics of European Integration. London, NY: Routledge, 2000. 258 p.

Special Eurobarometer 467. Future of Europe. November 2017. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/surveyKy/2179/> (accessed: 22.12.2017).

Spiering M. British Euroscepticism // Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration / Ed. by Robert Harmsen, Menno Spiering. Rodopi: Amsterdam, New York, 2004. P. 127–150.

Standard Eurobarometer 33. June 1990. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=46143> (accessed: 14.02.2023).

Standard Eurobarometer 45. Spring 1996. December 1996. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=46176> (accessed: 14.02.2023).

Standard Eurobarometer 81. European citizenship. Spring 2014. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2040> (accessed: 22.12.2017).

Standard Eurobarometer 85. European citizenship. Spring 2016. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=58920> (accessed: 14.02.2023)

Standard Eurobarometer 85. Public opinion in the European Union. Spring 2016. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=57303> (accessed: 14.02.2023).

The British Museum. Roman Britain. Visit resource for teachers. Key Stage 2 // WWW.BRITISHMUSEUM.ORG URL: [http://www.britishmuseum.org/PDF/ Visit_Roman_Britain_KS2b.pdf](http://www.britishmuseum.org/PDF/Visit_Roman_Britain_KS2b.pdf) (accessed: 15.08.2015).

The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites / Edited by Heinrich Best, György Lengyel, and Luca Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. 314 p.

The Europeanization of National Polities? Citizenship and Support in a Post-Enlargement Union / Edited by David Sanders, Paolo Bellucci, Gábor Tóka, and Mariano Torcal. Oxford: Oxford University Press, 2012. 308 p.

The Politics of Educational Reform in the Middle East: Self and Other in Textbooks and Curricula. NY: Berghahn Books, 2012. 284 p.

The Promise of the EU. Qualitative survey. Aggregate report. Sept. 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/quali/ql_6437_en.pdf (accessed: 26.10.2015).

The Schuman Declaration 9 May 1950. URL: http://europa.eu/about-eu/basic-information/symbols/europe-day/schuman-declaration/index_en.htm (accessed: 25.10.2015).

The Treaty on European Union (TEU): A Commentary / Edited by Blanke, Hermann-Josef, Mangiameli, Stelio. Springer, 2013, XXXV, 1813 p.

Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. C 306 /01. Vol. 50. 17 December 2007. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=EN> (accessed: 26.10.2015).

Tumanov S., Gasparishvili A. and Romanova E.. Russia–EU Relations, or How the Russians Really View the EU // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27, No 1. P. 120–141.

Williams B. Roman Britain. Oxford: Heinemann, 1997. 48 p.

Wood T. The Romans. Loughborough: Ladybird Books Ltd, 1994. 56 p.

Youth (yth). Youth population (yth demo). Child and youth population on 1 January by sex and age // Eurostat. Your key to European statistics. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed: 20.12.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широта территориальных рамок и хронологического диапазона исследований, результаты которых представлены в данной монографии, позволила продемонстрировать процессы конструирования региональной, общенациональной и транснациональной идентичности в различных исторических контекстах. Многообразие политических систем и социально-экономических укладов, образов и стилей жизни, этнического и конфессионального состава населения, культурных традиций стало фоном для реконструкции разнообразных форм и методов репрезентации идентичности, выявления факторов, влиявших на «всплески» и «спады» активности общественных и политических акторов этого процесса. Поставив перед собой задачу раскрыть взаимосвязи трех векторов идентичности как конструируемой реальности, авторы отразили динамику их соотношения на разных этапах исторического развития и в различных социокультурных пространствах.

Процесс конструирования всех форм идентичности – сибирской, общероссийской, европейской – представлен с учетом присущей ему двойственности, обусловленной взаимодействием двух тенденций: стихийной, проявляющейся на уровне массового сознания, с одной стороны, и целенаправленной деятельностью интеллектуальной элиты, общественных и политических акторов, сознательно конструировавших идентичность, – с другой. Такой подход позволил ввести в исследовательское пространство социально-антропологическое измерение, демонстрирующее не только динамичность реальных жизненных обстоятельств людей, но и слабую предсказуемость и невозможность алгоритмизации процессов, имеющих своей целью интеграцию граждан в рамках определенных социальных общностей.

Вместе с тем, анализ дискурсивных и общественно-политических практик, направленных на формирование и внедрение

различных форм социальной идентичности, подтвердил их обусловленность глубинными социокультурными основаниями и объективными факторами конкретных этапов исторического развития. В этой связи представляется не только возможным, но и необходимым прогнозировать общую логику и тенденции процесса конструирования идентичности. Такая задача является тем более значимой, что конструируемые сообщества, в свою очередь, становятся инструментом для формирования политики идентичности и могут использовать её для изменения реальности. Поэтому столь важно делать акцент на реализацию интеграционного потенциала идентичности для предотвращения разрушительных попыток противопоставления различных социальных групп, формируемых на основании осознания общности региональных, национальных, государственных интересов.

Сложносоставной характер, полифоничность идентичности, подвижность её границ открывают широкий простор для продолжения исследований в направлении, обозначенном в монографии. Авторы выражают надежду, что предложенный ими подход к анализу взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия между векторами региональной, общенациональной и межнациональной идентичности в различных исторических ситуациях будет способствовать определению перспектив гармонизации различных форм общности людей в усложняющемся мире.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук
АССР – Автономная советская социалистическая республика
ВСГ – Всероссийский союз городов
ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГДР – Германская Демократическая Республика
ЕГВ – Енисейские губернские ведомости
ЕС – Европейский союз
ЭЭС – Европейское экономическое сообщество
ИГВ – Иркутские губернские ведомости
КДСР – Конфедеративный договор российского содружества
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСЗ – Конфедерация сибирских земель
МАСС – Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение»
МНП – Министерство народного просвещения
НАТО – Организация Северо-Атлантического договора
ОАС – Освободительная Армия Сибири (Областническая Альтернатива Сибири)
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ПНС – Партия независимости Сибири
ПСДВ – Партия свободы Дальневосточной республики
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СБР – Союз ради будущего
Сибиртет – Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТГВ – Томские губернские ведомости
ТНД – Томское народное движение
ТобГВ – Тобольские губернские ведомости
ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа
ЦК – Центральный комитет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Грошева Галина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана историко-филологического факультета ТГПУ. Сфера научных интересов включает изучение идентичности и миграций в контексте мультикультурализма и современных процессов европейской интеграции. Участник международных и российских проектов по изучению идентичности и миграций.

ORCID 0000-0002-9011-1200

eLIBRARY ID: 225069

Scopus ID: 57192178750 WoS ID: AAJ-9581-2021

Дериглазова Лариса Валериевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики ТГУ. Сфера научных интересов включает изучение идентичности, Европейского союза, отношений ЕС и России. Участник международных и российских проектов по изучению идентичности.

ORCID 0000-0003-4577-6163

eLIBRARY ID: 48721593

Scopus ID: 57190747013

WoS ID: S-4787-2016

Коньков Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ. Сфера научных интересов включает изучение властных отношений в традиционных обществах, эволюции властных структур, предгосударственных общностей, проблем идентичности в исторических обществах, истории памяти, истории понятий.

ORCID: 0000-0003-4092-9490

eLIBRARY ID: 350191

WoS ID: N-8258-2014

Кудряшев Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и документоведения ТГУ. Сфера научных интересов – история Российской империи XIX в., общественно-политическая мысль России XIX в.

ORCID 0009-0003-7462-2996

eLIBRARY ID: 15050239

Scopus ID: 56490789700

WoS ID: IQW-8232-2023

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и кафедры антропологии и этнологии ТГУ. Сфера научных интересов – миграции, диаспоры, национальная, этническая и региональная идентичность в истории и современности.

ORCID 0000-0002-3636-7539

eLIBRARY ID:

Scopus ID: 56490072500

WoS ID: F-9855-2017

Харусь Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. Сфера научных интересов – история общественно-политической жизни в Сибири, история общественной мысли в Российской империи.

eLIBRARY ID: 105378

ORCID 0009-0009-4839-1200

Scopus ID: 56358140100

WoS ID: IQW-6109-2023

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории ТГУ. Сфера научных интересов – история Российской империи и Сибири, дореволюционная периодическая печать.

eLIBRARY ID: 479580

ORCID 0000-0002-6144-5578

Scopus ID: 56437384400

WoS ID: O-7938-2015

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grosheva Galina Vasilievna, candidate of science in history, docent, deputy dean at the Faculty of Philology and History, Tomsk State Pedagogical University. Research interests include identity and migration in the context of multiculturalism and European integration. Has participated in international and Russian projects studying identity and migration.

ORCID 0000-0002-9011-1200

eLIBRARY ID: 225069

Scopus ID: 57192178750 WoS ID: AAJ-9581-2021

Deriglazova Larisa Valerieva, doctor of science in history, professor, professor at the World Politics Department, Tomsk State University. Research interests include identity, the European Union, relations between the European Union and Russia. Has participated in international and Russian projects studying identity.

ORCID 0000-0003-4577-6163

eLIBRARY ID: 48721593

Scopus ID: 57190747013

WoS ID: S-4787-2016

Konkov Dmitry Sergeevich, candidate of science in history, docent, docent at the Department of Ancient History, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University. Research interests include power relations in traditional societies, evolution of power structures, pre-state communities, identity in historical communities, history of memory, history of notions.

ORCID: 0000-0003-4092-9490

eLIBRARY ID: 350191

WoS ID: N-8258-2014

Kudryashev Vyacheslav Nikolaevich, doctor of science in history, docent, professor at the Department of History and Document Studies, Tomsk State University. Research interests include history of the Russian Empire in XIX century, social and political thought in Russia.

ORCID 0009-0003-7462-2996

eLIBRARY ID: 15050239

Scopus ID: 56490789700

WoS ID: IQW-8232-2023

Nam Iraida Vladimirovna, doctor of science in history, docent, professor at the Department of Russian History and the Department of Anthropology and Ethnology,

Tomsk State University. Research interests include migrations, diasporas, national, ethnic and regional identity in history and current world.

ORCID 0000-0002-3636-7539

eLIBRARY ID:

Scopus ID: 56490072500

WoS ID: F-9855-2017

Kharus Olga Anatolievna, doctor of science in history, professor, professor at the Department of History and Document Studies, Tomsk State University. Research interests include history of social and political life in Siberia and history of social thought in the Russian Empire.

eLIBRARY ID: 105378

ORCID 0009-0009-4839-1200

Scopus ID: 56358140100

WoS ID: IQW-6109-2023

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich, doctor of science in history, professor, professor at the Department of Russian History, Tomsk State University. Research interests include history of the Russian empire and Siberia, pre-Soviet periodicals.

eLIBRARY ID: 479580

ORCID 0000-0002-6144-5578

Scopus ID: 56437384400

WoS ID: O-7938-2015

Научное издание

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 04.07.2023 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 16,9; усл. печ. л. 15,7; уч.-изд. л. 16,3

Тираж 500 экз. Заказ 523

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,

634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1